ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 5 (4759)
30 января 1980 г.
СРЕДА

ГОД ИЗДАНИЯ 51-й

Афанасий КОПТЕЛОВ

КЛЯНЕМСЯ!

...ЛЮДИ моего поколения рано включались в общественную деятельность. Мне не было и 18 лет, когда на уездном съезде Советов меня избрали членом Черепановского исполкома, утвердили членом коллегии земельного управления, а через два года я был приглашен на работу в редакцию краевой газеты «Сельская правда».

Помню жестокий мороз, непроглядную ночь. Со двора ворвался какой-то человек в туманной струе холодного воздуха:

— Ленин... умер!

Все повскакивали с коек:

— Как же?. Как же так?..

Я поспешил в редакцию. Может, на телеграфе ошиблись?.. Но в типографии уже набирали передовую «Без Ильича», написанную старым большевиком, статьи которого печатались еще в ленинской «Искре». На следующий день собрался траурный митинг — более 20 тысяч человек. Замерли знамена с черным крепом, плакали заводские гудки. С трибуны разносились призывные слова:

— Перед свежей могилой вождя поклянемся в верности делу пролетарской революции, за которую боролся и умер Ильич.

Все сняли шапки, склонили головы:

— Клянемся!

И вот уже шестое десятилетие я вижу, как осуществляется эта клятва.

Один из основных заветов вождя — дружба народов многонациональной страны. Расцвет этой дружбы привел меня в Горный Алтай, породнил со вчерашними кочевниками, переходившими на оседлую жизнь и создавшими первые колхозы. Я написал роман «Великое кочевье».

В одном из писем, отправленных Владимиром Ильичем в 1897 году младшей сестре, я прочел о Шушенском: «Садов и вообще растительности нет». А что изменилось с тех пор? Из газет я знал, что еще во время Великой Отечественной Минусинский район прославился на всю страну своими садами. И осенью 1948 года мы с Сергеем Венедиктовичем Сартаковым проехали по всем крупным колхозным садам этого района, посмотрели сады в Шушенском, и я написал о сибирских мичуринцах роман «Сад». Мне хотелось показать: вот как преобразована сибирская деревня!

В трудном, огневом 1942 году в Красноярске под редакцией К. У. Черненко, в то время секретаря краевого комитета партии, вышла книга «В. И. Ленин в сибирской ссылке». Так историки сказали свое первое слово о тех трех годах, когда далекое Шушенское гением Ленина было превращено в центр революционной мысли. А где же слово литераторов? О том времени в художественной прозе еще не было ничего. Но кто-то же должен рассказать, думалось мне, о сибирском периоде жизни и деятельности Владимира Ильича. Старую Сибирь я помню, жизнь того времени мне, быть может, и удастся передать, а перед воплощением в слово образов всем нам дорогих людей я долгое время робел. Сначала написал только очерк. После немалых колебаний решил обратиться к новому для меня жанру историко-революционного романа. Потребовались многочисленные поездки по ленинским местам в стране и за рубежом, работа в архивах, знакомство с мемуарами, с богатым эпистолярным наследием.

Сейчас на моем столе корректура третьего тома собрания сочинений, в нем роман «Большой зачин». В ближайшее время будет сдан 4-й том, «Возгорится пламя». Я счастлив, что заключительный роман моей трилогии «Точка опоры» удостоен Государственной премии СССР.

АНКЕТА «ЛГ»

«ЛЕНИН В МОЕЙ СУДЬБЕ»

Емилиан БУКОВ, Герой Социалистического Труда

150 ДОРОГИХ СТРОК

БЫВАЕТ, что одно из произведений писателя предопределяет направленность ряда других его произведений. У меня таким произведением явилась «Баллада о Ленине», написанная в начале 30-х годов. Это было до освобождения и воссоединения со Страной Советов моего края — Бессарабии. Был я тогда комсомольцем - подпольщиком. Писал и печатал революционные стихи и прозу.

Названная баллада — короткое музыкально-поэтическое произведение в стихах, мелодекламация, которую мог исполнять только сам автор, так как при каждом исполнении я варьировал некоторые детали мелодии, в зависимости от аудитории и политического момента — внутреннего и международного. Так что сколько было выступлений, столько и вариантов баллады. Я исполнял ее часто, буквально сотни раз на сходках, на массовках, на встречах с молодежью, на комсомольских собраниях. Где бы я ни начинал читать свои стихи, слышались голоса: «Балладу о Ленине»! Ее помнят и сейчас бывшие участники бессарабского подпольного коммунистического движения.

Однажды на встрече с рабочими лесопильного завода я был арестован во время исполнения этой баллады. При мне был ее текст, конечно, не подписанный, который я хотел передать рабочим.

Комиссар полиции спросил агентов, задержавших меня: «Сколько в этом писании строк?» Те быстро подсчитали. «Свыше 150». — был ответ. Шеф, язвительно улыбнувшись, дал приказ: «Столько же розог автору». Приказ шефа был выполнен. Слава богу, в рассрочку. Ведь я у них «погостил» не один день. Этот «гонорар» я никогда не забуду.

Но не только поэтому баллада предопределила мою последующую писательскую судьбу, стала ее сердцевиной. Образ великого вождя революции укрепляет, окрыляет все мое существо, живет в моем сознании, как движущая сила. И не только в литературной работе, но и в общественном труде, без которого я не мыслю писательской деятельности.

Впервые в истории человечества свершилось чудо, порожденное Октябрьской революцией. Это воплощение ленинской идеи о созидательной, всепобеждающей дружбе народов. Я много писал и пишу о ней. Стремлением утвердить ленинские отношения между людьми рождена и «Баллада о Ленине».

ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ

Готовясь к выборам в Верховные Советы союзных, автономных республик и в местные Советы народных депутатов, советский народ, воодушевленный решениями ноябрьского (1979 г.) Пленума Центрального Комитета партии, итогами второй сессии Верховного Совета СССР, проявляя высокую политическую и трудовую активность, настойчиво борется за выполнение решений XXV съезда КПСС, достойную встречу 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, успешное завершение планов десятой пятилетки.

По-деловому, в обстановке высокого политического подъема проходят в стране встречи избирателей с кандидатами в депутаты высших органов государственной власти союзных республик — лучшими представителями народа, заслужившими высокий авторитет работой и общественной деятельностью. Среди кандидатов в депутаты, передовых представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, — советские писатели. «Литературная газета» уже сообщала имена писателей, выдвинутых кандидатами в депутаты Верховных Советов союзных республик. Сегодня мы продолжаем эту публикацию.

Николай Грибачев и Сергей Наровчатов выдвинуты кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Кандидатами в депутаты Верховного Совета Казахской ССР выдвинуты Муслим Базарбаев, Сапар Байжанов, Шериаздан Елеукенов, Кекимжан Казыбаев.

Кандидатом в депутаты Верховного Совета Грузинской ССР назван Георгий Жоржолиани.

Ионас Белинис, Альбертас Лауринчюкас, Юозас Некрошюс и Ромас Шармайтис выдвинуты кандидатами в депутаты Верховного Совета Литовской ССР.

Кандидатами в депутаты Верховного Совета Таджикской ССР выдвинуты Рахим Джалил, Мирсаид Миршакар, Боки Рахим-заде.

Трудящиеся Туркмении своими кандидатами в депутаты Верховного Совета республики выдвинули Аширмурада Мамилиева и Юсупа Хандова.

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ

У директора совхоза «Победа» Г. И. Гецентова — совещание

На детской площадке в селе Писковичи

Вместе со всей страной готовятся к выборам труженики ордена Трудового Красного Знамени молочно-овощного совхоза «Победа» Псковского района Псковской области.

Из года в год повышается благосостояние работников совхоза. Сегодня более трехсот семей уже живут в новых домах городского типа со всеми удобствами. Построена школа-десятилетка на 600 мест. Растет тепличное хозяйство.

Во всех успехах совхоза есть доля труда его директора Героя Социалистического Труда, кавалера пяти орденов Григория Ивановича Гецентова. И не случайно коллектив снова выдвинул его кандидатом в депутаты районного Совета народных депутатов.

Фоторепортаж Тимофея ВАЖЕНКОВА

Основы будущего урожая закладываются зимой

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

ПОСТОЯНСТВО ДРУЖБЫ

Для подписания плана сотрудничества между Союзом писателей СССР и Союзом венгерских писателей на 1980 год в Москву прибыла делегация писателей ВНР в составе: Габор Гараи — генеральный секретарь СВП и Иван Фельдеак — ответственный секретарь инокомиссии СВП. План подписали секретарь правления СП СССР Р. Казакова и Габор Гараи.

— Отношения между советскими и венгерскими писателями характеризуются добрым постоянством, — сказала Р. Казакова. — Произведения ваших авторов популярны и любимы у нас в стране. Издание 15-томной библиотеки венгерской литературы, сборник «Рукопожатие», созданный совместно писателями СССР и ВНР, — примеры делового и творческого сотрудничества. Мы убеждены, что день ото дня оно будет крепче и плодотворнее.

— За последние 35 лет советская литература оказала громадное влияние на творчество наших писателей, — отметил Г. Гараи. — В апреле мы отмечаем 35-летие освобождения Венгрии от фашистских захватчиков. В сознании нашего народа навсегда останется памятным тот факт, что свободу нам принес советский народ.

Делегация советских писателей примет участие в мероприятиях, посвященных 35-летию освобождения Венгрии от фашистских захватчиков, в Днях советской литературы, в традиционной Неделе книги.

В нашей стране будет проведен «круглый стол» на тему «Вторая мировая война и ее изображение в венгерской и советской литературе» в связи с 35-летием Победы. В нем участвуют писатели двух стран. Прозаики, поэты, критики ВНР приедут к нам в апреле на Дни венгерской культуры, посетят республики и города СССР на Днях советской литературы.

Как и ранее, продолжатся творческие обмены между литературными органами писательских организаций СССР и ВНР.

При подписании присутствовали: с советской стороны — секретари правления СП СССР Ю. Верченко, Н. Федоренко, О. Шестинский, ответственные сотрудники правления СП СССР, с венгерской — советник посольства ВНР в СССР Йожеф Кери и атташе посольства Чаба Тебейди.

ОДИН ДЕНЬ НА ФИЛФАКЕ МГУ

Репортаж специальных корреспондентов «ЛГ»

стр. 2

АФГАНИСТАН: ШАГИ РЕВОЛЮЦИИ

Мумин КАНОАТ

ГРАНИЦА между Советским Таджикистаном и Афганистаном проходит по горной реке Пяндж. Вдоль ущелья идет автомобильная дорога. Таджикистан и Афганистан — соседи. Но наши народы связывает не только соседство, но и давняя дружба и общий язык, на котором мы пишем.

Я был в Афганистане в июне прошлого года. С нетерпением я ждал встречи с афганскими поэтами и писателями, которых знаю много лет. Наконец эта встреча состоялась. Но напрасно я искал среди приглашенных известных революционных литераторов и поэтов. Не появился и Лоик Сулаймон. Тяжелое чувство испытал я, когда узнал, что он арестован и находится в тюрьме узурпатора Амина, развязавшего массовые репрессии против революционной интеллигенции, рабочих, против революционеров, участвовавших в апрельской революции.

Не слово и дело твое
клевещет чужак.
Земные заботы торопится
в небо закинуть.
Зенит ему черные нити
из солнца открыл,
И черное ищет на алых
знаменах рассвета.

Эти строки я взял из стихов, написанных мною сразу же после поездки в Афганистан. Я думаю, что они точно отражают мое настроение.

Контрреволюционеры организовывали мятежи, из-за границы к ним на помощь прибывали тысячи, десятки тысяч обученных и вооруженных империализмом мятежников. Как сказал Леонид Ильич Брежнев в своих ответах корреспонденту «Правды»: «Империализм вместе со своими пособниками начал по сути дела необъявленную войну против революционного Афганистана... Непрекращающаяся вооруженная интервенция, далеко зашедший заговор внешних сил реакции создали реальную угрозу утраты Афганистаном своей независимости, превращения его в империалистический военный плацдарм на южной границе нашей страны».

И вот Амин свергнут. Несколько дней назад я получил от Лоика Сулаймона письмо. Он пишет о пытках, которым подвергся в застенках Амина, о мучениях, которые выпали на долю его товарищей. Он заканчивает письмо рассказом о том, что происходит в Афганистане сегодня.

«...Люди удивительно быстро находят свое место в политической жизни страны, — пишет он, — растет политическое самосознание. Изменения происходят в самых отсталых уголках страны. Идет борьба за новую высокую мораль, гражданственность, нравственность. Это наша главная задача...

Пусть будут вечными идеи Ленина, бессмертного вождя человечества, пусть вечно бьют родники революционной дружбы и товарищества наших народов!»

Я читал это письмо и радовался тому, что планы реакции, империалистов, китайских гегемонистов провалились. Они провалились благодаря стойкости и мужеству афганских революционеров, всего афганского народа, благодаря последовательной интернационалистской политике нашего государства, нашей Коммунистической партии.

В эти дни проимпериалистические органы печати развязали злобную антисоветскую кампанию. Империализм использует события в Афганистане для нагнетания международной напряженности, клеветой на Советский Союз пытается прикрыть свои собственные агрессивные замыслы на Ближнем и Среднем Востоке, оправдать безудержную гонку вооружений.

В своих ответах на вопросы корреспондента «Правды» Леонид Ильич Брежнев дал отпор клеветникам, четко изложил принципы ленинской внешней политики нашего правительства и КПСС. Мы, литераторы, трудящиеся, народ Таджикистана, как и все народы Советского Союза, полностью поддерживаем эту политику, сочетающую последовательное миролюбие с твердым отпором агрессии.

Дядя Сэм пытается задуть олимпийский огонь. Как бы он не обжегся!

Рисунок Херлуфа БИДСТРУПА из газеты «Ланд ог фольк» (ДАНИЯ)

30 января 1980 г. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 5

На лекции

В комитете комсомола филфака — заседание совета научного студенческого общества

Один день на филфаке МГУ

Мы приехали в Московский государственный университет в дни его 225-летнего юбилея. На знамя МГУ был прикреплен орден Октябрьской Революции, в газетах был напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда ректору МГУ, академику, вице-президенту АН СССР А. А. Логунову и заведующему кафедрой МГУ, академику И. П. Алимарину. А сегодня в университете обычный учебный день.

Стою у расписания в новом здании филологического факультета на Ленинских горах. 8 отделений, 16 кафедр. Сколько же предметов? Только одних иностранных языков — 28, не считая диалектов, а русский—во всем его многообразии! Куда же пойти: на историю литератур народов СССР — такого курса лекций раньше не было, — или на практические занятия по поэтике? На структурную лингвистику — тут изучают и математику, и кибернетику? А может быть, окунуться в седую древность, послушать на классическом отделении разбор поэзии раннего Вергилия? А если «Чехов и русская литература XIX веков»? Или «Советский роман 20—30-х годов»? Выбираю спецсеминар старейшего профессора факультета Г. Н. Поспелова. Геннадий Николаевич прочел свою первую лекцию студентам в 1929 году. Познайте — сколько же это поколений учеников! Сегодня на его семинаре идет речь о стилевых особенностях петербургских повестей Гоголя. Профессор слушает, что-то записывает, то серьезно кивает, то прячет улыбку в усы. Потом он признается мне: «Никогда бы не сменил преподавательскую деятельность на чисто академическую, только исследовательскую работу. Когда я вижу глаза заинтересованных слушателей, вижу: им это нужно, интересно,— я молодею, я счастлив».

...В комитете комсомола факультета людно.

— Задержитесь на минутку, — просит секретарь комитета В. Смертин. — Я хочу познакомить вас с человеком, который на 200 лет моложе университета. Владимир Иванов, пятый курс, славянское отделение.

— Володя, вам завтра 25, значит, в университете не сразу после школы?

— Сначала была армия. И теперь занимаюсь военно-спортивной работой. И еще — комиссар курсового отряда гидов-переводчиков. Будем трудиться на Олимпиаде-80.

Меня знакомят со смуглым юношей. Хализулла Ормур из Афганистана. Он создал письменность родного языка ормури, составил ормури-русский словарь, это его дипломная работа.

Х. Ормур говорит:

— Я счастлив, что учусь здесь, что испил из чистого источника великой русской литературы и выучил язык, каким разговаривал Ленин. Приглашают в аспирантуру, но сейчас я должен возвратиться в Афганистан. Буду там, где прикажет родина. Вернусь, когда революция окончательно победит. Трудно передать словами, как мы благодарны Советскому Союзу за то, что он исполнил свой интернациональный долг помощи народу суверенного Афганистана.

Х. Ормур — один из 105 иностранных студентов, обучающихся на филфаке МГУ.

На двери надпись — «Ученый совет факультета. Завтра защищаются шесть кандидатских диссертаций. Соискатели из Минска и Воронежа и свои аспиранты, в том числе из Югославии и Ирана. Интерес к русской советской литературе во всех странах растет с каждым годом. На факультете недавно создана специальная лаборатория «Русский язык и русская литература в современном мире». Это первый в стране центр по сбору информации и обобщению опыта русистики университетов зарубежных стран.

И вот кабинет декана Л. Г. Андреева. Только что на стенде я видела плакат: «Поздравляем профессора Л. Г. Андреева с Ломоносовской премией I степени». Известный ученый удостоен этой почетной награды к юбилейной дате МГУ за цикл работ по зарубежной литературе XIX—XX веков. Поздравив его, я спросила:

— Леонид Григорьевич, где работают питомцы факультета?

— Все вузы страны, научные учреждения Академии наук, издательства, газеты, журналы, средняя школа. Но главное, что я хочу подчеркнуть,— фундаментальная и многосторонняя подготовка не только дает нашим студентам знание языков и литературы, но и делает их широко и глубоко образованными людьми. На факультете создана научная школа филологии. Мы гордимся этим. Каждый готовится у нас как лингвист и литературовед—то есть как филолог в широком значении этого слова. Издаем серию «Филология» в «Вестнике МГУ», журнал «Филологические науки». На базе факультета проводятся всесоюзные и международные конференции и симпозиумы. И великое счастье для нас — совмещать звание учебного и научного центра, видеть творческое единение единомышленников — преподавателей и студентов.

А. ЛАСКИНА

В. КРОХИН (фото)

Учиться, учиться и учиться...

Марица Мартинэс — будущий специалист народного хозяйства Кубы

Библиотека гуманитарных факультетов МГУ

К 120-летию со дня рождения А. П. ЧЕХОВА

«ВЕНОК» ВЕЛИКОМУ ПИСАТЕЛЮ

Проходят десятилетия, все дальше отступает тот день, когда родился на свет человек, которого Л. Н. Толстой назвал «художником жизни». Но в благодарной памяти потомков навсегда сохранится образ гуманиста, образ светлого и доброго писателя Антона Павловича Чехова. О современном осмыслении творческого наследия Чехова говорили видные писатели и ученые, выступавшие на научной конференции, посвященной 120-летию со дня его рождения. Организовали конференцию Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР и Союз писателей СССР.

Открывая конференцию,

член-корреспондент АН СССР Г. П. Бердников сказал:

— Чехов гениально выразил в своем творчестве важнейшую особенность русской прогрессивной общественной мысли — ее озабоченность коренными вопросами общественного бытия, затрагивающими кровные интересы не только русского, но и всякого человека, без различия его национальной и расовой принадлежности.

Одно из острых противоречий действительности буржуазно-помещичьей России состояло, по Чехову, в том, что она лишила возможности счастья лучших — совестливых, чутких, честных людей. Чехов, как никто до него, обнажил это противоречие в своих рассказах и пьесах. В этом была его огромная заслуга. Однако еще большим шагом вперед был показ писателем процесса формирования нового представления о человеческом счастье — счастье сознавать свое человеческое достоинство, искать пути к новой жизни, трудиться во имя ее грядущего торжества и, наконец, пойти трудным, неизведанным путем навстречу счастливому будущему.

На конференции были затронуты такие проблемы, как творческое наследие Чехова и мировой литературный процесс XX века, гуманистические традиции Чехова в культуре развитого социализма, новаторство Чехова-драматурга, его влияние на современное киноискусство, на литературу народов СССР, шла речь о Чехове и Горьком, об изучении чеховской поэтики.

СЕРДЦУ ДОРОГОЕ МЕЛИХОВО

Старенькое станционное здание с причудливой кладкой кирпича. Оно и сейчас служит, крепкое и надежное, а ведь ему больше 120 лет. Сколько же оно могло бы рассказать! Оно помнит, как Чехов брал билет в окошке кассы, как ждал поезда на Москву — он ездил туда почти каждую неделю: то в издательства, то в Художественный театр, то просто к друзьям. Отсюда Антон Павлович отправлялся и в дальнюю дорогу — в Петербург, на Нижегородскую ярмарку, в Ялту, за границу. По просьбе Чехова здесь стали останавливаться курьерские поезда, по его инициативе рядом открыли почтовое отделение и телеграф.

«Город Чехов» — слышат теперь пассажиры, подъезжая к станции, а тогда Антон Павлович, поселившийся в Мелихове, писал: «Станция Лопасня Московско-Курск. дороги. Это мой новый адрес...»

28 января на станционном здании была открыта мемориальная доска, на которой начертаны эти слова. Чеканка по красной меди — барельеф А. П. Чехова выполнен художником Е. А. Кольченко.

А вчера сотни горожан и жителей окрестных сел, гости из столицы и городов Подмосковья собрались во Дворце культуры «Дружба» города Чехова на вечер, посвященный 120-летию со дня рождения великого писателя и 40-летию со дня организации Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А. П. Чехова в Мелихове. Эти даты отмечаются одновременно: в календаре они отстоят друг от друга всего на 44 дня.

Директор музея-заповедника заслуженный работник культуры РСФСР Ю. К. АВДЕЕВ рассказал корреспонденту «ЛГ»:

— В год чеховского юбилея готовится к открытию филиал нашего музея в селе Крюково Чеховского района — «Медицинский пункт доктора Чехова». В здании конторы бывшей ситценабивной фабрики Кочетковых во время эпидемии холеры 1892—1893 годов Чехов принимал больных по два раза в неделю. Эти места описаны им в повести «В овраге», рассказах «Случай из практики» и «По делам службы». Разместившийся здесь теперь Дом культуры вентиляторного завода уступил нам три комнаты, где будут выставлены подлинные вещи и медицинское оборудование, которым пользовался Антон Павлович, литературная экспозиция расскажет о творческой истории упомянутых чеховских произведений. Примечательно, что повесть А. П. Чехова «В овраге» и статья В. И. Ленина «Капитализм в сельском хозяйстве» были напечатаны как посвященные одной и той же теме в первом номере журнала «Жизнь» за 1900 год. А в книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин приводил данные о фабриках Серпуховского уезда, куда входили и Лопасня, и Крюково, и Мелихово.

Буквально на пороге чеховской даты, перед самым новым годом, музей получил архив серпуховича Н. Г. Агальцова, который всю жизнь собирал материалы по истории Серпуховского уезда. Две с половиной тысячи документов, среди которых многие имеют прямое отношение к лопасненскому району. Только для нового филиала в Крюкове отобрано 50 документов. Мы нашли в этом архиве много новых материалов по истории Мелихова, некоторые непосредственно касаются медицинской работы Чехова.

ВЕК СПУСТЯ

«По причинам, о которых не время теперь говорить подробно, я должен был поступить в лакеи к одному петербургскому чиновнику, по фамилии Орлову. Было ему около тридцати пяти лет, и звали его Георгием Иванычем. К этому Орлову поступил я ради его отца, известного государственного человека, которого считал я серьезным врагом своего дела». Так начинается «Рассказ неизвестного человека» А. П. Чехова.

В нынешнем году, почти век спустя, повесть обретает «вторую жизнь» — на киностудии «Мосфильм» идет работа над лентой «История неизвестного человека». Режиссер — В. Жалакявичус.

Повесть — своеобразный отклик на бурные 80-е годы. В литературе того времени появилось большое количество рассказов и повестей о бывших участниках революционного движения —сломленных, уставших от жизни, стремящихся во что бы то ни стало забыть свое прошлое. Чеховский герой несколько иного склада: он мучительно переживает перемену в своем мировоззрении, страдает от утраты идеи общественного служения.

Новое, кинематографическое прочтение произведения великого писателя в год его 120-летнего юбилея будет, несомненно, интересно всем, кому дорого имя Антона Павловича Чехова.

* * *

По всей стране широко отмечается в эти дни 120-летие со дня рождения А. П. Чехова. В Москве, Таганроге, Ялте, Сумах — во всех местах, связанных с именем великого художника слова, проходят вечера, конференции, развертываются выставки, посвященные его жизни и творчеству.

В следующих номерах «ЛГ» мы продолжим рассказ о юбилейных торжествах.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

А. А. ПЕРВЕНЦЕВУ — 75 лет

Правление Союза писателей СССР направило Аркадию Алексеевичу Первенцеву приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Горячо приветствуем и сердечно поздравляем Вас, видного советского писателя и общественного деятеля, в день славного Вашего юбилея — семидесятипятилетия.

Прошло более сорока лет с тех пор, как вышло в свет Ваше первое крупное произведение — роман «Кочубей». Он принес Вам заслуженное признание читателей, выдвинул Вас в ряды наших ведущих прозаиков.

Участник гражданской и Отечественной войн, писатель-коммунист, мастер слова, человек кипучей энергии, Вы всегда на переднем крае, в гуще жизни. Вслед за тремя книгами романа «Над Кубанью», отразившими годы революции и гражданской войны, Вы в суровые годы Великой Отечественной войны создали романы «Испытание» и «Огненная земля», книги рассказов «Гвардейские высоты» и «Комсомольский пикет».

Широко и разносторонне развернулась Ваша творческая деятельность в мирных условиях. Вышел в свет роман «Честь смолоду», который стал одной из любимых книг молодых читателей. В романах «Гамаюн — птица вещая», «Оливковая ветвь», «Директор Томилин» Вы обращаетесь к рабочей теме, создаете интересные произведения о наших современниках. Продолжением военно-патриотической темы в Вашем творчестве стали романы «Матросы» и «Остров Надежды». Яркие образы Ваших земляков-кубанцев запечатлены в романе «Черная буря».

Вместе с тем Вы много сделали и в области драматургии и кинодраматургии. Ваши пьесы «Крылатое племя», «Южный узел», «Младший партнер» обошли сцены многих театров страны. Зрителям полюбились кинофильмы, поставленные по Вашим сценариям, — «Третий удар», «Братья», «Кочубей», «Герои Шипки», «Космический сплав», «Железный поток» (по роману А. Серафимовича). В результате поездок по нашей стране и за рубежом родились Ваши очерковые и публицистические книги, отмеченные ярким своеобразием Первенцева-журналиста. Все, что вышло из-под Вашего пера, проникнуто высоким духом партийности и народности.

Нельзя не сказать добрых слов о Вашей активной общественной деятельности. Вы депутат Верховного Совета РСФСР шести созывов, Вы член правления Союза писателей СССР и РСФСР. Вы активно участвуете в работе редакционных коллегий, в повседневной жизни нашего писательского коллектива.

Ваша многолетняя плодотворная творческая и общественная деятельность снискала Вам признание и уважение нашего народа. За большие литературные заслуги Вы награждены партией и правительством орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета». Дважды Вам было присвоено высокое звание лауреата Государственной премии СССР.

Желаем Вам, дорогой Аркадий Алексеевич, крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых замечательных достижений в Вашем неустанном литературном труде».

* * *

Перефразируя классика, Аркадий Первенцев мог бы сказать: мои книги — моя биография. В самом деле, все, что написано им более чем за сорок лет, начиная с известного романа «Кочубей» (1937), основано на внутреннем опыте жизни, вобравшем в себя судьбу того поколения, которое именовало себя «счастливым». Совсем юными его сверстники ощутили себя творцами новой истории. Ощущал себя таковым и Аркадий Первенцев. И тогда, когда был бойцом-продотрядовцем, и когда в 1925 году вступил в комсомол и стал избачом, и когда активно включился в дела «комсы» и политпросвета, избирался депутатом Тихорецкого горсовета. Затем во время службы в кавалерии, в создании комсомольского Тихорецкого полка. И, наконец, тогда, когда был направлен на учебу в МВТУ имени Баумана.

С первых дней Великой Отечественной войны Аркадий Первенцев — специальный корреспондент «Известий», потом «Красной звезды». Неоднократно участвует в дерзких и смелых операциях наших войск, черноморцев-десантников. Зимой 1945 года выезжает в город Люнебург, где англичане устроили процесс над фашистскими преступниками, и был вынужден выступать не просто в ранге спецкора «Известий», но и в качестве обвинителя преступников и тех, кто затягивал вынесение приговора гитлеровским палачам.

В 1946 году в Лондоне участвует в заседаниях первой сессии Организации Объединенных Наций. В послевоенные годы бывал во многих зарубежных странах, выступая как полпред Страны Советов, как активный борец за мир.

Эта цельность натуры писателя, непоколебимая верность идеалам комсомольцев 20-х годов сплавляют воедино его романы и повести, пьесы и киносценарии, рассказы, очерки и публицистические статьи, обусловливая органичность его творчества, посвященного «людям красивой и пламенной легенды». Именно так назвал Аркадий Первенцев своих юных героев—подростков, вставших к станкам вместо ушедших на фронт отцов и старших братьев. Лучшего определения всех тех, о ком писал всю свою предшествующую жизнь А. Первенцев, и не найдешь. Создать характеры таких людей под силу художнику, страстно влюбленному в жизнь, причастному ко всему, что завоевано, защищено и строится советским народом в ходе великой революционной переделки мира.

Любовь советского художника и людям взаимна. Читатели давно полюбили творчество Аркадия Первенцева, его героев, а земляки уже в который раз назвали его своим кандидатом в депутаты Верховного Совета России.

Свой юбилей писатель-коммунист Аркадий Алексеевич Первенцев встречает работой над произведением о «людях красивой и пламенной легенды», о наших современниках.

Вор. ЛЕОНОВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении писателя Осипова П. Н. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писателя Осипова Петра Николаевича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА. КРЕМЛЬ. 25 января 1980 г.

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

ПРОШЛИ...

...в Большом зале ЦДЛ вечер из цикла «Советские полководцы», посвященный Главному маршалу артиллерии Н. Н. Воронову. Председательствовал Г. Бакланов. На вечере выступили маршал артиллерии К. П. Казаков, дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. Батов, полковник Г. Т. Хорошилов, поэт А. Николаев.

■

...в Малом зале ЦДЛ вечер «Борис Пастернак — переводчик». Председательствовал Л. Гинзбург, выступили А. Аникст, М. Алигер, А. Вознесенский, В. Вильмонт, Е. Николаевская, В. Перцов, Е. В. Пастернак.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите выразить через «Литературную газету» глубокую благодарность всем, кто душевно поддержал меня на рубеже моего семидесятилетия, поздравил с юбилеем и высокой правительственной наградой.

Александр ЛЕВАДА
КИЕВ

■

Разрешите через вашу газету выразить большую признательность творческим союзам, учреждениям, друзьям и товарищам, поздравившим меня с 70-летием со дня рождения и высокой наградой Родины.

Джалол ИКРАМИ

Африкан Андреевич БААЛЬБУРОВ

На 61-м году жизни скоропостижно скончался в городе Алма-Ате народный писатель Бурятии, член КПСС Африкан Андреевич Бальбуров.

А. А. Бальбуров родился в 1919 году в улусе Корсунгай Нукутского района Иркутской области в семье крестьянина-бедняка. Трудовой путь он начал слесарем на паровозовагонном заводе, одновременно учился в вечерней школе.

С 1941 по 1943 год А. Бальбуров служил в рядах Советской Армии. После демобилизации он работал корреспондентом газеты «Правда», затем учительствовал.

С 1941 года в течение тринадцати лет А. Бальбуров работал главным редактором журнала «Байкал».

Писателем создано много произведений в разных жанрах. В 1959 году вышел сборник рассказов «У нас в Зарге-туе», а в 1963 году — роман «Поющие стрелы». В последующие годы им созданы повести «Приказываю жить» (в соавторстве с Д. Хилтухиным), «Белый месяц», «Чау-Чау», а также книги очерков и публицистики, в том числе «Двенадцать моих драгоценностей», «Озаренные».

Произведения А. Бальбурова пользуются большим успехом. Роман «Поющие стрелы» выдержал несколько изданий в Улан-Удэ и Москве, ряд его повестей переведен на языки народов СССР, его произведения издавались в Монгольской Народной Республике. Интерес у читателей вызвали его очерки о строителях БАМа.

А. Бальбуров известен и как исследователь фольклора. Кроме того, им написана пьеса «В зареве революции».

В 1973 году А. Бальбурову присвоено звание народного писателя Бурятии.

В последние годы А. Бальбуров работал над романом «У пяти берез».

Светлая память о талантливом писателе Африкане Андреевиче Бальбурове навсегда сохранится в сердцах его читателей, товарищей и друзей.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР.
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР.
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА.
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ БУРЯТИИ

Правление СП СССР и правление СП Литвы с глубоким прискорбием извещают о кончине известного советского писателя, видного государственного и общественного деятеля, Героя Социалистического Труда
Юстаса Игнавича
ПАЛЕЦКИСА
и выражают искреннее соболезнование семье и близким покойного.

Антал ГИДАШ

Венгерская литература понесла тяжелую утрату. Ушел из жизни замечательный человек, большой писатель, крупный общественный деятель братской Венгрии, лауреат премии имени Л. Кошута Антал Гидаш. Его творчество и общественная деятельность на протяжении более полувека были посвящены развитию и укреплению дружбы между советской и венгерской литературами.

Антал Гидаш начал писать еще у себя на родине, но по-настоящему его талант проявился после того, как он, молодой литератор-коммунист, был вынужден эмигрировать в Советский Союз. С 1925 по 1959 год Антал Гидаш жил и работал в СССР. Он активно и плодотворно участвовал в общественной и литературной жизни нашей страны. А. Гидаш был секретарем Международного объединения революционных писателей, принимал деятельное участие в подготовке и проведении Первого съезда советских писателей, возглавлял секцию венгерских писателей, созданную при СП СССР. А. Гидаш был составителем и переводчиком на русский язык ряда первых изданий произведений венгерских классиков.

В Советском Союзе неоднократно переиздавались произведения, принадлежащие перу Антала Гидаша: трилогия «Господин Фицек», сборники стихотворений.

После возвращения на родину в 1959 году Антал Гидаш продолжал без устали свою творческую деятельность, пропагандируя и популяризируя советскую литературу в Венгерской Народной Республике. В его переводах на венгерском языке вышли сборники стихотворений В. Маяковского, Д. Бедного, Н. Тихонова, А. Твардовского и многих других.

Антал Гидаш первым перевел на венгерский язык «Кобзарь» Т. Шевченко, в его переводе вышла первая в Венгрии антология советской поэзии.

Антал Гидаш всегда был страстным и беззаветным другом нашего народа. О нем мы с полным правом можем сказать, что он был не только венгерским, но и советским писателем. За заслуги в деле укрепления братской дружбы между нашими литературами и народами Антал Гидаш был награжден орденом Дружбы народов.

Антал Гидаш всегда был на передовой линии идеологической борьбы, неустанно утверждая идеалы коммунизма.

Пламенный коммунист-интернационалист, большой художник, Антал Гидаш навсегда останется в памяти советского и венгерского народов. Его книги служили и неизменно будут служить делу построения коммунизма.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ВЕРНОСТЬ РАЗРЯДКЕ

Польская общественность кровно заинтересована в сохранении мира на земле и развитии разрядки в Европе. Когда товарищ Л. И. Брежнев в ответах на вопросы корреспондента «Правды» утверждает, что «Разрядка в Европе нужна государствам Запада, да и Соединенным Штатам отнюдь не в меньшей мере, чем социалистическим странам, чем Советскому Союзу», когда он говорит: «Мы решительные сторонники того, чтобы закрепить и приумножить все позитивное, что годами создавалось на европейском континенте коллективными усилиями государств, больших и малых», — слова эти встречают полную поддержку в Польше. Они соответствуют глубоким убеждениям нашего народа.

Сейчас в международных отношениях мы переживаем трудный период, требующий большой выдержки и чувства ответственности от всех, кому дорого дело мира. Принятые под нажимом Вашингтона декабрьские решения НАТО о размещении в Западной Европе новых американских ракет, развязный антисоветский тон буржуазной прессы в связи с событиями в Афганистане, истерические, открыто антисоветские действия правящих кругов США — все это рождает совершенно обоснованное беспокойство в Польше и других странах. Возникают резонные вопросы: останется ли разрядка и впредь доминирующей тенденцией в Европе, сохранят ли свое значение, свою актуальность цели, провозглашенные Заключительным актом европейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки?

На эти серьезные опасения Л. И. Брежнев ответил ясно и авторитетно: мы останемся верными направлению, определенному в Хельсинки, мы не свернем с этой дороги. Эти утверждения встречают поддержку не только в социалистических странах. Большинство стран Западной Европы, несмотря на грубый американский нажим, тоже хотят сохранить разрядку на нашем континенте. Разрядка не пришла сама, не была даром судьбы, она требовала многих кропотливых усилий. Это результат того соотношения сил, которое все больше складывается в пользу социализма и заставляет правящие круги Западной Европы смотреть на вещи более реалистично.

Сама идея и уже достигнутые результаты разрядки встречают активную поддержку всех, кто хочет жить в мире. Неуравновешенные, авантюристические действия руководства США не в состоянии уничтожить то, чего удалось добиться. Очевидно и то, что эти безответственные действия рождают опасения, встречают сопротивление во многих столицах Западной Европы. Вызывают они критику и в самих Соединенных Штатах.

Например, Джордж Ф. Кеннан, известный американский «советолог», пишет в последнем номере гамбургского еженедельника «Ди Цайт», с большим беспокойством комментируя реакцию Вашингтона на события в Афганистане: «Политический истэблишмент, уже охваченный предвыборной лихорадкой, всерьез введенное в заблуждение и подстрекаемое средствами массовой информации и заинтересованным лобби общественное мнение, широко распространенное чувство разочарования и неудовлетворенности в связи с положением в Иране, правительство, и без того крайне податливое, не которое сейчас оказывается нажим со всех сторон, с тем чтобы была предпринята милитаристская акция на Ближнем Востоке, неважно какого рода и против кого... — это не те ситуации, в которой можно было бы ожидать хорошо продуманных политических шагов». Суждения Кеннана свидетельствуют, насколько необходимо бороться против американской истерии, призванной вернуть мир к временам «холодной войны».

Я редактирую газету, которая занимается проблемами культуры. И знаю на собственном опыте, каким важным фактором в деле взаимопонимания между народами является сотрудничество именно в области культуры. Польша сохраняет и развивает тесные культурные связи со всеми государствами Европы. Недавно в Париже открылась первая большая выставка современной польской скульптуры.

Только что в Варшаве подписан протокол о сотрудничестве между Министерством культуры СССР и Министерством культуры и искусства ПНР. В этом году укрепятся давние и возникнут новые культурные, литературные и художественные связи между нашими народами. Польско-советское братство насчитывает уже десятилетия, оно вошло в плоть и кровь наших народов. Перед лицом новых задач в деле укрепления разрядки и мира мы должны постоянно упрочивать наше братство, дружбу и солидарность.

Доминик ГОРОДЫНСКИЙ,
главный редактор еженедельника «Культура»
ВАРШАВА. (По телефону)

МИР СОЦИАЛИЗМА: ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

К 75-летию со дня рождения Лацо Новомеского

ВСТРЕЧА

«Он был журналистом по профессии и поэтом по призванию»,— сказал о Лацо Новомеском В. Минач. И. Эренбург в своем предисловии к первому русскому изданию стихотворений и поэм Л. Новомеского выразился несколько иначе: Лацо «не жалел своих сил для газетной агитации, а в поэзии всегда оставался поэтом».

Человек широкого кругозора, Л. Новомеский уже в самом начале своей литературной работы (первый стихотворный сборник «Воскресенье» он выпустил в 1927 году) приобщился к новаторскому искусству, разделяя искания и находки В. Маяковского, французских и чешских собратьев по перу: Г. Аполлинера, П. Вильдрака, В. Незвала, Я. Сейферта. Прирожденный лирик, он никогда не чурался злободневной повседневности.

Поэзия была для Л. Новомеского праздником, журналистика — нелегкими буднями. В Остраве он редактировал словацкую «Правду»; в Праге в редакции «Творбы» он заменил арестованного Ю. Фучика. Поэт — в Москве, на Первом съезде советских писателей, в республиканской Испании на конгрессе в защиту культуры. В годы фашистского режима он член подпольного ЦК КПС, один из руководителей Словацкого национального восстания. После войны — министр просвещения и культуры Словакии.

Шесть томов публицистики, десять поэтических книг—таково литературное наследие Новомеского. Помню, как обожгли меня впервые строки Новомеского мужественным своим трагизмом, целящей проникновенностью. На страницах размышлений поэмы «Вилла «Тереза» (1963) впечатляюще оживали эпизоды Октября, образы друзей молодости — талантливых преобразователей искусства и жизни. В строках «Ромбоиди» (1932), в снятенных раздумьях «Святого за околицей» (1939) пересекались и тревожное предчувствие военной катастрофы, и благодать погожего осеннего дня, и серовка испанской эпопеи, и меланхолическая неприкаянность в мире социальных неправды. Стихи, написанные в подполье, Новомеский собрал в книгу под выразительным названием «Запрещенным карандашом» (1948).

Один из главных мотивов творчества Новомеского — мотив Дороги. По пересеченной местности наших дней движется поэзия большого лирика и публициста, открывает «потаенные имена вещей», «тайны заданий».

Игорь ИНОВ

Лацо НОВОМЕСКИЙ

■

Березы подбегают к нам гурьбою.
посмотришь — разбегаются глаза!
А поезд мчит по русскому раздолью —
березовые рощи и леса...

Гляжу на них впервые, но когда-то
о них Толстой мне рассказал,
в раздумья погруженный, как вот эти
березово-белесые леса.

■

Мгновенья чуткого вниманья
тебе мирами одарит,
доливами помянит
и вознесет в зенит.

Так не спугни его!
Известно наперед:
спугнешь — и мотылек
мгновение упорхнет...

Из безвременья

ОТРЫВОК

Была пора для топора.
штыком в стихи втыкали точку
и заточали в «одиночку»
видения, грез...
Поэт горазд

в лоскут надежды кутать душу
и в мысль: какого, мол, рожна
«высовываться из окна
опасно!»... Наплевать! Нарушу

запрет. На руки поплюю.
Примусь за дело, благо смена.
Расправить крылья, чтобы смело
эпоху облетать! Свою!

■

С высоты орлиного полета
видишь иссушенные края.
Ты еще над ними пролетаешь
и еще причудливою тенью
мощное распятье самолета
бороздит морщинистую сушь, —
а уж ты на всех парах
в мыслях самолет опережаешь,
мысленно себя опережаешь,
мысленно — уже в иных краях...

Перевел со словацкого
Игорь ИНОВ

Недавно болгарский критик Цвон Балабанов побывал в Белграде у известной югославской поэтессы Десанки Максимович. Ее имя занимает одно из ведущих мест в современной югославской литературе. Стихи Д. Максимович звучат на многих языках мира, широко издавались они и в нашей стране. Сегодня мы перепечатываем из софийской газеты «Народна культура» интервью, данное поэтессой болгарскому критику.

Мастер и его...

Десанка МАКСИМОВИЧ:
О ТОМ, ЧТО ТРЕВОЖИТ И РАДУЕТ

— Сегодня утром, до того, как мы с Вами встретились, вы успели что-то написать?

— Я уже нахожусь в таком возрасте, когда вдохновение посещает меня не слишком часто. А что может написать поэт без вдохновения, да и зачем тогда писать? Если же я не собралась с мыслями, то не могу усадить себя за письменный стол. Банальные чувства и переживания не способны породить настоящую поэзию.

— С чего начинается и как протекает у вас творческий процесс?

— Я часто задаю себе вопрос: удалось ли мне выразить в своих стихах то, что хотелось сказать читателям? Не повторяюсь ли? Я пишу, о том, что тревожит, мучит, радует меня, что волнует мою душу. И в то же время стараюсь требовательно относиться к себе. Как правило, то, что написано накануне, на следующий день мне уже не нравится. Тогда я откладываю в сторону написанное — до лучших времен.

— А бывают у вас такие моменты, когда вы не в состоянии написать ни единой строки?

— Это происходит тогда, когда на меня обрушиваются несчастья, когда теряю дорогого мне человека... Поэту порой необходимо молчание. Ибо молчание — тоже признак таланта. Поэт не может ежедневно создавать талантливые стихи. Но он обязан каждый день читать и переводить поэзию. Когда-то я потратила полжизни на переводы русской и болгарской поэзии. И могу с уверенностью сказать, что это меня обогатило.

В отцовской библиотеке было много русских книг, среди них прошло мое детство. Именно тогда мне полюбились стихи Пушкина, Шевченко, Блока, Пастернака, Ахматовой, Цветаевой...

— Думаете ли вы о читателе, когда пишете? Заботитесь ли о его мнении, предпринимаете ли что-то, чтобы завоевать его любовь?

— Флиртовать со своим читателем не люблю. Стараюсь не гоняться за модой, никому не подражать — остаюсь верной самой себе, собственному «я». Порой я, быть может, задеваю самолюбие читателя. Но поэт обязан противопоставлять себя тому, что ему чуждо, что уродует и портит жизнь. Он может кому-то не нравиться, его могут критиковать. Но какой настоящий творец будет стараться понравиться всем?

— Какие у вас отношения с критикой?

— Критика много меня ругала. Но, как видите, я выжила. И несмотря ни на что, читатели любят меня, я нужна им. Когда критика злобно меня поносит, мне становится обидно за свое человеческое достоинство. Не верю тем критикам, которые радуются неудаче писателя. И что бы они ни писали, они прежде всего занимаются позерством и самолюбованием. Верю в собственную самокритичность. И, конечно же, тем, кто со всей строгостью, но доброжелательно указывает на слабости в моем творчестве. Прислушиваюсь и к мнению близких мне людей, которые не станут мне лгать. Когда приношу свои стихи в редакции, то откровенно заявляю: «Вот мои новые стихи, но если они вам не понравятся, не стоит их печатать лишь потому, что я — Десанка Максимович. Я не обижусь... Я — достаточно взрослый и умный человек, чтобы знать себе цену».

— Что вы считаете позерством в поэзии?

— То, что на самом деле несущественно, но преподносится с большим апломбом. Поэт-позер больше печется о впечатлении, которое он произведет на читателя, чем о творческом вдохновении. Он постоянно твердит: «Видите, как я умен и талантлив!» Позерство противопоказано поэзии. Подлинная поэзия — это исповедь.

— Как вы думаете, что именно способствует формированию творческой личности?

— Личность человека и личность поэта неотделимы друг от друга. Характер и талант — понятия, неразрывно связанные между собой. Отсутствие характера ведет к гибели таланта. На мой взгляд, настоящим поэтом может стать лишь тот, кто не мыслит свою жизнь без поэзии и не может ее заменить ничем другим — он обречен служить ей. И по-настоящему талантлив именно тот, кто не боится себе пожелать: «Боже, пошли мне недругов!» Поэт с именем должен быть внимателен к молодым литераторам. Если он не замечает их и относится к ним с пренебрежением, если он не помогает им и не защищает их, если он не способен заметить тех «зерен», которые в скором будущем должны дать всходы, тогда он должен задуматься о себе, как о человеке.

— Согласны вы с мнением, что поэт должен прибегать в своем творчестве и к другим жанрам — публицистике, эссе?

— По-моему, это просто необходимо. Время от времени я беру на себя смелость писать прозу, хотя многие считают, что мои прозаические произведения не могут равняться с моими стихами. Но в стихах не всегда удается выразить все свои сокровенные мысли и чувства.

— Верите ли вы, что писатели своим творчеством способны защитить мир на нашей планете? Как вы расцениваете две международные встречи писателей в Софии?

— Не правы те люди, которые не верят в действенность писательского слова... Творчество писателей сближает людей, помогает им лучше узнать друг друга. Обе софийские встречи писателей имеют огромное значение для укрепления веры всех людей разума в торжество мира на земле. В Софии встретились многие видные писатели, и благодаря этим встречам они еще больше сплотятся, еще лучше научатся понимать и уважать друг друга.

— Как вы пишете и когда?

— Как вы заметили, квартира у меня немаленькая. Но так как у меня множество внуков и племянников, то я не имею постоянного рабочего места. У меня нет даже письменного стола. Так что пишу у себя на коленях... Не могу писать сразу на машинке. Я же не фабрикую стихи, а вынашиваю их. Работаю быстро — не люблю откладывать задуманное в долгий ящик. Два месяца назад вышла моя последняя книга «Ничья земля».

— Сколько вы написали книг?

— Более двадцати, и столько же я написала для детей. Казалось бы, для одного поэта довольно много... Но сколько из них останется жить? Вот в чем вопрос!

ЧССР

«Продолжение следует»

— так озаглавлена книга Иржи Тауфера. В ней собраны стихотворения, созданные автором с 1967 по 1979 год. Книга выпущена издательством «Чехословацкий списователь» и вышла в свет в конце минувшего года. Имя автора хорошо известно и советскому читателю. Поэзия, публицистика, переводы — во всех этих жанрах Иржи Тауфер зарекомендовал себя большим мастером.

Новая книга состоит из шести глав, тематически дополняющих друг друга и вместе выражающих единое поэтическое кредо писателя.

С особым волнением читается глава «Беседы с друзьями», где опубликованы стихи, обращенные к К. Библу, В. Незвалу, Ф. Бронисласу, В. Маяковскому, Н. Химмету. «Я писал главы истории моего сердца» — этими словами заканчивается стихотворение «История моего сердца», заключающее сборник.

СРВ

Фильм о Хо Ши Мине

Пятидесятилетию Коммунистической партии Вьетнама посвящен полнометражный документальный кинофильм «Нгуен Ай Куок идет к Ленину».

В этой киноленте, созданной на Центральной ханойской студии документальных фильмов режиссером-постановщиком Буй Динь Ханом по сценарию известного писателя Хонг Ха, рассказывается о том, как будущий президент страны Хо Ши Мин, носивший в то время псевдоним Нгуен Ай Куок (Нгуен-патриот), впервые приехал в Страну Советов для встречи с Владимиром Ильичем. Съемочная группа с помощью советских друзей из Госфильмофонда СССР отыскала и систематизировала большое число подлинных кинодокументов, отсняла тысячи метров пленки в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах Советского Союза.

К отмечаемым в этом году 90-й годовщине со дня рождения Хо Ши Мина и 35-летию провозглашения республики коллектив киностудии выпустит еще два документальных фильма, посвященных различным периодам пребывания Хо Ши Мина в СССР, его работе в Коминтерне.

НРБ

Поэтический дневник

Сборник стихотворений Лъчезара Еленкова «Континентальные кратеры» является лирическим дневником автора. Его путешествия, знакомство с новыми людьми, встречи с друзьями находят своеобразное лирическое отражение в творчестве поэта. Эти мотивы просматривались и в ранних книгах поэта «Бесконечные мосты», «Забытая трава», «Спасенное пространство», «Нулевой километр». Особенно хорошее впечатление оставляет цикл «Земля, рожденная морем» — лирические записи об Эстонии, отмечает болгарский критик А. Спиридонов в рецензии «Необычный лирический дневник», опубликованной в газете «Литературен фронт».

ВНР

Праздник искусства

Ежегодно в Сегеде на Соборной площади под открытым небом устраиваются представления, в которых принимают участие творческие коллективы и солисты братских социалистических стран, собирающие обычно 70—90 тысяч зрителей. В прошедшем году такие представления проводились в 24-й раз. Программа включила оперу Джузеппе Верди «Сила судьбы», балет Александра Райчева «Источник красоты» в исполнении артистов софийского театра. Зрители увидели оперетту Понграца Качо «Витязь Янош», танцевальный спектакль Ласло Рошши и Антала Штоллера «Ярмарка», услышали хор словацкой филармонии, певца из Ленинграда Сергея Лейферкуса.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ТОЛЬКО ЧТО ИЗДАНО

Убежден, что эта новая книга, вышедшая в Болгарии, найдет читателей не только на родине, но и во многих частях света. Убежден также, что мнения о ней разделятся, что в числе откликов будут злопыхательские, утверждающие порочность самих заложенных в книге идей. Иначе и быть не может: в сборнике анализируются проблемы международного культурного сотрудничества, авторы — болгарские и советские ученые — рассматривают их с марксистско-ленинских партийных позиций, а одного этого достаточно, чтобы поднялся гвалт всевозможных «голосов» — приспешников антисоветизма, антикоммунизма, антигуманизма.

Не касаясь пока существа научных концепций, изложенных в сборнике, хочу особо сказать о необходимости и своевременности исследований, обобщений, выводов и прогнозов в области международного культурного сотрудничества, сделанных болгарскими и советскими учеными.

Что нового внесла в понятие «культура» современная эпоха? Ответы, видимо, могут последовать разные. Но один, по-моему, окажется непреложным и очевидным для всех: в наш век, особенно в последние десятилетия, неизмеримо возросла роль культуры как средства общения между разными народами.

И никакой китайской стене, никакому противопоставлению Запада и Востока не остановить объединяющего взаимопроникновения культур разных стран и народов — оно диктуется прогрессом, процессом разрядки международной напряженности. И может быть, за все время существования человечества наиболее благоприятные условия для развития международных контактов в сфере культурной деятельности человека были созданы после успешного завершения совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Но мы оказались свидетелями того, как сразу после Хельсинки Запад, прикрываясь щитом «культурного обмена», предпринял отчаянную и оголтелую попытку смести какие бы то ни было «границы между культурами». Между культурой буржуазной и культурой социалистической!

Так ли безобиден был тогда призыв к «неограниченному обмену идеями, людьми и информацией»? Почему сегодня буржуазные теоретики заняты воскрешением изжившей себя в начале 70-х годов теории конвергенции, с ее «единым» обществом, «единой», «общечеловеческой» культурой? Существуют ли границы, отделяющие идеологическую борьбу от идеологической диверсии? От психологической войны? Какая сверхзадача возложена на примитивную «массовую культуру»? Выдержит ли «гуманитарная культура» испытание современной научно-технической революцией? В чем состоит диалектика развития и сближения братских социалистических культур?

Эти и другие актуальные проблемы культурных связей между разными народами и являются предметом научного исследования в новом сборнике «Может быть, — говорится в предисловии к нему, — не все бесспорно в отдельных статьях. Мы готовы к дискуссиям, к научной полемике». Процесс духовного общения народов в обстановке идеологической борьбы двух общественно-политических систем сложен и противоречив. Тут нельзя действовать по наитию, вслепую; формы, методы, подходы к проблеме нуждаются в научно обоснованной оценке и отборе. Теперь совместным трудом советских и болгарских ученых этой работе положено весомое начало.

В нескольких десятках строк не уместить всех впечатлений от сборника. Заранее отказываюсь от такой попытки. Отмечу главное, что так или иначе вытекает из всех статей. Никакое другое государство в мире не сделало столько реальных шагов для укрепления культурных отношений с другими странами, как Советский Союз. При этом ни полшага не было направлено в сторону идеологического перемирия с Западом. На том стояли и стоять будем, отчетливо сознавая, что именно в этой позиции кроется причина периодических истерик буржуазной пропаганды по поводу нашего якобы «несоблюдения» прав человека или «духа Хельсинки».

Проблемам литературных связей и обмена между Востоком и Западом посвящена статья члена-корреспондента Академии наук СССР Н. Т. Федоренко. На большом фактическом материале в ней убедительно доказывается, что никакая жизнеспособная литература Запада или Востока не может замкнуться узконациональными интересами, границами одной страны, так же как не существует в конечном счете объективных причин, мешающих восприятию каким-либо народом непреходящих духовных ценностей других народов и рас.

Кандидат юридических наук Эмил Александров выступает в сборнике со статьей о международной культурной политике НРБ. На примере своей республики автор прослеживает, как братское сотрудничество между социалистическими странами обогащает национальные культуры, способствует их сближению на основе глубокого уважения к национальной культуре другого народа.

Несомненный интерес представляет работа профессора Арнолда Арнолдова «Диалектика сближения и развития братских социалистических культур», а также статья кандидата философских наук Лилии Тодоровой «Критика некоторых буржуазных взглядов по международному культурному сотрудничеству».

Я не интересовался планами издательств относительно сборника «Проблемы международного культурного сотрудничества». Но думается, что в ближайшее время книга, сама по себе являющаяся прекрасным образцом культурного сотрудничества советского и болгарского народов, должна выйти на русском языке.

Владимир ФИРСОВ

«Проблеми на международното културно сътрудничество». София. 1979.

Этой фотографией заканчивается фотоальбом «Куба», только что выпущенный издательством «Планета». Фоторассказ о сегодняшнем дне острова Свободы, строительстве социализма дополняют очерки о судьбах людей труда первой свободной территории Америки, об их заботах и радостях.

В альбом включены фотографии, сделанные специальными корреспондентами издательства «Планета» Альбертом Либерманом и Романом Озерским. В нем использованы лучшие работы известных кубинских мастеров Освальдо Саласа и Тони Мартина, фотоматериалы из архивов многих кубинских издательств.

На снимке: юность Кубы

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

КРУГ ЧТЕНИЯ

М. ГРОМОВ,
Герой Советского Союза

ПРИКОСНУВШИСЬ К ДУХОВНОМУ МИРУ ПИСАТЕЛЯ

Генерал-полковник авиации Михаил Михайлович Громов поднялся впервые в воздух в 1916 году на аэроплане «Фарман-4» и летал до появления реактивной авиации практически на всех типах самолетов. Первому из советских летчиков-испытателей в 1936 году М. Громову было присвоено звание Героя Советского Союза. Звезда Героя на его груди имеет порядковый номер восемь. За беспосадочный перелет Москва—Северный полюс — США Международная авиационная федерация в 1937 году присудила ему высшую награду того времени — золотую медаль де Ладо. Много лет спустя ею был награжден первый космонавт Земли Юрий Гагарин.

Шеф-пилот в конструкторском бюро академика А. Н. Туполева, профессор, директор летного института, командующий воздушной армией в годы Великой Отечественной войны — вот основные этапы его блестящей биографии.

Говорят, что судьба бывает щедра к своим избранникам. Михаил Громов не является исключением. Он мог стать выдающимся спортсменом, так как в 1923 году был чемпионом страны по штанге в тяжелом весе. Он прекрасно рисует — учился живописи у художника Машкова. Он дружил с Надеждой Алексеевной Пешковой и Алексеем Толстым, встречался с Павлом Кориным и Дмитрием Шостаковичем. И, конечно же, с ранних лет он полюбил книгу.

— Я думаю, — говорит Михаил Михайлович, — что любовь к чтению должна прививаться ребенку прежде всего в семье. Я помню до сих пор, как мать вечерами увлеченно и выразительно читала нам с сестрой Тургенева и Гоголя. Жаль, что эта прекрасная традиция семейных чтений ныне почти утрачена.

В реальном училище Воскресенского в Москве, где я учился, был специальный наставник, который заведовал библиотекой и подбирал книги для чтения в соответствии с индивидуальностью учащихся.

Не могу не вспомнить и моего товарища по летной школе Леонида Юнгмейстера, который любил музыку, прекрасно исполнял романсы Чайковского и Рахманинова, блестяще читал Маяковского и знал наизусть многие страницы из произведений Гоголя. Ему я тоже во многом обязан. Мы, тогда молодые ребята, были фанатиками авиации, и она «съедала» все наше время. Но когда выдавались «окна», ходили в театры, читали стихи. Я тогда увлекался художественным чтением и особенно любил читать Гоголя. Говорили, что это мне неплохо удавалось.

Вообще же к чтению книг я подхожу несколько по-особому. Сначала знакомлюсь с биографией человека, ее написавшего. Мне надо обязательно узнать, каким был этот человек, как развивался, какие препятствия встречал на своем пути, как закалялся его характер, кто его окружал. И только потом, прикоснувшись к духовному миру писателя, начинаю читать его книги. Так делаю, когда читаю и научную литературу. Многие и многие годы читаю книги по психологии, биологии и философии. Это как раз те разделы современной науки, без которых не может быть по-настоящему профессионально грамотного летчика. В свое время я очень внимательно штудировал Сеченова и Павлова. Часто говорят, что научная литература «безлична». Думаю, это не так. Личность ученого не может не накладывать своего отпечатка и на его работы, даже посвященные предметам сугубо специальным.

Особенно приятно, когда принципы, которые автор провозглашает, и его собственная жизнь, его поступки не расходятся. Для меня здесь примером является судьба Пьера и Марии Кюри. С жизнью этих замечательных людей я познакомился по книге их младшей дочери Евы. И вообще я очень люблю биографическую литературу о выдающихся людях. Порой поражаешься, как разносторонни были многие из них! Возьмите, к примеру, нашего Глинку. Великий композитор и одновременно блестящий лингвист, владеющий латынью, французским, английским, немецким, итальянским языками.

А вот книга, которая уже долгие годы является моей любимой, — «Подвиг Магеллана» С. Цвейга. Фраза из нее о том, что нет ничего прекраснее правды, кажущейся неправдоподобной, служит для меня дополнительным аргументом в пользу необходимости беллетризированных биографий.

Чтение книг этого жанра наводит вот на какую мысль. Я глубоко убежден, что нет бесталанных людей. И как важно суметь разглядеть в наших детях их таланты уже в самом раннем возрасте, помочь им развиться! И одновременно, конечно же, надо давать ребенку хорошую гуманитарную подготовку. Не может быть, на мой взгляд, настоящего специалиста ни в одной области, если он глух к звукам, не видит красок, не способен наслаждаться магией поэтических строк.

Если же говорить о чисто художественной литературе, то очень люблю и много раз перечитывал небольшие рассказы Д. Лондона о Клондайке. Мне близки те высокие идеалы мужской дружбы, которые несут в себе герои этих рассказов, их абсолютная честность и любовь друг к другу до самопожертвования. Я считаю, что Д. Лондон — один из тех писателей, которых как можно больше надо читать молодежи.

И, конечно, книги, которые всю жизнь, начиная с самого детства, со мною, — это произведения русских классиков. Прежде всего Гоголя, потом Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Крылова. Очень многое я знаю наизусть. О произведениях русских классиков специалистами написаны многие и многие тома, и любые мои оценки их творчества будут неизбежно дилетантскими. Но одно хочется все же сказать. Без этих писателей, без мира образов, который создан ими, без мыслей и чувств, которые вызывают их произведения, не было бы того, что мы называем русским национальным самосознанием. Мы не только бы хуже знали самих себя, но просто были бы другими людьми. И поэтому в современной литературе мне особенно близки те писатели, которые, как мне кажется, продолжили классические традиции. Назову только двоих. Это Василий Шукшин и Валентин Распутин, книги которых талантливо и правдиво рассказали нам о современном русском человеке.

Очень люблю читать французских писателей в оригинале. Это А. Доде, Гюго, Дюма, Флобер, Бальзак. Но мои особые симпатии отданы П. Мериме, несравненному новеллисту. Мне доставляют особое удовольствие его тонкий юмор, изящество стиля, способность небанального выражения самых простых мыслей. Когда «начитаешься» его новелл, то уже «вторым планом» начинаешь ощущать интеллект и большую культуру самого писателя. Этим, как правило, меня и привлекает классическая литература.

Писатели-классики отвечают моему представлению о качествах, которые необходимы литератору. Он должен быть умен, наблюдателен. И, конечно же, должен обладать тем специальным даром, который позволил бы ему «овеществить» свои чувства и мысли, свое понимание современности и истории на язык художественных образов. Ведь писатель — не бытописатель. Мы сами хорошо знаем себя и свою собственную жизнь: литература же — это художественная форма отражения нашей жизни. После чтения по-настоящему талантливой книжки наши души должны хотя бы чуть-чуть обновляться.

Порой же, читая иные современные романы, такого душевного подъема не ощущаешь. Нет, конечно, талантов в нашей русской не оскудела. Просто я думаю, что некоторые писатели, боюсь, вероятно, отстать от века, и писать пытаются в соответствии с его ритмами. Скорость, скорость, быстрота... А ведь художественное творчество требует глубочайшего сосредоточения. Не стоит ли об этом иногда вспоминать некоторым нашим талантливым, но чуть торопливым литераторам?

Мы были у Микеле Михайловиче в дни, когда проходил II съезд Всесоюзного общества любителей книги, и в своем разговоре не могли не коснуться этого события.

— Очень хорошо, — говорит М. Громов, — что в нашей стране уже более пяти лет существует такой «коллективный советчик» читателя — Всесоюзное общество любителей книги. Сделать книгу летучей, донести ее до каждого — вот то большое дело, за которое взялись книголюбы и которым нельзя не восхищаться. Не секрет, что сейчас настолько возрос спрос на книги, что даже появился новый термин — «книжный голод». А ведь известно, что в личных библиотеках сосредоточено более 30 миллиардов книг. И мне особенно приятно, что благодаря стараниям книголюбов родилось новое движение: многие люди добровольно и бескорыстно открывают свои домашние библиотеки для тех, кто любит и ценит книгу. Например, в Таджикистане в таких «открытых» личных библиотеках насчитывается 300 тысяч книг. Я сам уже многие десятилетия исповедую этот принцип и безропотно даю читать все, что у меня просят, хотя, скажу честно, мое библиотека от этого заметно поубавилась. Увы, многие пока еще «забывают» возвращать чужие книги. Но как старый книжник я знаю: сегодня купить книгу — ох как трудно! И, право же, миллионы наших книголюбов — членов замечательного добровольного общества нуждаются здесь в некоторых привилегиях.

М. СЕРГЕЕВА,
А. ЛЕПИХОВ

М. ГРОМОВ:

...КНИГИ, КОТОРЫЕ ВСЮ ЖИЗНЬ, НАЧИНАЯ С САМОГО ДЕТСТВА, СО МНОЮ, — ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ КЛАССИКОВ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ГОГОЛЯ, ПОТОМ ПУШКИНА, ЛЕРМОНТОВА, ГРИБОЕДОВА, КРЫЛОВА.

...ПИСАТЕЛИ - КЛАССИКИ ОТВЕЧАЮТ МОЕМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЮ О КАЧЕСТВАХ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫ ЛИТЕРАТОРУ.

Г. ТРОЕПОЛЬСКИЙ:

НА МОЙ ВЗГЛЯД, ПЕРЕД НАМИ, ПЕРЕД ЛИТЕРАТУРОЙ, ВСТАЕТ ОСОБО ВАЖНАЯ ПРОБЛЕМА — ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА. И В ЭТОМ СМЫСЛЕ ГЛАВНОЙ ЛИНИЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВИДИТСЯ МНЕ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ: ДОБРОТЫ, ДОВЕРИЯ, ПРЕДАННОСТИ, ВЕРНОСТИ ДРУЖБЕ, ВЕРНОСТИ ДОЛГУ, УМЕНИЯ ЧУВСТВОВАТЬ ПРИРОДУ В ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВЕННОЙ ПРОСТОТЕ, УМЕНИЯ ПОНЯТЬ ДРУГОГО И СОПЕРЕЖИВАТЬ ГОРЕ ДРУГОГО...

Расул РЗА:

...НЕ ОПИСАТЕЛЬНОСТЬ, А МЫСЛИ, ЧУВСТВА, ПОДЛИННАЯ ОБРАЗНОСТЬ — ГЛАВНОЕ В ПОЭЗИИ. ЕЩЕ ВЕЛИКИЙ МИРЗА ФАТАЛИ ПИСАЛ, ЧТО ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАДО ПОПРОБОВАТЬ ПЕРЕВЕСТИ ЕГО НА ДРУГОЙ ЯЗЫК. ЕСЛИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОСТАЮТСЯ МЫСЛЬ И СОДЕРЖАНИЕ, МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО СТИХИ ОБЛАДАЮТ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ДОСТОИНСТВОМ.

Дорогой Лил-Бану! Так обращались в старину у нас к женщине-в знак глубокого уважения и почтения.

Первым делом, спасибо за высокую оценку принципов поэтического творчества, которых в до мера своих способностей придерживаюсь. Спасибо и за то, что так тонко и проникновенно отзываетесь о моих стихах.

Вы, прекрасно зная свою родную поэзию, имеете счастливую возможность сравнивать ее с азербайджанской в оригинале. Я лишен этой возможности в отношении эстонского оригинала.

Я люблю нашу древнюю, богатую поэзию, давшую миру таких корифеев мысли и художественного мастерства, как Низами, Насими, Физули, Хатай, Сабир. Она и сегодня дает образцы высокого поэтического осмысления новой жизни, ярких граней общественного процесса. При всем этом я считаю, что переводы поэтических образцов с других языков являются существенными фактами, обогащающими литературный мир каждого народа.

Теперь постараюсь вкратце ответить на вопросы, поставленные в Вашем письме, адресованном мне через «Литературную газету». Прежде всего об адекватности перевода.

Идеально было бы переводить с оригинала. Почему? Ведь поэтический перевод — добросовестная передача не только смысле данного произведения, но и многих иных его компонентов. Можно точно передать семантику, ритм, порядок рифмовки и т. п., но пои этом утратить соль и вкус оригинала. Часто то, что для данного языка кажется новшеством, при переводе может нивелироваться, потерять свою лексическую свежесть. Зная оригинал, можно избежать многих трудностей. Скажу больше — обычно принято думать, что при переводе с родственных языков можно максимально сохранить самобытность подлинника. В практике часто бывает наоборот. Мне легче говорить об этом на примерах из тюркоязычных литератур...

Часто одинаково звучащие слова могут вместо заблуждение переводчика, если он в совершенстве не владеет тончайшими нюансами языка оригинала. Так, например, в азербайджанском языке «душмен» означает «слезать» и, кроме того, имеет еще прибавительное «пять» вместо другого языка это слово означает «падать». Незнания этой особенности может привести к смысловому искажению.

Вы спрашиваете: «Как быть... когда напишу два разных варианта одного и того же произведения? Переводить с оригинала? А если переработанный русский вариант во многом удачней?»

Я полагаю, что стоит взять именно этот, второй вариант произведения, но только лишь в том случае, если отцом и матерью этого нового варианта является сам автор оригинала. Но нередко бывает, что переводчик становится как бы соавтором, улучшая материал или дополняя его. В этом случае возникают вопросы морально-этического аспекта: можно ли данное произведение, улучшенное переводчиком, переводить не совсем будет понятно, о чем речь, хотя для русского читателя это выражение вполне ясно. Эти строки я перевел на азербайджанский язык так: «смотрит, как верблюд на наковальню» Смысл тот же, хотя перевод вольный.

Для перевода я выбираю поэтов, точнее, произведения, которые мне нравятся, созвучны моему пониманию явлений и сущности поэзии. Так, например, в переводе огромное количество произведений Маяковского, «Демона», «Маскарад» Лермонтова, стихи Пушкина, Некрасова, Хикмета, Гейне, Лонгфелло, Шевченко, Верлена. Сомайлинского, Лугового. В работе над переводами этих разных поэтов вопросы размера и системы рифмовки имели для меня, должно не главное значение. Хотя, должен признаться, стихи без рифм переводить гораздо легче. Это немного раскрепощает работу переводчика и является большой гарантией точной смысловой передачи оригинала. Примерами из моей личной практики являются переводы поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и «Песни о Гайавате» Лонгфелло (последнюю я переводил с русского «буквального» текста).

Согласен с Вами, что на описательность, а мысли, чувства, подлинная образность — главное в поэзии. Еще великий Мирза Фатали писал, что для определения ценности поэтического произведения надо попробовать перевести его на другой язык. Если при переводе остаются мысль и содержание, можно сказать, что стихи обладают художественным достоинством.

Витиеватость, внешний госи, ложное глубокомыслие не помогут художественному раскрытию действительности.

Если переводчик не знает языка оригинала, более того — если он не знаком, хотя бы в общих чертах, с характером, традициями, специфическими особенностями данного, неизвестного народа, представителем которого является переводимый поэт, то нашим бы поэтическим талантом он ни обладал это неизбежно отрицательно скажется на качестве его работы.

Я не хочу умалять самоотверженный труд переводчиков, не владеющих языком оригинала и пользующихся подстрочниками, наша переводческая практика знает немало людей, сделавших огромную работу в этой области. Но все-таки, как человек, немало переводивший поэтов — классиков и современных, как с оригинала, так и с подстрочника, могу засвидетельствовать, что знание языка дает особое преимущество. Переводчик, стремящийся в своих работ, я вижу, что подстрочники, сделанные с оригинала, намного качественнее. Маяковского я переводил с оригинала. В этих переводах идеи и попадаются «вольности», но я готов поспорить по поводу их и доказать свою правоту.

С эстонской поэзией я, к большому сожалению, знаком недостаточно хорошо. Хотя в интересом слежу за творчеством такого яркого поэта, как П.-Э. Руммо.

Всякие разговоры о возможности верлибра для творчества молодых народов — следствие влияния традиций классической поэзии Востока, давшей непревзойденные образцы поэтических шедевров в размерах аруз или хаджа. Даже в XIII веке знаменитый поэт Руми жаловался на деспотические каноны восточного стихосложения, особенно на систему рифмовки, сковывающие поэтическую фантазию.

С другой стороны, эти разговоры порождены робостью перед новаторской задачей создания нового, еще не получившего полного гражданского права в нашей практике верлибра — свободного стиха.

Необходимо учесть разницу между французским и азербайджанским верлибром, хотя в структурных особенностях этих языков (так же как и

Расул РЗА ~
Лил СЕППЕЛЬ

«У НАС СЕЙЧАС ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ...»

фарси) есть и близкие черты.

Кстати, за последние годы в Иране получила широкое распространение «Шери-нов» — «Новая поэзия» (персидская разновидность свободного стиха). В свое время турецкий поэт Джемаль Шахабеддин также дал некоторые образцы свободного стиха, основанного, однако, на принципах аруза. Эти образцы были совершенными по размеру, но не по рифмовке.

Что касается азербайджанской поэзии наших дней, я могу засвидетельствовать, что у нас, особенно в последние годы, появилось немало молодых, интересных поэтов, пишущих свободным стихом. Могу назвать Адиля Гусейнова, Фикрета Годжу, Ф. Сарыджалы, Фикрета Садыка, Р. Рзашуна, Вагифа Самедоглу и многих других. В свое время и Мушфик, Самед Вургун, Рафик писали свободные стихи (видоизмененным азербайджанский верлибр).

Некоторые утверждают, что эта система стихосложения неприемлема для тюркоязычных литератур, что народ на любит ее. Думаю, эти люди в понятие «народ» вкладывают аса старое, отжившее свой век. Подобные ревнители «народного» на поверку оказываются похожими на тех, кто, увидев летающую машину, готов биться об заклад, что такого быть не может.

Что касается практики переводов на казахский язык некоторых произведений эстонских поэтов, то я полностью разделяю ваше высказывание «о ложке дегтя в бочке меда». Недопустимо, когда переводчики святым принципом адекватности перевода как по содержанию, так и по форме. Хотя и здесь могут быть отдельные, оправданные исключения. Например, когда о языке перевода не существуют то или другие поэтические размеры и, главное, эти размеры принципиально не согласуются со структурой данного языка.

Насчет затухания верлибра — свободного стиха в эстонской поэзии я не могу судить. То, что произошло в эстонской поэзии, отличается от нашей литературной ситуации. У нас сейчас период становления и развития свободного стиха. Он с годами все больше набирает силу, совершенствуется и получает полное гражданское право. Наряду с этим в стихах, написанных в силлабической форме, многое было первосмысленно, эта форма обогатилась, освободилась от некоторых сковывающих ее стандартов, и даже в порядке рифмовки здесь многое обновилось.

Расул РЗА

КНИГИ — ДОСТОЯНИЕ ОБЩЕЕ

Фото З. ЖИГАРЛОВА

ДИАЛОГ ЧИТАТЕЛЬ — ПИСАТЕЛЬ

«Писателя нужно искать только в его книгах. Он там и как писатель, и как человек».
(Из выступления на читательской конференции в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина)

Габриэль ТРОЕПОЛЬСКИЙ:

ВЕРЮ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Каждый писатель собственным ключом открывает «заветную дверцу на путь к читателю. Габриэль Николаевич Троепольский не держит свой ключ в тайнике. «Не обвиняй, дорогой, и в смешении жанров, ибо сама жизнь — смешение: добро и зло, счастье и несчастье, смех и горе, правда и ложь живут рядом, и так близко друг к другу, что иногда трудно отличить одно от другого...

Если писать только о добре, то для зла — это неудача, беда; если писать только о счастье, то люди перестанут видеть несчастных и в конце концов не будут их замечать; если писать только о серьезном-прекрасном, то люди перестанут смеяться над безобразным» («Белый Бим Черное ухо»).

Думается, что то, что сделал за десятилетие литературы о течение последнего двадцатипятилетия, не могут себе представить современную литературу без книг Г. Троепольского, без «Записок врачихи», без повестей «Кавказ», без его рассказов, — страстного публицистического слова.

Мы, читатели, благодарны художнику за его искренность и доверие, за то, что он честно говорит с нами обо всем, что его волнует, заботит и тревожит.

Если верно утверждение, что писатель сам воспитывает своего читателя, то Г. Троепольский делает это с жизнеутверждающим пафосом, верой в победу здорового сознания.

Девять лет минуло с тех пор, как со страниц журнала «Наш современник» сошел, чтобы начать самостоятельное путешествие по городам, селам, по сердцам, умным, добрый и правдивый пес по кличке Бим. И все эти годы в Воронеж, где живет писатель, поезда, доставляющий его истории, писатель Габриэль Николаевич Троепольский, [illegible] читателей. День и [illegible], люди самых разных профессий, кто сердцем откликнулся на прочитанное, делятся с автором «Белого Бима» в сокровенным.

На вершине читательского признания, в праздник Октября 1975 года, дважды Г. Троепольскому было присуждена Государственная премия СССР, он с беспощадной откровенностью спросил себя: «Сделал ли ты все, что мог в что должен был сделать как писатель?»

Недавно в Ленинской библиотеке Г. Троепольский выступал перед большой аудиторией читателей. И стало очевидным: этим вопросом мучится он и сегодня. Разговор шел о главном: о жизни и о творчестве...

***

— Вот пришли записки: «Расскажите о себе», «Как вы стали писателем?». Да только кто это может рассказать? Творческое пробуждение — оно ведь всегда неожиданно для каждого писателя, оно проявление потребности выразить себя, свои мысли, состояние душевного движения, состояние нашего общества. Это — всегда напряжение, которое не бывает без того, чтобы на конце пера не было хотя бы капельки крови.

Биографию анкетную можно и рассказать, и написать, но биографию духа рассказать невозможно, ее можно выразить лишь в образах. Вот и выходит, что писателя нужно искать только в его книгах. Там нет ни одного уголка, где бы он мог скрыться. И как писатель, и как человек он весь там.

Примерно треть моей жизни была связана с отзывчивым, теплым сердцем Александра Трифоновича Твардовского. Судьбе оказалось угодно, чтобы он встретился на моем пути, подвиг за шиворот, заставил посмотреть на себя совсем по-другому и чтобы в конце концов творческое содружество перешло в дружбу. Из сказанного, по-видимому, будет понятно, почему свою повесть «Белый Бим Черное ухо» я посвятил А. Т. Твардовскому и с его согласия. Он был и первым ее читателем, он и отрубил начало этой вещи, отрубил строго, сердито, за что ему благодарен.

Кусочек маленький из творческой лаборатории. В «Белом Биме...» сейчас 9,6 печатного листа. Написано же было мною в первом варианте около 20 печатных листов. Вот как «жестко», беспощадно сократил я эту повесть. Сокращение как один из элементов творчества для меня долгое время было труднопостижимым. И вдруг, как говорится, на старости лет почувствовал, какое удовольствие можно получить от «садского» труда, который называют черным, какое удовольствие научиться сокращать самого себя.

Вы берете первую фразу. Вы ее прочли. А можно ли сказать точнее, кооочо? Можно. Вот эти два слова лишние. Вы вычеркнули их. Вы прошли таким образом всю страницу. Она, допустим, «ужалась» на одну треть. Вы ее оставляете, как чужую, а потом через месяц, два, может быть, и через полгода возвращаетесь к ней и видите: а ведь можно сказать еще короче и лучше.

И все-таки после такого изнурительного удовольствие Твардовский, прочитав повесть, сказал: «Первые шесть страниц отрубить». И повесть, вы знаете, как она началась «Жалобно и, казалось, безнадежно [illegible] вдруг начиная скулить, неуклюже переваливаясь туда-сюда, — искал мать».

Вот если говорить о моей творческой биографии, то А. Т. Твардовский и есть главный период моей жизни.

***

Читатели сказали мне так много хорошего, что можно зазнаться. К счастью, этой болезнью не страдаю. Великолепно понимаю и свое скромное место в литературе, и что собой представляю, близко соприкоснувшись с границей семидесятипятилетия. В зрелом возрасте надо особенно воздерживаться от слушания похвал, а больше прислушиваться к критическим высказываниям.

Мысль «все в прошлом» для писателя в известной степени трагична. Но еще более трагично, когда писатель этого не понимает, когда дрожащей рукой начинает выводить множество слов. И тогда, бывает, получаются толстенные книги, но все хуже, хуже. Писатель может сколько угодно решать, когда и как писать, но он должен знать, когда наступает время поставить точку. Размышляя над этим, не могу не признать: нет, не все написал, что хотел и что мог написать. Но в моем возрасте обещания противопоказаны. Надо просто работать. Я как раз нахожусь на том этапе, когда последняя или предпоследняя, но книга должна быть написана. И вот тут начинаются волнения: в течение трех лет в почти не отвечал на письма читателей: судите, бросайте в меня камни, поделать ничего не могу, даже молодому писателю это физически было бы не под силу. Идут годы, а поток писем не прекращается. Повторяются вопросы, повторяются ситуации, множатся приглашения. И вот стою перед дилеммой: отвечать на письма, выступать, ездить или заканчивать новую книгу? Думаю все же, читатели поймут и не осудят меня за молчание. Если прибавить, что в 1977—1978 годах пришлось перенести две тяжелые болезни, а те два года выпали из моей творческой жизни, то оправдание и «покаяние» перед читателями станут более понятными. Потому-то и редко приходится бывать на читательских встречах. Конечно, каждый рассуждает на свой лад. По мне же, пусть лучше писатель не умеет говорить, но пусть только пишет, насколько у него хватает сил, дарования и таланта. Впрочем, от общественной деятельности никому из нас не воздержаться, независимо от возраста. Этого требует сама жизнь.

(В скобках хочется заметить, что Габриэль Николаевич Троепольский не мыслит себя без активной общественной работы. Он член правления союзов писателей СССР и РСФСР, Воронежской писательской организации, член редколлегий двух литературно-художественных журналов. Многие молодые литераторы знают, как заботливо, заинтересованно следит писатель за их творчеством. Рукописи молодых всегда лежат на его рабочем столе.)

ПОЭЗИЯ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

Проведенная в минувшем году на страницах нашей газеты дискуссия о поэзии вызвала обширную редакционную почту. В ходе дискуссии мы знакомили читателей с наиболее интересными письмами. Дискуссия завершилась, а письма продолжают поступать. Причем большинство из них — уже не отклики на те или иные материалы, напечатанные в дискуссии, а самостоятельные суждения о сущности сегодняшнего поэтического процесса, о путях развития современной поэзии, о художественной ценности того или иного конкретного поэтического произведения. В «ЛГ», № 1, за этот год мы сообщили, что отныне отдел критики будет регулярно выступать с обозрениями таких писем. Сегодня публикуется первое обозрение.

«НО СЧАСТЛИВ Я, ЧТО ТЫ, БРАТ, ЕСТЬ!»

Суета вокруг дивана?

«По традиции в канун уходящего года спортивные журналисты называют имена лучших спортсменов. Почему бы «Литературной газете» не организовать такой же опрос критиков и читателей с целью выявления наиболее популярного поэта года, наиболее читаемой поэтической книги?»

(Э. АЛЕКСЕЕВ, гор. Судак)

«А по-моему, все эти социологические анкеты, выясняющие, кого читают и как читают, — суета вокруг дивана».

(Е. ФАРАФОНОВ, Ярославль)

«Под диваном, — разъясняет Е. Фарафонов, — я имею в виду не ложе, а поэтический термин, которым на Востоке обозначали книгу стихов. Так вот, выяснять, какой поэт более популярен, а какой менее, — значит создавать суету вокруг поэзии, несуетливой по самой своей природе».

Признаемся: две эти крайние точки зрения не показались нам особенно актуальными для сегодняшнего поэтического процесса. И мы не начали бы свое обозрение с этого, если б при дальнейшем чтении редакционной почты не обнаружилось, что

«...статьи иных критиков о поэтах напоминают выступления иных тренеров, мягких по отношению к своим подопечным и суровых с чужими» (Л. Холдобаева, Казань):

«...насколько все-таки сами поэты добрее друг к другу, чем критики, пишущие о них и формирующие таким образом общественное мнение. Я, например, с удивлением прочитал очень добрые стихи Владимира Соколова, посвященные Евгению Евтушенко. С удивлением потому, что верил кое-кому из критиков, что эти поэты чуть ли не противостоят друг другу» (Г. Зеленин, Вологда):

«...мешают, сбивают с толку критические обоймы, за которыми стоит желание утвердить в поэзии одних поэтов и отлучить от нее других» (В. Белов, Харьков).

Иными словами, судя по письмам, многие читатели требуют объективности и беспристрастности в оценке поэтических явлений, выступают против всего того, что можно было бы назвать суетой вокруг поэзии.

Но суетой не в том смысле, какой вкладывает в это слово Е. Фарафонов. Нет ничего страшного в анкетах, помогающих определить, «кого читают и как читают». Напротив, чем больше людей отвечает на такие анкеты, тем, стало быть, объективнее картина читательского отношения к поэзии и поэту. Если, конечно, при этом не впадать в крайность — не включать в анкеты вопросы наподобие того, что хотел бы задать Э. Алексеев, ибо определять наиболее популярного поэта года — значит утратить представление об истинных поэтических ценностях. Ведь популярность применительно к литературе слишком тесно связана с таким капризным и изменчивым понятием, как мода. А мода в силу как раз своей капризности и переменчивости не может быть признана устойчивым критерием, которым бы выверялась поэзия. И не зря А. Вартанян из Сухуми в своем письме в редакцию вспомнил Бенедиктова, на время затмившего читателям Пушкина, Надсона, затмившего Некрасова, Северянина, затмившего Блока и Маяковского. «Но именно на время, — продолжает А. Вартанян, — потому что настоящее искусство всегда возьмет свое».

«А самое страшное, — считает Л. Скальский из Улан-Удэ, — что, начав работать на популярность, прислушиваясь к похвалам, жаждая этих похвал, поэт утрачивает реальные связи с миром и с читателями, предает забвению важнейшее условие существования поэзии, сформулированное Некрасовым.

«Будь гражданин! служа искусству...»

«Несколько раз я встречал в вашей газете выражение: «Гражданственность — душа поэзии», но только вчитываясь в произведения классической и современной поэзии, понял до конца его смысл: гражданин — это тот, кто говорит не только о себе, но и обо мне, и обо всех нас, и потому его поэзия обращена ко всем нам, входит нам в душу, заряжает ее гражданственностью».

(Из письма В. СЕДУНОВА, Москва)

Близок к формулировке В. Седунова и О. Грачев из Витебска: «Гражданственность — это магнитное поле поэзии, на которое отзываются наши души, притягиваются к нему. Лучшие стихи и поэмы последних лет излучают такое магнитное поле. И мы благодарны за это творцам. Свидетельство тому — недавнее присуждение Государственной премии СССР Василию Федорову и Роберту Рождественскому — поэтам, чье творчество пронизано гражданственностью, утверждением наших коммунистических идеалов!»

«Для меня, — пишет в редакцию Л. Гудовский из подмосковного Томилина, — подлинным открытием в эпическом жанре стали поэмы Егора Исаева и Анатолия Преловского. И там, и там поражаешься сочетанию эпического размаха описываемых событий с лирико-философской, задушевно размышляющей интонацией авторского голоса. Их поэмы гражданственны в том высоком значении этого слова, когда поэт взялся за перо, чтобы поделиться с читателем выношенным и сокровенным».

«Если бы меня спросили, какие произведения последних лет произвели на меня особое впечатление, я бы назвал стихи и поэмы М. Дудина, Э. Межелайтиса, Б. Олейника, Р. Рождественского, М. Каноата, Е. Евтушенко, Р. Казаковой. Высокий гражданский пафос роднит эти произведения с произведениями наших замечательных узбекских поэтов — Гафура Гуляма, Уйгуна, Зульфии, Мухтара, Миртемира, Мирмухсина, Шукрулло» (М. Алгбеков, Ташкент).

«Жаль, что почти незамеченными остались новые книги Дмитрия Сухарева. А ведь этот поэт обладает удивительным умением как-то просто и проникновенно писать о главном» (М. Нестеров, Кишинев).

«Читаю подборку Елены Скульской в № 12 «Звезды» и лишний раз убеждаюсь в том, что самая интимная лирика может обладать огромным зарядом гражданственности, если эта лирика не замкнута в самой себе, а раскрыта, распахнута навстречу читателю» (Л. Рождественская, Набережные Челны).

Кстати, письмо Л. Рождественской лучшим образом отвечает В. Гриневскому из Ростова-на-Дону, написавшему в редакцию: «По-моему, в последнее время понятие гражданской лирики стали толковать неоправданно расширительно. К ней уже относят выражение в стихах интимных чувств, проявление интимных сторон человеческой души. Так ведь можно любое действие, любое побуждение поэта объявить гражданственным. Скажем, идет поэт по лесу, собирает грибы, а потом приходит домой и пишет об этом стихи».

По странному совпадению именно такие стихи и выписал в своем письме Е. Вейцман из подмосковного города Долгопрудный и объявил их гражданскими. Причем, по нашему мнению, совершенно справедливо. Речь идет о стихотворении Софьи Патренко «Хлеб в лесу», напечатанном в последнем московском «Дне поэзии». Героиня стихотворения увидела в лесу кем-то выброшенные полбуханки хлеба. «Постояла я. Хлеб подняла и снесла на поляну. Там коровы паслись. Чуть заметно вздымались бока. От покоя лесного, травы многолистной и прямой нарастала у каждой чуть ли не волна молока. Я скормила им хлеб, разломав его весь на кусочки, их буренушки брали с ладони, подняв рогатые лбы. И пошли попадаться мне белые, крутобокие чудо-грибочки, а до этого как-то совсем не встречались грибы...»

«Это стихотворение, — пишет Е. Вейцман, — делает обаятельным непоколебимая уверенность автора, что зло обязательно должно быть побеждено добром, а за добро добром же и воздаваться. Это гражданское стихотворение, ибо пробуждает в читателе «чувства добрые».

Словом, разные мнения высказывают наши читатели о поэзии, называют разные имена, приводят разные цитаты, демонстрируют разные вкусы, словно подтверждая слова Твардовского, с которыми он обратился однажды к своему читателю:

«Да, и такой ты есть и всякий...»

«Мне по душе поэзия Владимира Гордейчева, который, по точному наблюдению Е. Винокурова, «видит мир вещно, предметы в его стихах осязаемы, картины рельефны». Новые книги поэта — еще одно свидетельство незаурядности его дарования».

(Н. ЗАЙЦЕВА, Москва)

«Прочитал в № 12 «Октября» за прошлый год подборку стихов Владимира Гордейчева. Удивительно, что опытный поэт позволил себе напечатать стихотворение «На туристских тропах». Удивительно, что именно ему принадлежит авторство такого слабого стихотворения!»

(М. АЛИЕВ, Баку)

М. Алиев разъясняет: «Это слащаво-сентиментальная история, лишенная каких-либо психологических мотивировок: в автобусе случайно оказались рядом он, она и некий «слащавый красавец». «Он скромница», поэтому так и не решился начать знакомство, она, естественно, первая не решилась что-либо предпринять, хотя он и понравился ей, и лишь «слащавый красавец» пытался было с ней заигрывать, но получил отпор. И вот прошло время, он вдруг увидел ее стоящей последней в очереди за билетами в кино, встал за ней, и... «Решившийся сказать тебе о многом, он сделал крупный воздуха глоток и, чтобы обернулась ты, потрогал пушистый твой на шее завиток. Ты, думая, что это снова сзади возникший забавляется ловкач, плечом брезгливо дернула, не глядя, и парень разом вспыхнул, как кумач». Короче говоря, парень отошел и навсегда уехал. А она, узнав, что это был не «слащавый красавец», а он, долго и безутешно рыдала.

От кого, спрашивается, узнала? «От тех, — объясняет В. Гордейчев, — кто видел сам, воочью». Иными словами, эти «те» должны были быть в курсе мимолетной автобусной истории. Да и «слащавый парень», «ловкач» почему-то врезался в воображение героини с не меньшей силой, чем тот, «скромница». Иначе почему же она так уверена, что именно тот самый ловкач вновь заигрывает с ней?»

«Отсутствие психологических мотивировок, — продолжает М. Алиев, — приводит к тому, что В. Гордейчев как бы утрачивает присущее ему обычно мастерство. Разберитесь, например, в грамматической связности такой строфы: «И больше не трясут тебя, как током, понравившись началу одному, то так, то сяк, как будто ненароком, прикосновенья к локтю твоему».

Что ж, согласимся с М. Алиевым: это стихотворение — неудача поэта, тем более огорчительная, что В. Гордейчев (и здесь мы согласны с Н. Зайцевой) — поэт незаурядного дарования.

А вот с мнением А. Эйтингона из Таллина согласиться не можем. Он приводит такое стихотворение Евгения Храмова из № 12 «Юности» за 1979 год: «И время потекло, а в комнате моей еще живет тепло дыханья твоего. Прошло так мало дней, пройдет так много лет, а в комнате моей твое тепло и свет, и больше ничего». «А если ничего, — пишет А. Эйтингон, — то стоит ли об этом стихи писать?»

Не надо, товарищ Эйтингон, так буквально читать стихи. «Твое тепло и свет» — для лирического героя стихотворения очень немало. Быть может, даже все!

И уж, во всяком случае, позиция поэта здесь куда благороднее, чем та, что демонстрирует нам автор такого стихотворения: «Изменила. Ну и что же? Соглашусь, пожалуй, с ней: этот парень помоложе, покудрявей, посильней... Я не стану молодиться, дело, в общем, не в красе. Я не буду лишней спицей в их любовном колесе — пусть покатится по травке, пока гладенький лужок... Жизнь внесет свои поправки — сунет в спицы батожок»

Это стихотворение из книги Леонида Беляева «Освещенные окна мои», выпущенной в Архангельске, привел в своем письме к нам В. Онищенко из Ленинграда. «Выходит, — написал В. Онищенко, — что, сказав: «Ну и что же?», сказав: «Соглашусь, пожалуй, с ней...», поэт всего только ёрничает, что он недобро затаился и расточает в адрес своей бывшей возлюбленной какие-то неопределенные угрозы».

Можно было бы процитировать немало писем, авторы которых приводят примеры откровенного стихотворного брака: алогизмы, плохое владение русским языком, отсутствие понятия о ритме и о рифме. Но мы не станем этого делать, процитируем только письмо читателя Е. Голубовского из Гродно, в котором он так высказывается по поводу подобной стихотворной продукции:

«Известно: на заводской детали всегда стоит штамп мастера ОТК. Чуть что — претензии потребителя не столько к рабочему, сколько к мастеру ОТК: как же ты мог пропустить такую халтуру? А критики и мы, читатели, предъявляем свои претензии только к поэту: как же ты мог написать такое? А тот, кто пропустил его в печать, — ведь его ответственность даже большая? Давайте все-таки взыскивать и с редактора книги. Тогда, быть может, меньше будет печататься всякой чепухи и стихотворных отходов».

Вот этим «злым» письмом мы и закончим наш обзор.

Злое-то оно злое, но за этой злостью встают хозяйское отношение к поэзии, забота о том, чтобы поэтическое слово было действенным.

На таких читателей (а их, упомянутых в этом обзоре, абсолютное большинство) и ориентируются в своих стихах наши поэты. Такими они ценят своих читателей и любят. Не случайно ведь, нарисовав портрет коллективного своего читателя, сказав о нем: «Да, и такой ты есть и всякий...», Александр Твардовский сейчас же воскликнул: «Но счастлив я, что ты, брат, есть!»

ОТДЕЛ КРИТИКИ «ЛГ»

Студия графики

Иллюстрации художника А. К. Голицына к книге Гарольда Рецитана «Космические ямбы». Издательство «Советский писатель». М. 1979.

УЛЫБКА ПЕГАСА

Виктор БОКОВ

Монолог классика

Я теперь, совсем
как классик,
Ничего не делаю.
Если сяду, то на часик
За бумагу белую.

Выступаю, объясняю
Тропы, метонимии,
Сам писать я отвыкаю,
Муза, на таки меня!

Не беда! Я член союза.
Это не маленечко.
Если мне не светит Руза,
Под боком Малеевка.

До чего мне надоели
Рифмы и трехдольники.
Не пойти ли в ЦаДэЭле
Посидеть за столиком?

Я вчера проснулся рано.
Был в порыве творческом.
Промелькнул сюжет
романа.
А писать не хочется.

Лев БОЧЕНКОВ
(КУРСК)

Где же брат?

Краткость —
сестру Таланта
Писатель нашел, говорят.
Теперь она ищет
в нем брата,
Которому имя Талант.

Евгений ОСЕТРОВ

ЗАПИСКИ СТАРОГО КНИЖНИКА

СОЗДАВАЕМЫЕ ЕЖЕДНЕВНО

Занятие это благосклонным вниманием книжников не пользуется, ибо, что скрывать, — хлопотливо. Я же увлекаюсь им давно, хотя редко кому показываю бесчисленные печатные листы с пометами. Прочитаю в газете или журнале о поэте — вырежу заметку и положу в стихотворный том; знаю, что пригодится. И в самом деле, приходит время, когда не надо мне рыться в справочниках, отправляться в библиотеку, листать подшивки — все под рукой.

Печать довольно часто публикует сообщения, связанные, скажем, с редкими книгами, литературными судьбами, библиотеками... Просматривая утром газеты и журналы, я мысленно отмечаю то, что следует сберечь. Приблизительно раз в неделю этим и занимаюсь, складывая обретенное в особые папки, на которых есть пометки: «Редкие книги», «Книжники», «Книжные судьбы», «Находки», «Книжный знак и художники», «Личные собрания»... В ушах, однако, слышится возглас, адресованный мне на одном из вечеров: «А почему просто не оформить подписку на газетные вырезки по темам!» Сделанное самим совсем не то, что пользоваться в работе плодами труда других. Леонид Максимович Леонов, восхищаясь пейзажами Василия Осиповича Кирикова, говорил о том, как много дало художнику копирование работ старых мастеров, добавляя, что начинающему прозаику совсем не худо переписать от руки «Капитанскую дочку» — это многое даст думающему человеку. Алексей Кузьмич Югов, прежде чем засесть за роман, связанный с эпохой Даниила Галицкого и Александра Невского, переписал сотни страниц Галицко-Волынской летописи.

Газета в наши дни не только типографское создание, но и своего рода «окружающая нас среда», бесконечный и постоянный источник знаний о людях и их жизни. Жгучий интерес к периодике отмечал в жизнеописаниях Толстого, Достоевского, Максима Горького, последний, кстати говоря, часто пользовался для творческих нужд газетными вырезками.

Изучая народные художественные гнезда, дружа с мастерами-умельцами, с людьми такого самобытного дарования, как Иван Александрович Фомичев (какой был живописный характер!) из Мстеры, я не мог оставаться равнодушным к тому, что о них говорилось в печати. В течение более чем двух десятилетий вырезаю и собираю папки под названием «Народные ремесла». Открывая их, извлекаю собранное на белый свет — и перед глазами возникают города и веси поразительно талантливой страны, в которых живут волшебники, обладающие сказочным умением преображать будничную вещь в творение искусства. Перед мысленным взором — образы златокузнецов, серебрянщиков, кружевниц, прях, игрушечников, резчиков по дереву и кости, мастеров фарфора, фаянса, стекла, лаковой миниатюры, узорного ткачества и ковроделия... Своего рода энциклопедия народного умения — искусства. Не все умещается в папках. Прибегаю к давнему и испытанному способу — вкладываю, иногда вклеиваю вырезки в книги, создавая таким образом их продолжение. В пору давней владимирской юности, работая в областной газете «Призыв», я довольно часто бывал в Гусь-Хрустальном, дружил со стеклоделами и хрустальщиками, записывал их бывальщины и предания; тогда я часто писал о своем тезке Евгении Ивановиче Рогове, ставшем позднее одним из самых выдающихся современных художников стекла — его рукотворные радуги полны света и музыки. Я снимаю с полки том «Русский хрусталь», любуюсь снимками изделий Рогова — они удивительно хороши, а потом в самом конце нахожу многочисленные сообщения о том, как работал в эти годы Евгений Иванович, — газеты подробно писали о талантливом мастере. Таким образом, происходит встреча с другом юности, успехам которого я не могу не радоваться.

Самую же обширную часть моего собрания газетных и журнальных вырезок составляют «Старые города». В отдельные папки выделены статьи и заметки, посвященные Московскому Кремлю. Они содержательны, необычайно интересны и составляют своего рода повествование о стенах, башнях, дворцах, храмах, теремах, палатах, расположенных на знаменитом холме, что над Москвой-рекою. Когда их читаешь и перечитываешь, то перед глазами — своего рода исторический и современный портрет Кремля. Что стоят одни заметки о находках вещественных следов былого, сделанных теми, кто прибегает к лопате и заступу! Многие ли обратили внимание на то, что из земли извлечена денежная сума, принадлежавшая Ивану Даниловичу, прозванному некогда Калитой, то есть Денежной Сумой?!

...В прошлом веке жил библиограф и историк Михаил Дмитриевич Хмыров, увлекавшийся тем, что собирал старые газеты и журналы — восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Отовсюду он вырезал статьи, заметки и сообщения, относящиеся к отечественной истории, складывал их в отдельные папки или переплетал. Делал это Хмыров неспроста. В одном из исследований было сказано: «М. Д. Хмыров всю свою недолгую и полную лишений жизнь провел как подвижник, в самом высоком, патриотическом значении этого слова. Он мечтал, чтобы на основе собранных им материалов была создана «Настольная энциклопедия отечествоведения». Замысел этот осуществлен не был. Новым поколениям осталась драгоценная Коллекция, поистине сокровищница знаний, собранная из скромных журнальных и газетных вырезок».

Теперь собрание Хмырова находится в Государственной исторической публичной библиотеке. В нем свыше трехсот разделов. Коллекцией Хмырова часто пользуются знатоки. Потребуется, к примеру, историку посмотреть, что писали газеты и журналы о так называемом Углицком деле, следствии по делу об убийстве малолетнего царевича Димитрия. Специалист приводит в газетный зал библиотеки и заказывает папку из собрания Хмырова — и сразу делаются очевидны разнообразные точки зрения, все подходы к эпизоду, которые существовали в минувших столетиях. Это только один небольшой пример — собранию Михаила Дмитриевича Хмырова теперь цены нет. У меня и в мыслях нет уподоблять свое скромное собрание огромному хмыровскому, но подражать хорошим образцам не так-то уж и плохо.

Свою работу с вырезками я не считаю завершенной. Мечтаю создать (из копий, разумеется) книги в нескольких экземплярах, которые в будущем, думается, будут полезны не только мне.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

ЧЕЛОВЕКА

* * *

— Меня спрашивают: «Какая из ваших книг вам наиболее дорога и почему?» Сейчас мне дорога работа, над которой сижу. Больше того, из опыта своего знаю — обязательно надо возможно быстрее забывать предыдущую книгу, только тогда можно переходить к следующей. А читатель у нас нынче пошел дотошный: он годами не дает забывать о своих старых вещах. И вот снова и снова заставляют меня возвращаться к «Биму»... А если по существу, мне дороги все мои книги, хоть и вижу в прошлом и в настоящем собственные ошибки и недостатки. Некоторые вещи написал бы теперь совсем по-другому, но тогда получились бы совсем другие произведения. Так, с присущими им недостатками, они и вошли в собрание сочинений. Какие это недостатки, говорить не буду, определяйте их сами.

Типичный вопрос: «Бим — настоящий пес или вымышленный?» Вот что скажу: воображение иногда бывает более реальным, чем действительность. Передачи никакого нет, потому что оно, воображение, основывается на реалистическом мышлении, на реалистическом ощущении жизни. Кто такой Бим? Я с детства люблю собак. Жили у меня несколько. Случаи с ними бывали всякие, и несчастья, и умирали собаки (ни одну собаку я не продавал), могу поэтому утверждать, что характер их знаю. И вот из всех собак, какие у меня были, я и вообразил одну: породу сеттеров придал потому, что сеттеров знаю больше. Так что Бим, он настоящий, но он, друзья, не жил и не умирал вовсе.

«Какая книга произвела на вас в юности наиболее яркое впечатление?» Задам вам встречный вопрос. Вспомните себя, скажем, в возрасте 15 лет и скажите, какую книгу, одну-единственную, вы назовете в числе самых любимых? Думаю, многие почувствуют, что на подобный вопрос невозможно ответить однозначно. Я вот «Барона Мюнхгаузена» узнал в 16 лет, а «Колокол» Герцена читал раньше (тогда он был запрещен). Мое читательское образование проходило абсолютно беспорядочно. Так что книгу назвать я не могу. Зато назову имя человека, который в пору моей ранней юности произвел на меня неизгладимое впечатление. Это Григорий Романович Ширма, мой первый учитель литературы. Умер он два года назад, народный артист СССР, художественный руководитель Государственной академической хоровой капеллы Белорусской ССР. Вот этот человек в то далекое теперь время был для меня дороже всякой прочитанной книги.

Спрашивают в записке: «Являетесь ли вы собирателем книг?» Нет, я не собиратель. Хотя у меня в библиотеке имеются довольно интересные старинные книги, например, по истории края. Значительная часть книг пропала в годы войны, но некоторые из них удалось впоследствии восстановить. Свои же произведения на полки не ставлю, не люблюсь и их не вижу. Они мешают писать.

* * *

— «Какая, на ваш взгляд, главная проблема сегодняшнего времени? Можно ли средствами литературы решать какие-то проблемы века?» Вопрос очень серьезный, ответа он требует подробного, боюсь, не сумею вполне удовлетворить вашу любознательность.

На мой взгляд, перед нами, перед литературой, встает особо важная проблема — проблема совершенствования человека. И в этом смысле главной линией литературы видится мне прежде всего воспитание чувств: доброты, доверия, преданности, верности дружбе, верности долгу, умения чувствовать природу в ее величественной простоте, умение понять другого и сопереживать горе другого — вот чувства, отличающие высокий интеллект. Развитие интеллекта — наиважнейшая задача семьи и школы и особенно литературы. Когда я думаю об этом, я думаю о той большой ответственности, которая ложится на каждого писателя. Ответственность эта тем выше и тем больше мы должны думать о духовной пище, чем богаче становится наше общество материально.

Потому иногда и размышляю: все-таки почему в отдельных случаях многословие в литературе неистребимо? Отчего же еще немало чисто объемных и серых произведений? Может, читательская требовательность понизилась у нас? Может, вкус читателя изменился? А может, происходят какие-то колебания в состоянии внутренней культуры человека?.. Выступая на Четвертом съезде писателей России, я говорил, что в воспитании чувств мы прежде всего обязаны противостоять бездуховности. Ведь что такое бездуховность, в чем она выражается? Прежде всего в стертости всей гаммы человеческих чувств. Именно только в таком случае серое произведение и может найти своего читателя.

Не уверен, что мы, человеки данного времени на нашей планете, уже определили словами все людские чувства. Что такое художественное воображение? Мечта? Интуиция? Мы можем приблизительно определить, что под этими понятиями подразумеваем. А вот что они есть на самом деле? В каких тайниках души зарождается интуиция? Есть ли какая-нибудь граница между этими, будем грубо называть, чувствами — воображением, мечтой и интуицией? Их тесная взаимосвязь и абсолютно необъяснимая пока с научной точки зрения интуиция заставляют думать, что глубина всего нашего душевного состояния составляет тайну при соприкосновении с которой иногда заходишь в тупик. И вообще, познает ли когда-нибудь человек свой собственный мозг? Думаю, стремиться к этому, искать объяснения нужно. Наука это делает.

Воспитание же нового человека — дело не трех и не пяти лет. И если говорить о литературе, то именно она должна совершенствовать человеческую личность. Достичь совершенства трудно. Но стремиться к этому надо. В этом смысле, по-видимому, нашей литературе предстоит работа по очищению самой литературы, она тоже должна стремиться к совершенству.

«Как вы поступаете в трудные минуты вашей жизни?» Думаю, в трудные минуты нелишне вспомнить об изречении древних: «Самое большое несчастье — это не уметь перенести несчастье». С этой мыслью любая беда будет заживать не наслоениями, а изнутри, из души. Больше вряд ли могу сказать. И в жизни, и в литературе было мне не всегда легко, но я поступал так: работал. Работать — вот, по-моему, самый лучший способ жить в трудные минуты.

«Во что вы верите?» На этот вопрос отвечу очень коротко. Я верю в наше общество. Верю в совершенствование человека.

ВЗГЛЯД НЕ СО СТОРОНЫ

Критик Игорь Дедков был одним из участников читательской конференции в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Я попросила его высказаться по поводу состоявшегося диалога между писателем и его читателями. Вот точка зрения Игоря Дедкова:

— Читателю бывает интересно посмотреть на писателя и послушать, что писатель скажет. Особенно, если книги этого писателя ему, читателю, по душе. Наверное, за тем и приходят на читательскую конференцию, если в ней участвует автор.

Писателю лучше знать, приносят ли полное удовлетворение такие встречи с читателем, обогащают ли при этом авторское знание того, что удалось и что не получилось, становится ли яснее, о чем думает, над чем мучается, чего хочет его, писателя, читатель.

Гавриил Николаевич Троепольский, насколько я видел и понял, был искренне благодарен читателям за то, что они прочли его книги, за то, что отложили все свои дела и пришли его послушать, за то, что он занимает какое-то место в их мире.

...Когда начинал звучать глуховатый, мягкий, но твердо убежденный в своем голос Гавриила Николаевича, я понимал, зачем весь этот заполненный людьми зал, зачем эти наши, критиков и читателей, предварительные речи: обычное житейское любопытство насыщается быстро, верх берет другой интерес. Ну, а что думает этот писатель о современной жизни, о своих и других книгах, во что верит, по каким, принятым для себя законам живет и пишет?

Троепольский хорошо почувствовал именно этот интерес. Он говорил просто и здраво, без самообольщения оценивая сделанное, не старался быть значительным, не брался рассуждать обо всем на свете, ничему не пытался учить и ничего не хотел навязывать. Он был искренен и в то же время сдержан, словно боялся, что разно осуждаемые им в литературе многословие и празднословие коснутся и его речи.

Может быть, самое дорогое в такой манере говорить и держаться — это неумение, нежелание отделять себя, отгораживать от других людей, от читателей. Да, он написал несколько книг, надеется написать еще одну, да, он думает, раз об этом спрашивают, что на беды и несчастья нужно отвечать работой и работой спасаться, да, он всегда верил в справедливость, потому что иначе нельзя жить.

Возможно, в зале были люди, которые понимали произносимые им слова так же, как он, были и другие, близкие к этому пониманию, но в любом случае голос умудренного жизнью писателя укреплял в его читателях добрые чувства и нравственные убеждения.

Конечно, занятно узнать, был ли прототип у Белого Бима и какую собаку держит писатель, но все это тускнеет, когда писатель предстает перед своими читателями человеком одной с ними исторической поры, близкой и понятной судьбы, близких и понятных тревог и надежд.

И если он имеет перед ними какие-то преимущества, то это нелегкие преимущества художнической впечатлительности, чуткости и боли за всех, художнической ответственности.

Когда на читательской встрече живет и всеми осознается это чувство ответственности, то, по-моему, такая встреча с писателем уже не напрасна.

Записала В. ПОМАЗНЕВА

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

«...ВСЕ ТО ЛУЧШЕЕ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ, ЕСТЬ ДЕЛО НАРОДНОЕ»

«Мне кажется, что всякий человек при Антоне Павловиче невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой...» — писал А. М. Горький.

Впервые публикуемый сегодня фрагмент из воспоминаний современника рассказывает о встречах Горького и Чехова.

А. М. ГОРЬКИЙ:

ХОРОШО ВСПОМНИТЬ О ТАКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Весной 1899 года ялтинская «белая дача» Чехова еще не была построена, и он жил неподалеку, на Аутkинской улице, в доме К. М. Иловайской, занимая две комнаты нижнего этажа. Сюда-то 19 марта и пришел к нему впервые Максим Горький.

Приход этот не был случаен. Ему предшествовала переписка, начатая Горьким. В первом же письме к Чехову осенью 1898 года, посылая два тома своих только что вышедших «Очерков и рассказов», он признавался в «искреннейшей горячей любви», которую питает к Чехову «со времен младых ногтей». Так это и было, о чем единодушно свидетельствуют люди, встречавшиеся с Горьким. Н. Евреинов, например, вспоминал, как еще 16-летний Алеша Пешков показал ему, в то время казанскому гимназисту, какой-то рассказ Чехова, помещенный в юмористическом журнале, и, восхищаясь этим рассказом, «высказал желание научиться самому так писать». А ведь тогда, в 1884 году, критика упорно не хотела замечать талант писателя-юмориста, видя в нем лишь рядового сотрудника «малой» прессы.

Один из первых русских марксистов С. И. Мицкевич рассказал, как в 1893 году при встрече с ним Горький детально разобрал чеховский рассказ «Поцелуй», удивив «тонкостью литературной оценки» и «самостоятельностью мысли».

Таким образом, весной 1899 года с Чеховым встретился его давний почитатель, прожививший много «дивных минут» над страницами чеховских книг, молодой писатель, видевший в произведениях старшего собрата образец мастерства и вкуса. В восприятии Горького Чехов — талант «разительно сильный», «могучий», которому «достаточно одного слова, для того чтоб создать образ, и фразы, чтоб сотворить рассказ, дивный рассказ, который увертывается в глубь и суть жизни, как бур в землю».

«Говорят, напр., что «Дядя Ваня» и «Чайка» — новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа, — писал Горький Чехову — Я нахожу, что это очень верно говорят». И далее: «В русской литературе еще не было новеллиста, подобного Вам, а теперь Вы у нас самая ценная и крупная фигура».

В свою очередь, Чехов высоко оценил дарование Горького. «Вы спрашиваете, какого я мнения о Ваших рассказах,— писал он Горькому. — Какого мнения? Талант несомненный и при том настоящий, большой талант. Например, в рассказе «В степи» он выразился с необыкновенной силой, и меня даже зависть взяла, что это не я написал. Вы художник, умный человек. Вы чувствуете превосходно. Вы пластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видите ее и ощупываете руками! Это настоящее искусство. Вот Вам мое мнение, и я очень рад, что могу высказать Вам его. Я, повторяю, очень рад, и если бы мы познакомились и поговорили час-другой, то Вы убедились бы, как я высоко Вас ценю и какие надежды возлагаю на Ваше дарование».

Встреча с Чеховым произвела на Горького огромное впечатление. «Говорить с ним в высокой степени приятно, и давно уже я не говорил с таким удовольствием, с каким говорю с ним», — писал Горький жене. Е. П. Пешковой, после свидания с Чеховым. И в следующем письме сообщал: «Всю ночь до шести утра просидел у Чехова». А уехав из Ялты, Горький писал Чехову: «Я Вас, батюшка, люблю, люблю очень, горячо, любил, когда еще не знал, узнав — люблю еще больше. Мне дорого каждое Ваше слово, и Вашим отношением ко мне — горжусь, будучи уверен, что оно — лучшая мне похвала и самый ценный подарок от судьбы».

Чехов также был заинтересован состоявшимся знакомством. «В Ялте Горький. По внешности это босяк, но внутри это довольно изящный человек — и я очень рад».

А месяц спустя, уже из Москвы, Чехов с удовольствием сообщает Горькому отзыв Льва Николаевича Толстого. «Третьего дня я был у Л. Н. Толстого; он очень хвалил Вас, сказал, что Вы «замечательный писатель».

Как же происходили первые встречи Горького и Чехова, каких тем касались в разговоре писатели? Сведения об этом чрезвычайно скудны. Мемуарный очерк Горького «А. П. Чехов» суммирует впечатления Горького от многих его посещений Чехова. Творческой задачей Горького было воссоздание личности Чехова, стремление донести его образ мыслей, манеру говорить. Поэтому диалоги Чехова и Горького превратились под пером мемуариста в чеховские монологи. Себе же Горький отвел лишь роль слушателя, изредка вставляющего краткую реплику или задающего вопрос. Но, зная, что беседы двух писателей заходили за полночь, а то и продолжались до утра, пришлось бы себе представить, что Чехов говорил часами напролет. А это так мало похоже на него, обычно сдержанного, молчаливого (речь идет, разумеется, о Чехове ялтинского периода). Иное дело — Горький, прекрасный рассказчик, умевший и любивший говорить, обладавший феноменальной памятью, за плечами которого уже был многообразный выстраданный жизненный опыт.

Чтобы убедиться в справедливости этого предположения, достаточно обратиться к неизвестному до сих пор свидетельству одного из современников — Сергея Николаевича Щукина, учителя ялтинской церковной школы, в те годы начинающего литератора, пользовавшегося советами Чехова. Широко известны воспоминания Щукина, в частности, они вошли в сборник «Чехов в воспоминаниях современников». Но в семейном архиве Щукина, бережно хранимом его дочерью М. С. Щукиной, нам удалось обнаружить черновик одной записи, не вошедшей в опубликованный текст мемуаров. Не обработанная автором, стилистически шероховатая и в известной мере конспективная эта запись содержит ряд ценных сведений.

А. П. Чехов и А. М. Горький. Ялта, 1900 г.

«В эти первые посещения я встретил у него двух Горького. Горький тогда только что начинал быть известным. Он заходил к Чехову и сидел долго. Было любопытно наблюдать из Чехов сидел и говорил мало; Горький все ходил по комнате и говорил очень много и все о себе. Видно было, что его еще не знают хорошо в литературных кружках, по крайней мере, не знал Чехов, и Горький, так сказать, знакомил с собой. Не знаю, где и когда, в как-то не интересовался этим, они познакомились, но впечатление было такое, что очень недавно.

Горький говорил о многом; сообщал некоторые эпизоды из своей прежней жизни; говорил о румынских (одно слово неразборчиво. — Е. С.), о том, как он переходил тайком границу; о том, как он в каком-то монастыре пригрозил настоятелю, что повесится на монастырских воротах; о том, как татарин выбрил ему голову, и т. д. Он говорил интересно, видна была обобщающая, философская мысль, но было иногда заметно, что говорит самоучка недавно лишь почувствовавший себя своим среди людей культурных. Так он говорил некоторые иностранные слова с неправильным ударением. Чехов, улыбаясь, поправлял его.

Тогда он, по-видимому, увлекался Бальзаком, говорил с восторгом о его языка. Помню: «все редкое — красиво» «Вот, — восклицал он, — так сказать, так написать, это я понимаю»

Чехов, как я уже сказал, больше молчал и как будто присматривался к Горькому. Помнится, Горький написал в то время уже много рассказов: «Бывшие люди», «Проходимец», «Мальва» и т. д. было заметно, что Чехов относится к нему несколько покровительственно, а Горький — уважительно. Они были очень внимательны и, прощаясь (Горький только что приехал), просили друг друга быть знакомыми и навещать один другого. Горький очень интересовался Чеховым и прислушивался к его разговору, к его мнениям».

С. Н. Щукин отметил характерную особенность этих первых встреч — Горький «знакомил с собой» Чехова, рассказывая о своей богатой впечатлениями и приключениями жизни. Точность записи Щукина подтверждается многими документами и воспоминаниями, часть из которых еще хранится в архивах, и в частности воспоминаниями О. Ю. Каминской (ей посвящен рассказ «О первой любви»). Горький действительно хотел перейти границу, чтобы попасть во Францию, где в начале 90-х годов жила она.

Высокая оценка Бальзака оставалась неизменной на протяжении всей жизни Горького. Полюбившийся Горькому афоризм (у Щукина — «все редкое — красиво») в более точном переводе поведем писателем в начале очерка «М. М. Коцюбинский» (1913): «Прекрасное — это редкое», — говорили Гонкуры». Возможно, Горький в разговоре с Чеховым упоминал и Гонкуров. В своей статье «О Бальзаке» Горький писал, что после чтения романа Э. Гонкура «Боатье Замгано» ему захотелось познакомиться и с другими писателями Франции. Огромное впечатление на него произвел тогда роман Бальзака «Шагреневая кожа», читая эту книгу с «неописуемым наслаждением».

Запись Щукина показывает Горького, увиденного как бы глазами Чехова. О том же, как Горький воспринимал Чехова, встречаясь и беседуя с ним, о том каким чувством проникался он, рассказал в очерке «А. П. Чехов»

«Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл».

Евгения САХАРОВА,
кандидат филологических наук

ПЕЧАТЬ ВЫСОКОГО ДУХА

ПО СЛЕДАМ НОВОНАЙДЕННОГО ПИСЬМА

С последних дней жизни А. П. Чехова, прошедших в завещавшую мы знаем мало. Всякая подробность, всякий, казалось бы, незначительный факт из невытравленной, творительна и значительна.

Чрезвычайно редки находки неопубликованных писем А. П. Чехова. В процессе подготовки нового, академического собрания сочинений и писем Антона Павловича, где письма занимают 12 томов, нам удалось обнаружить и напечатать считанное число таких документов. Неизвестное письмо, отправленное из Баденвейлера — это драгоценная находка

всего несколько строк, но в каждой из них — печать высокого духа, изумлявшего всех, кто знал Чехова в последние годы его жизни.

Л. ОПУЛЬСКАЯ,
заместитель главного редактора полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова

3/16 июня 1904 года (все даты даются далее по новому стилю) тяжело больной А. П. Чехов выезжает вместе со своей женой, Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой, из Москвы в Германию. Врачи рекомендуют ему для лечения один из курортов Шварцвальда, чистый горный воздух которого благотворно действовал на легочных больных. Выбор падает в конце концов на Баденвейлер, небольшой шварцвальдский курорт неподалеку от швейцарской границы.

18 июня Чеховы прибывают в Берлин, живут там три дня, а 21-го уезжают в Баденвейлер «на свое длительное местопребывание», как писал в тот же день Антон Павлович М. П. Чеховой. Однако улучшение здоровья, наступившее, как казалось, в первые дни, сменилось через несколько недель резким ухудшением. В ночь с 14 на 15 июля Чехова не стало. Он провел, таким образом, в Германии около месяца.

Об этих последних днях Чехова сохранилось сравнительно немного сведений: они содержатся прежде всего в тех письмах, которые он писал тогда знакомым и близким. В последнем томе полного собрания сочинений и писем Чехова, изданном в 1951 году, напечатано 3 письма из Берлина и 14 — из Баденвейлера.

Неизвестное доныне письмо Чехова, недавно обнаруженное и впервые публикуемое ниже, проливает свет на некоторые обстоятельства его пребывания в Берлине и Баденвейлере. Оно обращено к Григорию Борисовичу Иоллосу, которого без преувеличения можно назвать «последним другом» Чехова, хотя «дружба» их и была трагически краткосрочной.

Г. Б. Иоллос получил известность на грани веков как берлинский корреспондент «Русских ведомостей». Его «Письма из Берлина» пользовались в России широким и заслуженным признанием. Он был лично знаком с Короленко, Успенским и другими писателями.

В годы первой русской революции Иоллос вовлекается в общественную жизнь. В конце 1905 года он возвращается из Берлина в Москву и вскоре избирается депутатом 1-й Государственной думы. В марте 1907 года Иоллос был убит на улице возле своего дома. Убийство было организовано черносотенцами. Смерть Иоллоса вызвала бурю возмущения в России и за рубежом и превратилась в крупное общественное событие.

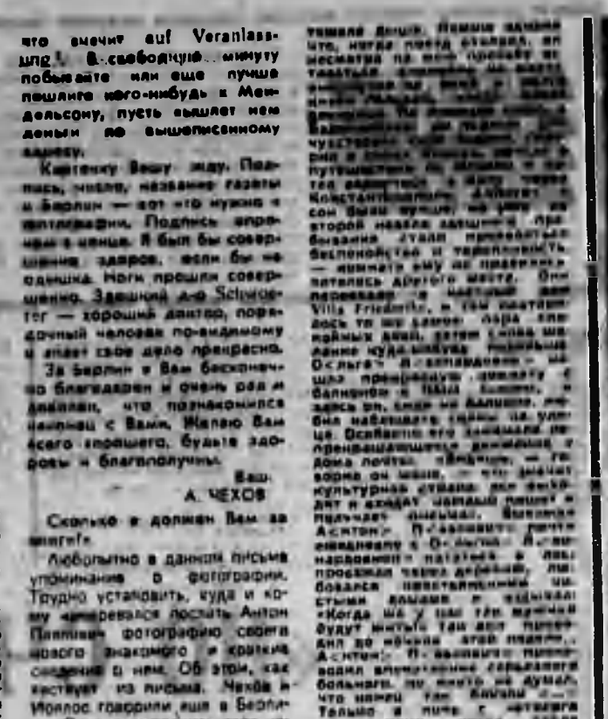
Знакомство Чехова с Иоллосом состоялось в Берлине 18 июня 1904 года. Инициатором встречи был, бесспорно, сам Антон Павлович, который еще в Москве, готовясь к отъезду в Германию, пытался через друзей найти кого-либо, кто мог бы оказать ему помощь в чужом городе.

Помощником, переводчиком и гидом Чеховых в Берлине оказался Иоллос. Чехов обратился к нему по рекомендации В. М. Соболевского, редактора «Русских ведомостей», с которым был давно и близко знаком. В письме из Баденвейлера 25 июня Чехов благодарит Соболевского «за Иоллоса»:

«Это превосходный человек, в высшей степени интеллигентный, любезный и бесконечно обязательный. Я три дня прожил в Берлине и все три дня чувствовал на себе заботу Иоллоса...» Несколько в этом его понять, поняв о себе он очень скромного и не знает точно, каким успехом у нас в Москве и в России пользуются его письма из Берлина.

В ответном письме Соболевский дает подробную характеристику Иоллоса.

«Это — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко; жена тяжело и безнадежно неизлечимая и многого <угого> др<угое>



что значит auf Veranlassung. В-свободную... минуту побывайте или еще лучше пешком его-нибудь к Мендельсону, пусть бывает нем деньги по вышеписанному адресу.

Квитанцию Вашу жду. Подпись, число, название газеты и Берлин — вот что нужно в квитанции. Подпись спрашивают в конце. Я был бы совершенно здоров, если бы не одышка. Ноги прошли совершенно. Здешний д-р Schwester — хороший доктор, порядочный человек по-видимому и знает свое дело прекрасно.

За Берлин я Вам бесконечно благодарен и очень рад и доволен, что познакомился ближе с Вами. Желаю Вам всего хорошего, будьте здоровы и благополучны.

Ваш
А. ЧЕХОВ

Сколько я должен Вам за визит?»

Любопытно в данном письме упоминание о фотографии. Трудно установить, куда и кому намеревался послать Антон Павлович фотографию своего нового знакомого и краткие сведения о нем. Об этом, как явствует из письма, Чехов и Иоллос говорили еще в Берлине. Однако выполнить свое намерение Чехову, по всей видимости, не удалось. В архиве А. П. Чехова (отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина) хранится ответное письмо Иоллоса, написанное, судя по содержанию, 26 или 27 июня.

«Многоуважаемый Антон Павлович!

Получив вчера Ваше письмо, я зашел к Мендельсону, представил чек и добился обещания, что деньги немедленно Вам будут высланы в Баденвейлер. Надеюсь, что Вы их уже получили. Очень жду Ваших добрых вестей от Вас. На хорошем шварцвальдском воздухе и обильном хорошем пиве Вы, конечно, поправитесь же, наберете сил и вернетесь совсем к Вашим, чтобы жить и доставлять наслаждение людям своим пером.

Посылаю карточку, хотя повторяю: не место мне в галереях писателей! Привет — изрядный ремесленник!

Сердечный привет Ольге Леонардовне, которой посылаю пьесу Стриндберга. Перевод хороший, название плохое, а лучшего нет (3-я том полного собрания сочинений Стриндберга> выйдет только весной).

За немецкие переводы Ваших книг Вы мне ничего не должны. Если напоминаю о том, чтобы «не вымерзнуть», то лишь для того, чтобы Вы прислали мне что-нибудь из своих книг. Раньше мы с Вами, помните, говорили. Не забудьте, что обещали предварительно написать!

Жму Вашу руку и от души желаю всего хорошего, а главное — свежих выдержек.

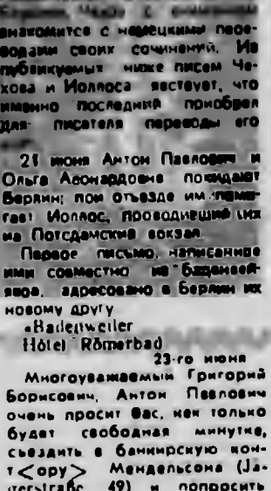
Искренне Ваш
Г. Иоллос».

Наиболее интересна в этом письме похвала о Стриндберге. Чехов знал и высоко ценил творчество шведского драматурга. Ранее, еще в Мелихове, Чехов, его жена и Иллюс Васильевич Брюсов в Берлине. Вероятно, Иоллос рассказывал им о постановках стриндберговских драм в немецких театрах и о продолжении этого увлечения, пришедшемся на их пребывание в немецкой столице.

За несколько дней до смерти Чехова Ольга Леонардовна вновь обращается к Иоллосу. В своем дневнике, написанном в форме письма (посмертного) к Чехову, она вспоминает: «29-го июня (12 июля. — К. А., С. В.), когда тебе сделалось нехорошо, ты велел выписать деньги, последние наши, из Берлина через Иоллоса и велел мне писать Иоллосу, чтобы он выслал их мне или. Мне это было неприятно, и я не хотела делать этого. Но ты настоял».

О последних днях и часах Чехова Иоллос рассказал в публикуемом ниже письме к В. М. Соболевскому. Оно было помещено 9/22 июля в «Русских ведомостях» (№ 180).

«...В Люцерне, где я думал отдохнуть несколько дней с братом меня <...> настигла телеграмма Ольги Леонардовны с известием о кончине А<нтона> П<авловича>. Я с ближайшим поездом поехал в Баденвейлер <...> Я лично в Берлине уже получил впечатление, что дни А<нтона> П<авловича> сочтены, — так он мне показался тяжелобольным: страшно кашлял, от малейшего движения нашлись и одышка, температура всегда повышенная. В Берлине мне трудно было подняться на маленькую лестницу Потсдамского вокзала; несколько минут он сидел обессиленный и



В гостях у А. П. Чехова. Москва, январь 1980 г.

Фото А. НОЧЕТОВА

что вместе с Ольгой Леонардовной, которая ему помогала, довели его до вокзала. Я был у Чехова каждый день. Первые дни он был очень оживлен, шутил, вспоминал, расспрашивал о литературных делах, о Художественном театре, о Москве, о знакомых, о Горьком, о Бунине, о Потапенко, о Вересаеве, о Чирикове, о Телешове, о Сергеенко, о Гольцеве, о Мамине-Сибиряке, о Баранцевиче, о Ежове, о Гнедиче, о Вас, о Вашей семье, о Ваших детях, о Ваших литературных планах, о Ваших работах, о Ваших успехах, о Ваших неудачах, о Ваших радостях, о Ваших горестях, о Ваших болезнях, о Ваших недугах, о Ваших немощах, о Ваших слабостях, о Ваших достоинствах, о Ваших недостатках, о Ваших добродетелях, о Ваших пороках, о Ваших грехах, о Ваших заслугах, о Ваших наградах, о Ваших орденах, о Ваших медалях, о Ваших чинах, о Ваших званиях, о Ваших титулах, о Ваших прозвищах, о Ваших кличках, о Ваших именах, о Ваших фамилиях, о Ваших отчествах, о Ваших родословных, о Ваших предках, о Ваших потомках, о Ваших родственниках, о Ваших друзьях, о Ваших врагах, о Ваших недругах, о Ваших завистниках, о Ваших поклонниках, о Ваших почитателях, о Ваших хулителях, о Ваших ругателях, о Ваших клеветниках, о Ваших сплетниках, о Ваших интриганах, о Ваших подхалимах, о Ваших льстецах, о Ваших прихлебателях, о Ваших тунеядцах, о Ваших паразитах, о Ваших нахлебниках, о Ваших иждивенцах, о Ваших иждивенках, о Ваших иждивенках, о Ваших иждивенках

Готовя к публикации фрагменты своей новой поэмы «Выстрел», поэт Анатолий Преловский дал интервью корреспонденту «ЛГ».

КОРР. Анатолий Васильевич, какое отношение поэма «Выстрел» имеет к вашим поэмам, включенным в книгу «Вековая дорога», которая вышла в издательстве «Молодая гвардия»?

А. П. *«Выстрел» — четвертая поэма свода, она тематически продолжает его. Только сейчас разговор пойдет о сегодняшнем и завтрашнем взаимоотношении человека и живой природы.*

КОРР. Когда и в связи с чем была задумана поэма?

А. П. *Ранней весной этого года мне выпал счастливый случай принять участие в работе научной экспедиции под руководством кандидата биологических наук С. К. Устинова. Она обследовала огромную территорию к северу от Байкало-Амурской магистрали. Будничный труд охотоведов и звероводов, их вера в процветание животного мира на местах нынешнего массированного строительства, гражданственность борьбы с браконьерством, их истовость в служении экологическому прогрессу — все это стало главной темой поэмы.*

КОРР. Вы упомянули понятие «свод поэм» в смысле нового жанрового образования?

А. П. *Свод поэм от книги поэм или от цикла поэм, на мой взгляд, должен отличаться бо́льшим органическим единством. Вернее, системой единства. Тематические линии, место или места действия, ритмика, сквозные сюжеты народного бытия — вот что, как мне кажется, должно определять жанр. Он вроде бы приближается к жанру романа в стихах. Но, в отличие от сугубо эпического романа в стихах, свод поэм может быть лирическим, лиро-эпическим, бессюжетным, исповедальным — автору открывается полная свобода для соотношения лирического и эпического как в отдельной части, так и на протяжении всего свода. Определение поэмы из поэм как будто более подошло бы к многоплановому образованию. Но, кажется, именно понятие «свод поэм» точнее выражает архитектонику авторского замысла. Впрочем, теоретики поэзии может быть найдут более точные формулировки, выявят большие закономерностей для определения свода поэм как жанра.*

КОРР. Нет ли, есть ли в нашей литературе произведение, которое соответствовало бы вашему пониманию понятия «свод поэм»?

А. П. *Есть. И давно существует. Это книга Владимира Луговского «Середина века». Многие закономерности «Середины века» позволяют назвать ее скорее сводом, чем книгой поэм,—так органично поэмы увязаны в ней в одно целостное произведение ритмикой, личностью поэта, временем.*

КОРР. Наконец, традиционный вопрос: каковы ваши дальнейшие планы?

А. П. *Поэма «Выстрел» будет напечатана полностью в журнале «Знамя». Но ею не исчерпывается для меня поистине бездонная сибирская тема. Так что впереди — большая работа.*

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

В полете

Работа! — в небе. Над рассветной мглою.
Сквозь блистера[1] потертый плексиглас
гляжу — летим в ста метрах над землею.
Не подведи меня, прицельный глаз!
Внизу все бело. Снег! Пестрят деревья.
И разглядеть ни зверя, ни следа
я не могу... А выйти на доверья
охотников — совсем беда!
А те, прикрывши рты шарфами,
иллюминатор чтоб не индевел,
по графикам строчат карандашами —
и пишут все, что я не углядел.
И видят все (как скверик близ окошка
хозяюшке столичной, им — тайга),
бормочут:
— Лось...
— Олешки...
— Соболёшка...
— Тетерева, штук тридцать...
— Кабарга...

Пологим левым берегом Витима
идет, срезая мысики, маршрут.
Уж скоро час, как над тайгой летим мы,
а мне все не дается труд
прочесыванья глазом ближней мари
и дальних стлаников. Слепит
блеск снега.
Ни единой твари
не вижу — вот обида из обид!

Вон Мамакан — постройки и дороги,
плотина, так знакомая, его.
Вон — на слюду шурфы. Вон на пороге
ручья — торосы...
Больше ж — ни-че-го!

Не, применившись к лёту самолета
и взглядом упреждая тень крыла,
вдруг различаю... стежку вдоль болота.
Не росомаха ли прошла?
Ее даухчётка кунья? Ну, конечно!
А это чьи же строчечки?..
Ага!
Из памяти, как бы из тьмы кромешной,
мне стала знанье возвращать тайга.

След лося, аккуратный с виду,
его же лёжки посреди кустов...
Оленьи сбежки в копаниду[2]
на ягельниках...
Стайный ход волков
след в след: не голодны —
прошли неспешно...

О! выдра! вниз по талому ручью! —
то скоком, то внакат по глади снежной
скользит, наверно, ищет полынью...

И — вот они! — на солнечной терраске
четыре глыбы.
Четверо царей.
Задрали к небу мóрды для острастки.
Эй, летчик, заложи вираж скорей!

От грома самки отбежали,
укрылись в чаще. Лось же нас... стращал.
(Казалось, различая я, как дрожали
во гневе ноздри.)
Что он защищал?
Свою свободу? Иль свое потомство?
Свою елань? Иль просто жизнь свою?..

Иллюминатор то кропило снегом,
то мыло поднебесной синевой.
На виражах земля смыкалась с небом —
и взору мир вставал сплошной стеной.

■

Пора, пора порассказать о друге.

Задравши ноги чуть не к потолку,
он том стихов листает на досуге.
Он трижды нынче видел кабаргу.

О, кабарга! С моей тропой случайной
следок ее (когда-то, не теперь)
сбегался. Ах, реликтовый, потайный,
недоразгаданный поныне зверь!
Ни об одном не наверно так пышно,
ни об одном — такая тьма легенд.
В лесу ее не видно и не слышно:
таежник (где уж там — интеллигент!)
и тот добудет, не когда захочет.
А мой-то друг пятнадцать лет тропил[3]
ее по всей Сибири.
Он хохочет:
— Ну, автор. В прохорях[4]? В кирзовых?
Вот убил!
Ну, кто б на них, кирзовых-то, польстился?
Как в них, в кирзовых, лазать по тайге?

Он чуть не первым в мире защитился —
по ней же, по сибирской кабарге.
Вошел в учебники. Всемирно
известен стал, как бог зверья.

Фармацевтические фирмы
и парфюмеры знают, что струя[5]
сибирской кабарги — сильнее спермацета,
ценней женьшеня.
Где лишь брать ее?..

Он весь ушел в учеников своих —
так реки на таежных редколесьях
стремятся вширь.
Один из них,
любимый самый, докторскою занят,
от книг к делам учителя зовет —
и над планшетами они вдвоем шаманят.
Два разума. Две совести.
Народ
доверил им сроднить зверье со сталью,
тайгу — с прогрессом. Но уж так сроднить,
чтоб не убить живое Магистралью.

■

Не позабыть мне тех, с кем службу нес
с ружьем ли, с мастерком ли, или с рейкой,
с кем шел на зверя иль в сугробе мерз,
с кем общей укрывался телогрейкой,
с кем вечную причастность испытал
к земным заботам и к вселенской боли,
с кем сам намного лучше стал.

Счастливый от глотка таежной воли,
что вам скажу,
товарищи мои?
Вы все меня мудрей и выше были.
Я не подпортил вашей колеи,
а вы меня навек обогатили
сердечностью и верностью своей,
бытейной и душевной широтою.
(Не так-то много у меня друзей,
теперь их стало больше. Чуть не вдвое.)

СТАНОВОЕ НАГОРЬЕ.
Байкало-Амурская магистраль

[1] Блистер — выпуклый иллюминатор для визуального наблюдения.
[2] Копанида — особенно большая площадь покопок снега на местах зимовок зверя.
[3] Тропить — выхаживать зверя по его следу.
[4] Прохоря (сиб. охотн. жарг.) — обувь с опорками, с запашным голенищем, шьется из шинельного сукна, подшивается войлоком, чтобы была бесшумна в ходьбе по снегу и быстро сохла.
[5] Кабарожья струя (сиб. охотн.) — мускусная железа.

ПОЭЗИЯ

Рисунки В. КАЗИНЦЕВА

Суюнбай ЭРАЛИЕВ

Прошлым летом я побывал на родине Суюнбая Эралиева — в Киргизии, в Таласской долине. Я увидел снежные горы и холодные синие реки, столь знакомые мне по его стихам, встретился с земляками поэта, побродил по дорогам и тропам земли, где прошла юность Суюнбая и откуда вот уже почти сорок лет назад он шагнул в самое пекло войны. И с той поры Родина и Война властно завладели его душой и стали двумя истоками его поэзии.

В новой книге, написанной на пороге шестидесятилетия, поэт верен этим обеим темам — Отчизне и солдатской судьбе. Несколько стихотворений, переведенных мной, предлагаются сегодня читателю «ЛГ».

Ст. КУНЯЕВ

Твое имя

Кара-Балты и Сокулук,
места,
где ты родился некогда...
Метель метет,
и нить разлук
все тянется,
а дальше — некуда.
Кара-Балты и Сокулук,
глубокий снег,
зима сиротская...
Тепло твоих озябших рук
за партою я робко трогаю.
За школою твое село
снегами белыми засыпано...
Как много снегу намело,
но имя — не снегу написано.
Я на снегу его чертил,
а после — в сердце переписывал,
и, жизнь прожив,
вдруг ощутил,
что чище чувства не испытывал.

■

Проходит время,
а на деле
оно летит подобно пуле...
Его приметы промелькнули —
и глядь — уже окаменели.
У времени свои обличья:
оно живет
в осенних водах,
оно живет в весенних листьях,
в дождях,
в пóземках,
в ледоходах,
оно живет в дорожном шуме
и в тишине кладбищ забытых,
в твоей немногословной думе,
в рассветах,
золотом облитых,
в годах,
которые навеки
пластом ложатся в человеке.

■

Я люблю этот город... За что?
Почему он мне дорог?
За то ли,
что, попавши в его решето,
не утратил ни цели,
ни воли?
Сколько лет средь обычных людей
я отпраздновал в городе этом
и средь самовлюбленных друзей —
громкогласных и милых поэтов.
Но все чаще приходит пора —
знать, душа устремилась к покою —
все тревожней вздыхаю: пора
поглядеть на зеленую волю,
позабыть этот шумный базар,
да водой родниковой умыться,
да увидеть,
как дикий архар
лижет лед,
что под солнцем искрится.

Таласские ночи

Как придется —
то тихо, то громко,
то в печали,
а то в торжестве,
то порою роскошно,
то скромно
я живу-поживаю,
как все.
Я доволен.
Но все же, но все же,
а нет-нет,
да нахлынет тоска
по летам, когда был я моложе
и удачливей наверняка!
Было четверо сверстников-другов,
восемнадцатилетних парней,
что ходили легко и упруго
по земле,
как единое с ней.
Что мы делали?
Жали, пахали,
молотили зерно на току,
да солому в стога собирали,
да косили траву на лугу.
Все работы легли нам на плечи
те,
что бабам и детям невмочь...
Но война громыхнула далече,
и настала прощальная ночь.
Эта ночь, шелестя, наплывала
черным шелком,
струящейся тьмой.
Россыпь звезд на шелку проступала,
словно некий узор набивной.
Кони в путах пасутся на воле,
сочный клевер хрустит на зубах,
и сияет луна на приколе
так,
что свет остается в глазах...
Перед самым рассветом Венера
вдруг возникла над черным хребтом.
А река
без умолку гремела,
словно подозревала о том,
что исчезнет и не повторится
эта ночь...
Что наступит рассвет
и безжалостно высветит лица
тех людей,
что уходят навек,
что не раз фронтовыми ночами
в узах памяти каждый из нас
вспомнит с нежностью это прощанье,
этот блеск, тишину и молчанье,
эту ночку вспомянет не раз!

Давид САМОЙЛОВ

Я не могу сказать, что работаю над книгой стихов. Книга собирается постепенно, несколько лет, и объединена не общим замыслом, а настроениями и мыслями, присущими данному куску жизни. Книга стихов для меня — результат течения жизни и жизненного, а не литературного замысла.

Недавно у меня собралась новая книга — «Залив». Название ее связано с тем, что последние годы я провел на берегу Пярнуского залива. Залив этот — не заводь, а часть моря, морские бури и ветры шумят в нем, он отражает судьбу моря, как отдельная жизнь отражает судьбу времени.

Сегодня публикуется несколько стихов из книги «Залив».

Д. С.

Из лирики

■

Был ли счастлив я в любви,
В самой детской, самой ранней,
Когда в мир меня влекли
Птицы первых упований?

Ах! В каком волшебном трансе
Я в ту пору пребывал,
Когда на киносеансе
Локоть к локтю прижимал!

Навсегда обречены
Наши первые любови,
Безнадежны, и нежны,
И нелепы в каждом слове.

Посреди киноромана
И сюжету вопреки
Она ручку отнимала
Из горячечной руки.

А потом ненужный свет
Зажигался в кинозале.
А потом куда-то в снег
Мы друг друга провожали.

■

Забудь меня и дни,
Когда мы были вместе.
На сердце не храни
Ни жалости, ни мести.

Но вспомни об одном —
Как в это время года
Ходила ходуном
Ночная непогода,

И гром деревья тряс,
Как медная десница...
Ведь это все для нас
Когда-то повторится.

■

Повтори, воссоздай, возверни
Жизнь мою, но острей и короче.
Слей в единую ночь мои ночи
И в единственный день мои дни.

День единственный, долгий, единый,
Ночь одна, что прожить мне дано.
А под утро отлет лебединый —
Крик один и прощанье одно.

Актрисе

Тебе всегда играть всерьез.
Пусть поневоле
Подбрасывает жизнь вразброс
Любые роли.

Хоть полстранички, хоть без слов,
Хоть в пантомиме —
Играть до сердца, до основ,
Играть во имя.

Без занавеса и кулис
И без суфлера,
Чтоб только слезы пролились
На грудь партнера,

Чтоб лишь леса поры потерь,
Поры печали,
Рыжеволосы, как партер,
Рукоплескали.

Играть везде — играть в толпе,
Играть в массовке,
Но для себя и по себе,
Без подтасовки.

И, наконец, сыграть всерьез
В той мелодраме,
Где задыхаются от слез
Уже над нами.

■

Покатилось лето пóд гору.
Август. Тихие деньки.
Подложив туманы под голову,
Сонно бредят родники.

Млечный Путь клешнею рачьей
Тихо движется к рассвету,
Осторожно поворачивая
Ворот медленного лета.

Осторожней, осторожнее
Вейте ветры надо мной,
Чтобы месяц новорожденный
Не пугался тьмы ночной.

НОВОЕ ИМЯ

Лариса ФЕДОСОВА

Стихи Л. Федосовой привлекают своей лирической взволнованностью. Любовь, порой горькая, любовь, пронизанная предощущением радости, — эти чувства наполняют ее лирику.

Что грустить?
Ты на дорогу выйди
и ладони в небо урони.
И сейчас же струи дождевые
оденят тебя до самых пят.
И душой доверчивой воскреснув,
будешь ты, как рыжий мальчик, рад
яблоням в цвету,
щенку слепому
и солнцу...

Читатель сопереживает вместе с лирической героиней поэтессы, а уже одно это говорит о том, что мы имеем дело со способным молодым литератором.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

■

Прозрачные и солнечные годы!
Прищурясь, на дорогу посмотреть...
Любить твои распахнутые воды
И ощущенье вольное — лететь!

Лететь к тебе,
к твоим озерам синим!
Вернуться к этим сосенкам седым...
Здесь обрести себя,
судьбу,
Россию!
Тот край, где ты пребудешь молодым...

■

Прижмусь к тебе,
уткнусь в ладони немо.
Счастливая! Чего еще хочу?
Летит мое клубящееся небо
Навстречу предрассветному лучу.

Лепечет дочь...
Алина! Ленты белые
И платье золотистое надень.
Рисуй на тротуарах солнце мелом,
Скачи,
кричи
и радуйся весь день.

И, может быть, любить я не умела.
Неровною, тревожною была...
Но я в тебя, как в светлый день, глядела
И для тебя себя не берегла!

■

Нет конца моим протяжным думам,
Но в края, где мой зеленый дом,
Буду каждый раз я возвращаться,
Слушать голос рощи молодой...

В сумрачный предутренний час
Иволга прошелестит крылом,
И очнется, зазвучит во мне
Робкий голос рощи молодой!

ТЕАТР

Эхо премьеры

ЧТО МЫ МОЖЕМ

НЕОЖИДАННЫЕ водоразделы прокладывает порою искусство. Попробуем, например, следуя расхожим образцам, заполнить анкету этакого условного «носителя добра». Пол его будет, почти несомненно, женским, возраст перевалит за грань почтенного, род занятий определится подальше от стремнин НТР, а местом жительства станет, скорее всего, деревенька-однодворка... Согласитесь — похоже?

Размашисто и насмешливо заполняет эту анкету Михаил Рощин в новой своей пьесе «Спешите делать добро». Герой ее, Владимир Мякишев, как видим,— из сильной половины человечества. Тридцати пяти лет, поры расцвета и даже неразумного буйства сил. Инженер-конструктор, технарь до мозга костей, дитя и «исчадие» НТР. В довершение всего — москвич, свой и неотличимый в миллионных толпах, где не расслышать родникового голоса.

Словом, социальный тип по всем графам ностальгических воздыханий не только далекий, а едва ли не противопоказанный устоявшимся представлениям, с которыми принято связывать утверждение добра.

Пойдем и дальше первых анкетных данных. Ничем особым не помечен, не высвечен повседневный быт Мякишева. Ему, как и всем грешным, «врезает» начальство, его душит хроническое безденежье и преследует столичная суета. Недосуг ему погрузиться в себя, осиянно достроить жизненную свою философию, без чего и сама добродетель кажется нам уцененной. «Дыши глубже», «То ли дело, братцы, дома! Тяпло!» — так он изъясняется, балагурит и даже воспринимает мир.

Задор полемики с расхожим явно греет, а порою и «несет» Рощина, ему хочется показать язык всякому штампу, наиграться с нимбами, наизнанку вывернуть власяницы. И потому лишь в сложно-ироническом ключе звучат в драме библейские речения, мелькает тень князя Мышкина, оттого бестрепетно выводит рука ремарку о любимом герое: «Мякишев в обаянии» (представьте-ка: «Гамлет в отпаде»).

Но суть-то в том, что в решающие мгновения драмы, когда пробивается через суету боль, герой умеет и противиться, и гневаться, и устыдить. Он, по первому сердечному зову, спасает девочку, принимает ее под кров своего дома, он, вопреки грязной сплетне, отстаивает свое право на живое участие в судьбе, требующей этого участия. «...Как бог какой!» — говорит об этом спасенная им Оля Солнцева, и тут уже нет и капли иронии.

Естественность, нормальность добра в самых массовидных повседневных условиях утверждает драма.

И театр «Современник», конечно же, этот театр, всегда остро резонирующий времени, охотно подхватывает полемику с нею об руку идет к утверждению активного идеала. Режиссер спектакля Галина Волчек подбрасывает и своих полешек в озорной костер: власть суеты подчеркнута беспрерывным рокотом телевизора, смаком, с каким до конца отыгрывается комедийное, бытовое. Помог ей и сценограф Игорь Попов, компонующий пространство к вящей выгоде суеты — есть ей где развернуться.

Остальное — и главное — в этой стихии должны довершить крупные, точные драматические мазки. И они наносятся на полотно спектакля уверенной рукой режиссера, закрепляются встречной актерской интуицией и мыслью.

Несет по быту нашего «Гаруна аль-Володю», треплет по нервным служебным планеркам, заносит к ресторанному бережку. И — крупный мазок, остановка в суете, момент истины героя — рассказ о спасении девчонки на таежной станции. В словах опять-таки обыкновенных, но в самочувствии здесь Мякишева — Игоря Кваши — глубоком, счастливо-естественном, — как «honni soit qui mal y pense» — «да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает».

Или — суета квартирная, мыканье, недоуменное привыкание окружающих к необычному (надо же — «Гарун аль» привез из поездки девчонку-таежницу, выхваченную из-под колес паровоза!). И — мазок, мгновение высокой, остраненной тишины. Оля Солнцева — Марина Неелова вносит в суету нелепую и жестокую свою судьбу, мольбу о тепле и сострадании, напоминание счастливым о реальности другого мира — злого, израненного ее насмерть.

Есть такие мгновения-коды и у Екатерины Марковой (Аня), замороченной нескладицей до предела, но все-таки ею не сломленной. И даже Гоголеву (Валентин Гафт) — почти «библейскому» антиподу Мякишева (мякиш и горелое корка, пшеница и плевелы звучат в перекличке фамилий, подчеркивая не бытовое, а притчевое начало драмы) — дан миг если и не прозрения, то явного неудовольствия собой.

Так выстроен этот спектакль: и быт, и притча, и полемика, и утверждение нашей общей способности к добру, которую надо взрастить, отстоять, расслышать — поверх будничных, заурядных и разъедаемых расчетом обстоятельств.

В спектакле еще не все гармонизовано. Впрочем, и понятие это ему не идет: пусть остается драма запальчивой и будоражащей по сути, лишь углубится и помудреет в своем течении. Простор для того есть — в верно намеченной схватке обыденного, принижающего и вечно высокого «мы можем».

А. ЕГОРОВ

На снимке: сцена из спектакля «Спешите делать добро». Гоголев — В. Гафт, Мякишев — И. Кваша

Фото И. АЛЕКСАНДРОВА

Алексей САМСОНИЯ

МНОГОАКТНЫЕ СУДЬБЫ ОДНОАКТНОЙ ДРАМЫ

Я ОТДАЮ себе отчет в том, что такое чудо театра.

Одно из таких чудес я увидел недавним зимним вечером в маленьком, затерянном среди необъятных сибирских просторов колхозном клубе, где играли одноактную пьесу.

Играли ее, быть может, не идеально, но было там удивительное, поистине интимное отношение зрителей-колхозников к актерам — своим же колхозникам. Доверие и сопричастность зрителей к происходящему на сцене были абсолютными. И как необычайно усиливалось благодаря этому эстетическое воздействие пьесы на зрителей!

Жанр одноактной пьесы издавна, еще со времен античной драматургии, привлекал и продолжает привлекать внимание благодаря своему демократизму, возможности при максимальной концентрации действия ярко раскрыть человеческие характеры и конфликты.

С возникновением одного из удивительных культурных завоеваний Советской власти — художественной самодеятельности одноактная пьеса стала едва ли не главным ее подспорьем. Благодаря своей мобильности она проникла в самую гущу народную. И так было всегда — в годы гражданской войны, и в годы становления Советского государства, и в годы Великой Отечественной, и в послевоенные годы. Среди ее авторов были Луначарский, Гусев, Паустовский, Ильф и Петров, Зощенко, Погодин, Ромашов, Михалков и многие другие.

К сожалению, сейчас эти пьесы увидеть непросто. Кое-где стали ориентировать драмкружки и народные театры преимущественно на многоактные пьесы. Или, напротив, поощрять примитивные поделки, считая, что сложные, психологически глубокие пьесы самодеятельности не по плечу.

Слов нет — и многоактные пьесы нужны большим, созревшим, хорошо зарекомендовавшим себя самодеятельным коллективам. Но хорошую (подчеркиваю — хорошую!) одноактную пьесу они не заменят. Это подтвердила, к примеру, не только проверка, которую провел недавно Центральный Дом народного творчества имени Н. К. Крупской. Простой факт: подписные массовые издания, куда включены одноактные пьесы, выпускаемые издательствами «Искусство» и «Советская Россия», без всякой рекламы с каждым годом приобретают все новых подписчиков. Да и не встреча, скажем, московских драматургов с молодыми режиссерами народных театров России настойчиво повторялось требование создавать как можно больше хороших современных одноактных пьес.

Более того, в «Литературной газете» в свое время В. Розов призывал и профессиональные театры ставить одноактные пьесы наперекор неизвестно откуда взявшемуся расхожему мнению, что они здесь смотреться не будут. А ведь с каким успехом они игрались в прежние времена! В Малом театре с великим Щепкиным, в Александринке — с великим Мартыновым. Чехов в письме к Плещееву писал о «Медведе», который шел спервa у Корша, а уж затем в Александринке и провинции: «В Москве он идет с треском, пойдет и в провинции шибко. Вот не знаешь, где найдешь...» Короче говоря, традиция эта существует издавна.

Да и в наши дни в театре «Современник» с успехом идут одноактные пьесы В. Розова и А. Вампилова.

Большую заботу о судьбах одноактной драматургии проявляют сейчас секретариат правления Союза писателей СССР и его совет по драматургии. Перед Госкомиздатом, например, поставлен вопрос об увеличении выпуска одноактных пьес в издательствах «Искусство» и «Советская Россия» и авторских сборников в «Советском писателе» и «Современнике». Мог бы здесь помочь и журнал «Клуб и художественная самодеятельность».

Важным стимулом для развития одноактной драматургии стало бы учреждение секретариатом СП СССР премии имени Н. Ф. Погодина, так много сделавшего для этого жанра, за лучшую одноактную пьесу года.

А как было бы полезно создать на Центральном телевидении театр одноактной пьесы, не говорю уже о том, что это стало бы превосходной школой для народных театров и драмкружков.

Поскольку вопрос качества одноактных пьес является первостепенным, Союз писателей СССР, Министерство культуры СССР и ВЦСПС ежегодно проводят всесоюзные семинары в Дубултах, которыми руководят известные драматурги и критики. Только недавно прошедший семинар в Дубултах дал шестнадцать интересных одноактных пьес. Отметим также, что сейчас проходит всесоюзный конкурс одноактных пьес. В министерствах культуры СССР и РСФСР созданы репертуарные коллегии, в число забот которых входит и этот жанр.

Можно надеяться, что искусство одноактной пьесы сможет внести свой достойный вклад в реализацию постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества».

ПОРТРЕТ

ОТДАТЬ ПИРОСМАНИ

Друзья, музей, кто-нибудь, отберите картину у Михаила Чавчавадзе! Заплатите ему там возьмите (он отдает).

Или ты сам подари ему-нибудь, Мишико! Подари, пусть опустеет твой дом с тремя железными кроватями, двумя детьми, полкой книг и фотографией Ильи Чавчавадзе на стене. Если у тебя не окажется этого замечательного портрета Нико Пиросманн (который ты вечно будешь переписывать, пока он у тебя на глазах), ты напишешь другую картину, третью, много...

Он напишет точно: у него есть сердце, талант и доброта. У него нет еремин (действительно, где его возьмешь, когда вокруг столько хороших людей, да к тому же он художник Театра имени Руставели и Мтацминского театра). У него в доме нет его работ, и он не знает точно, где они находятся.

— Где-то есть. Не имеет значения.

Посетители прошлогодней выставки сценографов в Манеже, возможно, вспомнят три прекрасных эскиза к «Невзгодам Намушадзе». Их выставил не автор, а его московские знакомые, у которых он просто забыл доски.

У него много светлых идей. Одна из них — сохранить разрушающиеся на наших глазах росписи в пещерных храмах Давид-Гареджи. Даже не так: он хочет, закрепив оставшиеся фрагменты старой росписи, не обновляя их реставрацией, целиком расписать аналогичными фресками другую — чистую пещерку (сберечь памятник и воссоздать дух).

Он хочет запомнить в красках уходящий образ старого Тбилиси и должен это сделать (кто же, если не он?).

Он хочет писать интересных ему людей (честное слово, это интересные и нам люди).

У него много серьезной работы в тбилисских театрах...

...У него очень много друзей. И подумает читатель: неужели никто из них не может сказать: «Пусть твой Пиросманн повисит временно в театре, на выставке или у меня, а тебе — вот доска, холст или мавенна тоже на время».

Но как снажешь «сними со стены Пиросманн», когда у Мишико Чавчавадзе нет в доме зеркала?..

Ю. РОСТ

(Фото автора)

«ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК»: В ЖИЗНИ, НА СЦЕНЕ, НА ЭКРАНЕ

Продолжаем дискуссию, начатую статьей критика Л. Коробкова «Деловой человек: обобщения и упрощения» («ЛГ», № 43, 1979). В ходе дискуссии «ЛГ» опубликовала материалы драматургов и критиков, читателей и деловых людей — непосредственных участников производственного процесса. Сегодня мы предоставляем слово социологу.

Александр РАДОВ, кандидат философских наук

ЧУЖАЯ НОША?

ОБРАТИТЕ внимание: что прежде всего ищут профессиональные критики в спектаклях и фильмах на «производственную» тему? Конфликты! И принимаются оценивать меру их правдивости, важности, остроты, исходя из своих представлений о тенденциях развития производства. Прекрасно понимаю, что «всякий критик, — как писал еще Достоевский, — должен быть публицистом...». Но ведь тут более чем публицистика. Здесь претензия на роль некоего социального аналитика, экономиста, специалиста по управлению... А когда критики отваживаются все же признать собственное для такой экспертизы бессилие, они собирают целый консилиум, включая сюда ученых из Академии наук, рабочих, хозяйственников. И все это для того, чтобы очередной «производственный фильм» или «социологическую драму» (по выражению критика А. Свободина) проверить на жизнь... Очень для критиков это важно — проверить на жизнь. Но поразительно, что никто из них не рискует, не догадывается или не считает нужным сии массово тиражируемые творения проверить на искусство...

А ты, рядовой зритель, возвращаешься порой с очередного «социологического» представления весь переполненный очень содержательной, но, увы, всего лишь познавательной информацией, подстегнутой несколькими щекочущими своей остротой репликами... И вдруг стреляет в твою голову коварный вопрос: «А при чем же тут искусство?» Ведь характеров, ярких индивидуальностей в подобных спектаклях и фильмах, как правило, нет вовсе. Какие-либо художественные образы не обозначены даже пунктиром. Язык героев бесцветно стандартен, композиционные построения крайне неумелы. Так неужто одной только проблемности и актуальности, напряженности фильма или спектакля скрежетом металла и управленческими стычками достаточно, чтобы признать данное полотно произведением искусства?

Нет, недостаточно! Искусство «может быть органом известных идей и направлений, но только тогда, когда оно — прежде всего искусство». Это В. Г. Белинский. Мысль бесспорная. Как и требование начинать критический анализ произведения с «эстетического разбора»: «если, при живых современных интересах, оно (произведение — А. Р.) не ознаменовано печатию творчества и свободного вдохновения, то ни в каком отношении не может иметь никакой ценности, и самая жизненность его интересов, будучи выражена насильственно и чуждой им форме, будет бессмысленна и нелепа».

Нет, никак недопустима особая шкала оценки «производственных» творений, не заслуживают они какого-либо снисхождения к своим художественным просчетам — даже из самых высших, благороднейших побуждений. Подменяя эстетический анализ социальным, или управленческим, или каким-то еще, мы не только нарушаем суверенность искусства, но и порождаем зримые последствия: снижение художественного вкуса, всеядность, утрату зрителем эталонов прекрасного. А еще — мы снимаем какие-либо серьезные барьеры для проникновения в искусство «актуальной» халтуры, эрзацев и полуфабрикатов, разномастных спекуляций на подлинном интересе современного зрителя к острым проблемам производства.

Спору нет, выявление и анализ социальных пластов фильма или спектакля, их соотнесение с реальной жизнью — вещь безусловно необходимая. Но я убежден, только из такого анализа никак нельзя выводить суждения о полноценности фильма или книги как произведения искусства. Статусом первичного и, добавим, основного должен обладать и анализ эстетический. А уж потом все допущенные к следующему «туру» фильмы или спектакли можно и должно подвергать испытаниям на современность, достоверность, типичность.

Но главный-то парадокс заключается в том, что проникающие в искусство через служебный вход «творения» и в социальном отношении оказываются чаще всего беспомощны, а то и завиральны. И здесь я готов поддержать Леонида Коробкова в его претензии к производственным фильмам и спектаклям. Ведь так мало узнаешь из них о современной деловой жизни, несмотря на то, что с каждым годом их становится все больше. Кочует из предыдущих творений в последующие несколько стандартных уже, видимо, «обкатанных» конфликтов и типажей. Многие, наверное, помнят, как совсем недавно экран и сцена были переполнены лобовыми столкновениями между новаторами и консерваторами, которые, конечно же, завершались победой первых над вторыми. Этот кинолитературный стереотип вроде бы отжил свое. Но взамен ему появилось несколько других шаблонных конфликтов. Например, столкновение двух концепций в руководстве людьми: холодного рационализма, игнорирующего интересы личности, и гуманного к людям демократизма. А совсем уж недавно возник в этой теме новый модный поворот: руководителя-рационалиста разоблачают не потому, что он руководит неэффективно, а потому что он угрожает благополучию Личности. И невольно возникает у зрителей ощущение, что нет ничего более вредного для нашего народного хозяйства, чем рационализм в управлении. Да неужто так?

Прав В. Черных — и «Премия», и «Человек со стороны» уже давно не новейшие достижения «производственной темы». Но как о них не вспоминать, если до сих пор то и дело появляются новые Потаповы и Чешковы — под другими, правда, фамилиями и с другими биографическими подробностями? Даже сам В. Черных не устоял перед таким искушением: из полемических, видимо, соображений создал двойника Чешкова — героя фильма «Собственное мнение», цехового руководителя Проколенко — и разыграл с его помощью почти тот же, что и в «Человеке со стороны», управленческий конфликт, да только наоборот, приведя нелюбимого героя к краху... Вот так получается, что «производственное искусство» тиражирует конфликты и типажи, спорит очень часто не с жизнью, а само с собой, — и потому ведет какое-то иллюзорное существование.

Зато подлинные, воистину драматичнейшие конфликты, с которыми почти каждодневно сталкивается всякий деловой человек — от рабочего до министра, — редко увидишь из зрительного зала. Сколько ни приходилось мне сталкиваться в искусстве с мастерами и начальниками цехов, ну решительно никто из них не имел дела с пьяницами, прогульщиками, браконьерами. И еще заметьте: что ни инженер на экране или на сцене, так обязательно творец, генератор идей, открыватель и изобретатель. И даже намека нет, что к подобным занятиям наши инженеры могут приступить, лишь поработав всласть метлой и лопатой, разнеся своими ножками документы, перебрав гнилые овощи...

А вот теперь самое время сообщить, что ни мои, ни Леонида Коробкова претензии не обращены по адресу. В какой уж раз сострадательное, альтруистическое искусство берется компенсировать для общества недозрелость социологии, неразвернутость публицистики и документалистики. Не потому ли искусству театра и кино часто приходится заниматься осмыслением принципиально новых социальных континентов, еще не опознанных даже наукой социально-экономических явлений, не тронутых публицистикой социальных типов, управленческих ситуаций... Вот и встречаешь в «производственных» драмах» явное обилие специфического материала, который не всегда отнесешь к человековедению. И тем не менее они вызывают неизменный зрительский ажиотаж. Значит, дело тут зачастую в остроте и принципиальности постановки проблемы. В этом я убедился на зрительском обсуждении спектакля МХАТа «Мы, нижеподписавшиеся». Теперь уж нет сомнений, что это одна из самых интересных театральных работ последнего времени. И режиссура О. Ефремова, и яркие актерские работы, в особенности игра А. Калягина, показались мне очень серьезными поводами для публичного разговора о художественности пьесы и спектакля. Но участники дискуссии — преимущественно деловые люди — об этом почти не упоминали. Очень взволнованно говорили они не о театре, а о жизни, о тех ее негативных явлениях, которые достоверно передал в пьесе А. Гельман. Они были злы и гневливы, рассказывая о реальных прототипах Грицилюка и его сообщников, они обсуждали способы искоренения из жизни такой наглой нечисти. Послушав это страстное, по-граждански зрелое обсуждение, я размечтался о театре, где диспут после спектакля будет запланирован, станет последним действием ежедневного театрального представления.

Не знаю, обидит ли это или обрадует драматургов и режиссеров, но «производственная» драма стала сегодня поводом для размышлений и споров о сложных проблемах производства. Таких форумов — не будем лукавить — у нас явно не хватает сегодня.

И все же так хочется верить в волшебную силу искусства. В особенности такого массового, как кино, и такого заразительного, как театр. Как бы хорошо — поставить фильм или спектакль так, чтобы уже наутро после премьеры жизнь пошла совсем иначе. Только ли наивным людям свойственна такая вера? «Шуму очерки наделали много, но шум-то — литературный. Ось земная от этого ни на полградуса не сдвинулась. В колхозах все по-прежнему». Это, представьте себе, пишет один из самых действенных, по общему мнению, писателей послевоенного времени — Валентин Овечкин. «...Какие бы книги ни написали, мир пойдет все так же», — невесело заключил Лев Толстой. Уж настолько, кажется, авторитетно, что нечего и мечтать о практическом эффекте литературы и искусства. Но разве тот же Л. Толстой не писал о «тургеневских женщинах», появившихся в большом количестве не до, а после выхода повестей Тургенева?

Мы нередко забываем, что, кроме описательной функции, кроме прямого, хоть и концентрированного отображения действительности, у литературы и искусства существует еще и нормативная функция, заключающаяся в навязывании реальной жизни искусственных эталонов, идеальных типов поведения, образцов для подражания. И если эти персонажи произведения соответствуют зарождающимся тенденциям общественного развития, если они к тому же эмоционально привлекательны и заразительны, то непременно рождают в жизни соответствующие реальные эквиваленты. Вспомним хотя бы героев Чернышевского, Горького, Н. Островского, аналоги которых появились в большом обилии после выхода романов.

Ни у кого нет сомнений в том, что литература и искусство существуют и для того, чтобы воздействовать на жизнь. Но для этого надо как минимум, чтобы искусство было искусством. Герой «производственной» или любой иной драмы может стать нравственным примером, объектом подражания лишь в том единственном случае, если он не схема, не маска, а характер. Переберем же теперь героев произведений на «производственную тему». Кто из них может претендовать на яркая своеобразие, на цельность натуры, на эмоциональную привлекательность черт и поступков? Очень немногие. И нет, пожалуй, ни одного делового человека экрана и сцены, который был бы сравним по силе воздействия с таким, например, литературным героем, как Чижов в «Территории» О. Куваева.

Подавляющее большинство героев «производственной темы» интересны не характером, который почти не обозначен, а своей полемичной позицией. Именно на поиск и изображение ярких характеров современного производства и следует, на мой взгляд, ориентировать «производственное» искусство. Если же у него это получится, оно станет искусством общечеловеческим.

Очень любопытно сегодня наблюдать последние поиски «женской», если дозволено так выразиться, темы в нашем искусстве, о которой писала недавно в «ЛГ» В. Иванова. Сколько родилось ярких образов деловых женщин — Ковалева И. Дворецкого, Софико из фильма «Несколько интервью по личным вопросам», Елизавета Уварова из фильма «Прожу слова», Анна из фильма «Близкая даль». И ведь в каждом из этих фильмов и спектаклей видно серьезное проникновение в проблематику деловых людей именно с помощью исследовательских приемов искусства, а не социологии или деловой публицистики. И потому в этих работах нет искусственных конструкций, которые бы не растворялись без осадка в художественной ткани произведения. И управленческие сентенции, экономические выкладки все эти героини, в частности «Анна из «Близкой дали», произносят не как обезличенные общие фразы, а как лично выстраданное, своими, близкими своей натуре словами выраженное. И поэтому веришь, что перед тобой живой человек, а не «актуальный» конструкт, социальный робот.

Спасибо тебе, театр... И тебе, кинематограф, низкий поклон... Как здорово, что вы подставляете плечи под чужую ношу! Будем надеяться, что социология и публицистика отдадут всем нам свои долги. Но не пора ли искусству на «производственную тему» позаботиться и о своей собственной ноше?

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

С. Л. ЛУНГИНУ — 60 лет

Секретариат правления СП СССР, совет по драматургии театра, кино и телевидения направили Семену Львовичу Лунгину приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас известного советского драматурга, кинодраматурга, с шестидесятилетием. Ваши произведения хорошо известны советскому зрителю. Пьесы «Моя фирма», «Дым без огня», «Гусиное перо» «История одного покушения» и другие поставлены многими театрами страны. Плодотворно работаете Вы в жанре кинодраматургии, создав сценарии фильмов «Мичман Панин», «Тучи над Борском», «Телеграмма», «Юлия Вревская». За сценарий фильма «Розыгрыш» Вам присуждена Государственная премия РСФСР имени Н. К. Крупской. Высокое профессиональное мастерство, великолепное знание жизни, четкая идейная позиция отличают Ваши произведения».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

КОМИССИЯ ПО ТВОРЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ А. Я. КАПЛЕРА

Решением секретариата правления Союза кинематографистов СССР и секретариата правления Союза писателей СССР утверждена Комиссия по творческому наследию кинодраматурга и писателя Алексея Яковлевича Каплера в следующем составе: Л. А. Кулиджанов (председатель), В. А. Метальников (заместитель председателя), А. А. Сурков, А. Б. Гребнев, Ю. В. Друнина, Ю. Т. Димский, Г. Б. Марьямов, В. С. Розов, М. Я. Галлай, В. С. Фрид, Л. А. Кожинова (ответственный секретарь).

Комиссия обращается с просьбой ко всем лицам и организациям, располагающим материалами о жизни и творчестве А. Я. Каплера (фотографии, документы, письма, воспоминания и т. п.), направлять их по адресу: 123825 Москва, Д-56, Васильевская ул., дом 13, Правление Союза кинематографистов СССР, комиссия кинодраматургии.

СЕМЬ ДНЕЙ В ЯНВАРЕ...

АЛЛО, НЬЮ-ЙОРК!

БУМЕРАНГ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

«Подстрекательство к войне» — так охарактеризовал сенатор Марк Хэтфилд суть программной речи президента США «О положении страны». В этом выступлении на прошлой неделе перед обеими палатами американского конгресса Джеймс Картер установил новый рекорд антисоветизма: на протяжении получасовой речи 31 раз обрушился на СССР с лживыми и провокационными нападками вплоть до угрозы прибегнуть к «военной силе».

Президент потребовал от конгресса утвердить увеличение военного бюджета США и призвал одобрить недавние санкции Белого дома против Москвы: свертывание торговли, эмбарго на поставки техники, приостановку продажи сельскохозяйственной продукции, бойкот предстоящей Олимпиады. Картер угрожал: «Придется Советскому Союзу теперь всерьез расплачиваться».

Что ж, давайте и мы всерьез и по-деловому тоже прикинем, кто и почему расплачивается уже сегодня за рискованный авантюризм мистера Картера. Начнем с аннулирования советских заказов на американскую технику. Эта акция приведет в целом к росту внешнеторгового дефицита США, в частности больно отразится на таких крупных экспортерах здешней индустрии, как концерны «Интернэшнл Харвестер», «Катерпиллэр», «Юнион карбайд», «Доу кемикалс», «Контрол дейта», «Ингерсол-Рэнд». Кроме них, по сведениям местной прессы, эмбарго Картера лишает корпорацию «Вестерн электрик» советских заказов на сумму почти в миллиард долларов, компания «Армко» потеряет 350 миллионов, «Дженерал электрик» — 40 миллионов, «Оксидентел петролеум» — 800 миллионов. В свою очередь пострадавшие фирмы поневоле сократят производство, и тысячи их служащих и рабочих окажутся безработными. Тем временем Советский Союз, как заявил бывший советник Белого дома Макджордж Банди, переведет промышленные заказы в Японию, ФРГ, Францию и другие страны.

— Советская Россия испытает лишь незначительное неудобство из-за прекращения наших индустриальных поставок, но зато нам потребуется впоследствии очень долго трудиться ради восстановления прежних отношений, — сетует глава «Ингерсол-Рэнд» В. Уирли. — Если ты хоть однажды подвел заказчика, то обращаться опять к нему бесперспективно.

Что же касается приостановки сельскохозяйственных поставок Советскому Союзу, то в итоге, как выразился сенатор Роберт Доул, президент «подкосил американского фермера и сделал его козлом отпущения». Ибо оптовые цены на зерно и корма для скота резко упали. А доходы владельцев элеваторов и транспортировщиков зерна уменьшились наполовину. Между тем обещанные фермерам государственные субсидии лягут тяжким бременем на плечи рядового налогоплательщика. В 78 округах хлеборобных штатов Канзас и Оклахома сотни возмущенных фермеров атакуют сейчас на тракторах тамошние правительственные учреждения и требуют отменить ненавистное им эмбарго. Многие открыто бранят президента за «предательство».

Однако антисоветская истерия в Белом доме достигла нынче такого уровня, что вашингтонский национальный совет безопасности во главе с президентом наложил 17 января табу даже на запланированную весной выставку картин, икон и гобеленов ленинградского Эрмитажа. Экспозиция сокровищ искусства Эрмитажа в Нью-Йорке, Вашингтоне, Сан-Франциско, Детройте и Миннеаполисе объявлена «противоречащей национальным интересам США».

Кому же все-таки выгоден антисоветский психоз? Ясный ответ дает, как обычно, биржа Уолл-стрита: после воинственной речи Картера круто пошли вверх акции оружейных поставщиков Пентагона — концернов «Боинг», «Юнайтед текнолоджис», «Макдоннел — Дуглас», «Локхид». Взлетели также акции нефтяных монополий «Тексако», «Экссон», «Мобил» и «Стандард ойл».

Вот что сказал по этому поводу мой нью-йоркский коллега — обозреватель еженедельника «Виллидж войс» Александр Кокберн:

— Гальванизация «холодной войны» соответствует, вероятно, ближайшим нуждам президента США, от которого еще совсем недавно чуть не отвернулась его же правящая партия. Возрождение «холодной войны» выгодно у нас вдобавок тем политическим силам, которым пришлось отступить с авансцены после краха во Вьетнаме. Президент решился в предвыборный год возобновить такую войну с очевидным прицелом: произвести большой скачок по части военных расходов, увеличив тем самым рабочую занятость. Но от этого долгосрочный политический урон США, если поразмыслить трезво, может быть сокрушающим. Истерия Белого дома заражает все более широкие политические круги. Всего лишь несколько недель назад мелкая ошибка компьютерной системы наших ВВС привела к шестиминутной боевой тревоге. А сегодня, при нынешней параноидной возбужденности в Вашингтоне, подобный инцидент чреват фатальным исходом...

Иона АНДРОНОВ,
соб. корр. «ЛГ»

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЯ

ШТРИХ К ПОРТРЕТУ АМИНА

«Открытием века» назвала мировая печать находку советских и афганских археологов, обнаруживших в 1978 году в северном Афганистане царский некрополь, в котором находилось около 20 тысяч уникальных изделий античных времен, известных ныне под названием сокровищ Тилля-Тепе. Вошедшие во все мировые исторические и археологические каталоги, эти шедевры древней Бактрии, где располагалось когда-то греко-бактрийское царство, заняли почетное место на стендах афганского национального музея в Кабуле. И вот теперь, в январе 1980 года, в министерстве информации и культуры ДРА нам сообщили, что решено срочно организовать особую государственную комиссию, одна из задач которой — выяснить судьбу сокровищ Тилля-Тепе. Что же случилось?

— В тот короткий, но страшный период жизни Афганистана, когда власть в стране узурпировала банда Амина, среди многочисленных приказов, поступавших из аминовского дворца «Гольханэ», был и такой: срочно, в течение суток «очистить» здание национального музея, передав его генеральному штабу армии,— рассказывает председатель комиссии видный афганский археолог Ахмад Шах Гардези.— Небольшой коллектив был потрясен; ведь в музее, основанном полвека назад, сосредоточены огромные национальные сокровища — античная скульптура, старинное оружие, уникальные археологические находки,— как же можно за сутки «очистить здание»? Но приказ есть приказ, и все знали, что неповиновение Амину означает тюрьму, а то и расстрел без суда. Тысячи бесценных экспонатов стали лихорадочно упаковывать во что придется — в фанерные ящики, картонные коробки, даже просто в мешки. К утру колонна доверху нагруженных автомашин направилась в бывший королевский дворец, где для экспонатов было отведено небольшое здание, известное под именем «Дом Наима». Поскольку в этом здании доставленный груз разместить было невозможно, часть ящиков свалили прямо перед входом, под открытым небом...

— В то время, — продолжает А. Ш. Гардези, — мы, разумеется, не имели никакой возможности выяснить судьбу музейных экспонатов. Но уже в конце декабря прошлого года, после того как диктатура Амина была свергнута и в стране начал восстанавливаться революционный порядок, представители властей вместе со специалистами приняли меры к тому, чтобы обеспечить охрану национальных ценностей. Значительную их часть удалось спасти. Вместе с тем выяснилось, что огромные исторические богатства расхищены, исчезла и часть сокровищ Тилля-Тепе. Следы грабителей обнаружились довольно быстро: многочисленные очевидцы свидетельствуют, что значительная часть музейных экспонатов перекочевала из «Дома Наима» во дворец Амина. Оттуда они тайно переправлялись за границу. Некоторые уникальные предметы из некрополя в Тилля-Тепе — золотые украшенные головами хищных животных браслеты, массивные золотые пряжки, подвески и т. д. попали в руки связанных с западными дельцами кабульских антикваров и вскоре были проданы за огромные суммы...

— Наглый и беспрецедентный по своим масштабам грабеж наших национальных богатств — еще один штрих к портрету Амина, этого наемника империализма, чье сотрудничество с ЦРУ США ныне доказано неопровержимыми фактами,— сказал нам министр информации и культуры ДРА А. М. Сарболанд.— Но хотя Амин и его бандиты уже получили по заслугам, последствия их преступной грабительской деятельности еще не ликвидированы. Нам предстоит тщательно разобраться, какая «клиентура» пользовалась услугами Амина и его сторонников на Западе, прежде всего в США, кто скупал у них или получал в качестве «дара» награбленные ими национальные ценности. Можно не сомневаться, что большинство зарубежных аминовских «клиентов» постараются отречься от своих связей с ним, что называется, спрятать концы в воду. Считаем необходимым заявить: мы не признаем ничьих прав собственности на наши национальные сокровища, даже если при оформлении «торговых сделок» на их приобретение были соблюдены все формальности. По законам Афганистана, да и большинства других стран, скупка краденого — такое же преступление, как и сама кража.

Вот почему те или иные частные лица, торговые фирмы или банки на Западе, которые скупали экспонаты нашего национального музея или принимали их «на хранение» от Амина и К°, обязаны незамедлительно вернуть их в Афганистан.

Ю. КОРНИЛОВ,
Р. МУСИН,
спец. корр. ТАСС — для «ЛГ»

КАБУЛ

КТО ЕСТЬ КТО

КЛЕВЕТНИК И ФАРИСЕИ

— Представитель госдепартамента США назвал действия советских властей предосудительными. Он сказал, что участь Сахарова вызывает в США глубокое беспокойство.

— В СССР производятся новые притеснения всех тех, чьи взгляды и деятельность не совпадают с официальной политикой советских властей.

— Советские власти решили принять меры против виднейшего инакомыслящего страны, который, казалось, был вне опасности.

— Внутренняя политика СССР становится жесткой.

Подобными утверждениями заполнены передачи радиостанций «Голос Америки», «Би-би-си», «Немецкая волна», статьи буржуазных газет. Единомышленники Сахарова, извращая истину, берут клеветника под защиту.

Человек, который клевещет на своих соотечественников и свою родину, обрекает себя на презрение. Когда же его клевета переходит в подстрекательство против собственной страны, он заслуживает наказания.

А. Сахаров более десяти лет поносил свой народ, подстрекал против него, да не один, а будучи солистом огромного хора буржуазных пропагандистов, измываясь над всем святым, что есть у советского человека. И то, что сегодня этот хор, оставшись без своего солиста, плачет навзрыд, проливая потоки хорошо оплаченных слез, вполне логично и естественно. Запад лишился источника информации, а точнее — дезинформации, опытного специалиста в организации антисоветских провокаций, поставщика «сенсационных разоблачений».

Но слишком ретивые плакальщики выдают Сахарова с головой. Не показательно ли, что самые громкие причитания в защиту этого «борца за права человека» раздаются из рядов самой мрачной реакции, из рядов тех, кто презирает права человека вообще и ненавидит права советского человека в частности? Не говорят ли их крики озлобления о том, что они лишились подручного, помогавшего им чернить все советское, клеветать на наш народ и подстрекать против него самые реакционные и агрессивные силы?

Не надо только фальшивить, господа фарисеи, в вашем лицемерном сочувствии Сахарову! Вы сами, потакая его непомерному тщеславию, подталкивали его в бездну лжи, клеветы и подстрекательства, куда он с вашей помощью скатился. Так что падение Сахарова — это и ваших рук дело!

Неужели вы и впрямь рассчитывали всерьез, что Советское государство будет бесконечно долго смотреть, как нагло злоупотребляют не только его выдержкой, но и терпением советских людей, правом государства и его граждан на защиту от клеветы и подстрекательства?

Да, мы терпели долго, пожалуй, слишком долго, надеясь, что в человеке, может быть, наконец, заговорит хотя бы слабый голос гражданской совести. Но не тут-то было. Чем дольше мы терпели, тем больше он изгалялся над нами, пока не возомнил себя чуть ли не мессией, призванным привести нас всех в царствие западной «демократии».

Всякому терпению, однако, приходит конец, когда им злоупотребляют бесконечно долго. Сахаров злоупотребил не только терпением, но и снисходительностью соотечественников и своего государства. Факты говорят о том, что он не останавливался перед самой низкой клеветой. Более того он открыто подстрекал наших идейных и политических противников против нашего строя, нанося тем самым прямой ущерб государству и согражданам.

Но всякая клевета и подстрекательство наказуемы, и государство обязано защитить от них своих граждан.

История падения Сахарова — пример идеологической диверсии и манипуляции тщеславием себялюбца.

«Дело Сахарова» было задумано и осуществлено Западом по всем правилам психологической войны. Нуждаясь в видной фигуре для придания веса группке «инакомыслящих» в Советском Союзе, западные разведки сначала набрели на несостоявшегося гения русской литературы Солженицына, снедаемого непомерным тщеславием. Затем в их поле зрения оказался брюзжащий академик, который охотно клюнул на их приманку. Сахарову стали усердно курить фимиам за рубежом и, подогревая его тщеславие, льстиво называть «отцом русской водородной бомбы», а затем по совместительству и «отцом русской демократии».

Этот фальшивый образ создавался мощной пропагандистской машиной и усиленно вдалбливался в сознание миллионов людей.

Когда стала спадать «волна Солженицына», под рукой у буржуазных пропагандистов был уже новый кумир, которому срочно организовали восхождение на нобелевский престол. Присуждение Сахарову в 1975 году Нобелевской премии мира было настолько беспардонным издевательством над самим понятием «борьба за мир», что это вызвало волну недовольства и протестов среди широких кругов международной демократической общественности.

К этому времени Сахаров уже успел разоблачить себя своими поджигательскими заявлениями и речами против разрядки, против национально-освободительного движения, против рабочего класса, в защиту империалистической политики эксплуатации и угнетения.

Датская газета «Актуэльт» 16 сентября 1975 года разоблачала так называемый «гуманизм» Сахарова: «Сахаров много говорит о гуманизме, но это выглядит насмешкой, как только он заявляет о «трагедии народов Вьетнама и Камбоджи», имея в виду освобождение их от американской военной оккупации...»

Сахаров не скрывал своего враждебного отношения к социализму вообще и к советским порядкам в частности. На протяжении более чем десяти лет не было ни одного важного события в области внешней и внутренней политики Советского государства — будь то подготовка и проведение совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, советские инициативы по ограничению гонки вооружений, по укреплению международной безопасности и разрядки или постановления о повышении заработной платы, пенсий и другие меры по подъему жизненного уровня советского народа — чтобы Сахаров не собирал буржуазных корреспондентов и не давал этим мероприятиям своей, ложной и злопыхательской интерпретации, не снабжал империалистическую пропаганду антисоветскими измышлениями. Эта линия распространялась по всему свету.

Империалистическая пропаганда делала имя Сахарову не из любви к нему, а из ненависти к социализму. Пользуясь этим вниманием, которое льстило его ненасытному тщеславию, Сахаров не только клеветал на советское общество, но и создавал видимость того, что выражает мнение многих. Тем самым Сахаров анонимно клеветал на других советских людей, создавая за рубежом превратную картину о настроениях и морально-политической атмосфере в нашей стране, открыто подстрекая американских «ястребов» к вмешательству в наши внутренние дела, к подавлению свободы и социального прогресса в других странах.

Политические симпатии и высказывания Сахарова поставили его в один ряд с самыми махровыми реакционерами и врагами разрядки.

Скажем, о победе революции в Португалии он отозвался так же, как и о победе народа Вьетнама: «Это — отступление перед коммунизмом». Приход к власти Пиночета, заявил он, является началом «эпохи консолидации и возрождения» в Чили.

А чего стоит его выступление в защиту нациста Гесса! В своем пасквиле «О стране и мире» Сахаров заявил: «Судьба несчастного Гесса не может не потрясать. Я пишу о Гессе, зная о его соучастии в создании преступной системы нацизма»...

В последние годы Сахаров развернул активную борьбу против разрядки и против миролюбивых усилий Советского правительства. Не довольствуясь регулярными пресс-конференциями для западных журналистов, встречами с представителями американского посольства и американскими корреспондентами, которых он снабжал клеветническими измышлениями, Сахаров посылал свои «свидетельские показания» на антисоветские сборища за рубежом. В 1975 году в Копенгагене, в 1977 году в Риме и в 1979 году в Вашингтоне проходили так называемые «сахаровские слушания», где зачитывались его «послания», в которых он извращал миролюбивую внешнюю политику СССР, подогревал милитаристские настроения на Западе. При этом он злобно клеветал на собственную страну, обвиняя ее в «скрытой милитаризации», в «тоталитаризме», в «коммунистическом экспансионизме».

Ренегат превзошел самого себя в кощунстве, когда стал требовать от США наращивания вооружений, чтобы говорить с Советским Союзом «языком силы». По существу, Сахаров сомкнулся с самыми оголтелыми «ястребами» в США, поддерживая их лживый миф о «советской угрозе», требуя от них свертывания разрядки, отказа от ОСВ, дальнейшей гонки вооружений.

Что это, как не откровенное подстрекательство против собственного народа? И с какой стати такой человек должен обладать некими правами экстерриториальности в своей стране, против которой призывает бороться, среди своих соотечественников, на которых он вызывает огонь противника?

Своим открытым переходом в стан противников разрядки и поджигателей войны Сахаров сам приговорил себя к выдворению за пределы нашей столицы. И дело здесь не в праве на инакомыслие, которым он злоупотреблял более десяти лет, а в нанесении прямого морального и политического ущерба своим согражданам.

Те, кто сегодня встает на защиту Сахарова, игнорируют права советских людей, которые давно требуют пресечь антисоветские инсинуации клеветника, его поджигательские призывы и прямое участие в раздувании военного психоза и тем самым в пропаганде войны, причем против собственного народа.

Клевета наказуема. И каждый советский человек обладает правом на защиту от его врагов, клеветников и подстрекателей, правом, которое гарантируется государством.

В. БОРИСОВ

ФОТООБВИНЕНИЕ

Эти вооруженные до зубов бандиты проходят военную подготовку под руководством специалистов ЦРУ в одном из пакистанских лагерей, созданных для афганских контрреволюционеров.
Фото из журнала «ПАРИ-МАТЧ» (ФРАНЦИЯ)

ХА-ХА!

ЛЕБЕДИНЫЙ ЩЕЛКУНЧИК

Шутка ли, сотворить на двух страницах воскресного выпуска «Дейли телеграф» чуть ли не целую энциклопедию «Олимпика», перед которой бледнеет даже старушка «Британника». Все об Олимпиаде и ее русских организаторах от А до Я. Точнее, от Я до бесконечности: Я у них обнаружил, Я докопался, Я мощью своей наблюдательности постиг.

А наблюдательность у корреспондента «Дейли телеграф» Стефана Пайла, надо признать, действительно феноменальная. Читая его прозу, все время испытываешь желание заглянуть себе в паспорт: из той ли ты самой страны, какую он описывает? К примеру, знаете ли вы, что:

— У советских пограничников в Шереметьеве «островерхие шапки на манер буденовок»?

— У москвичей нет других развлечений, кроме как глазеть на снегопогрузчик, — такая у них «отчаянная нехватка зрелищ»?

— В русской кухне всего четыре блюда, если считать и котлеты по-киевски?

Нет, вы наверняка всего этого не знаете. А Пайл такие открытия делает, как семечки щелкает. Щелк-щелк — и завалил английского читателя кучей словесной шелухи. Не потому ли, что его фамилия так и переводится — «куча»? Выдвигая эту несколько смелую гипотезу, я лишь следую английскому методу самого Пайла. Тот делает вывод, что на Московской Олимпиаде будет «некуда деться от политики», на том основании, что «даже одного из советских тренеров зовут Николай Политиков».

Такую живость ассоциативного мышления не объяснишь тем, что Пайл заранее вжился в тему. Наоборот. Он сорвался в командировку в Москву, как по выстрелу стартового пистолета. Накануне шеф приказал срочно провести ревизию: как там, у этих русских, с подготовкой к Олимпиаде? Заложили уже первый кирпич в фундамент Лужников или еще нет? Пайл тотчас купил несколько пар теплого белья и водрузился в рейсовый самолет Аэрофлота.

Подали ленч. Ревизору из «Дейли телеграф» сразу стало ясно, что официальная Олимпийская авиакомпания ни к черту не годится. «Мне никогда не приходилось пробовать столь вгоняющую в тоску еду», — выносит он суровый приговор. «На ложе из риса, — живописует Пайл в тоне некролога, — покоилась усопшая стерлядь».

Да, грустная картина! А небольшого приспущенного по случаю кончины стерляди британского флажка там не было, г-н Пайл? Дело-то в том, что все съестное для вылетающих из Лондона самолетов Аэрофлота поставляют англичане, да еще в сотрудничестве с известной американской компанией «Марриот»...

А вот и Москва. Несмотря на «устрашающее количество» нижнего белья, Пайла прохватывает 20-градусный мороз, что, видимо, сказывается на зрении. «Днем и ночью это самый серый город в мире», — пугает он будущих гостей Олимпиады. Где-то к середине статьи, отогревшись, автор превозмогает приступ дальтонизма. Поездка по Москве кажется ему «путешествием сквозь рождественский пирог: пастельных тонов розовые, голубые и зеленые здания обложены искрящимся белым снегом». К концу бедняга опять продрог: «Это город, где серое небо сливается с серыми зданиями, а те — с серой мостовой».

Начинается ревизия. Пайл сквозь зубы признает, что хозяева сделали все, чтобы он увидел и узнал, как идет подготовка к Олимпиаде. Встречи, беседы... Потом гостю показывают Олимпийскую деревню, где все продумано до мелочей, включая удлиненные кровати для рослых спортсменов.

Из-за чего лондонский ревизор буквально взвивается до серых московских небес, так это из-за отделения милиции возле деревни. Вот она, угроза демократии! Пайл намекает: в Москву олимпийцы будут ехать чуть ли не под арестом, а болельщикам запретят качать победителей!

А аплодировать еще не запретили? Чтобы проверить это невысказанное, но, видимо, терзающее его подозрение, наш следопыт отправляется в Большой театр. Конечно, там тоже все очень дурно. Например, он, Пайл, в смокинге с красной гвоздикой, а народ вокруг в повседневной одежде, даже в свитерах. Опять же аплодируют, как будто им не запретили, а, наоборот, приказали. Главное же, лондонский интеллектуал стал в тупик: какой балет давали в тот вечер? Вроде бы «Щелкунчик», но смахивает на «Лебединое озеро». «Наверное, это был «Лебединый Щелкунчик»... — совсем разомлел в своем теплом белье ревизор.

Пируэты флит-стритовского щелкунчика на страницах «Дейли телеграф» — еще не самое гнусное из того, что пишется здесь про Московскую Олимпиаду. Тем не менее 6500 английских туристов собираются приехать в июле в Советский Союз. Один из них даже на велосипеде. Если, конечно, такие, как Пайл, не изловчатся проколоть ему своим пером шины.

Владимир СИМОНОВ,
соб. корр. АПН и «ЛГ»

ЛОНДОН

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

СЧАСТЛИВЫЕ ГРИЗЛИ

В 750 километрах от Нью-Йорка расположено местечко Лейк-Плэсид, где 13 февраля должны открыться зимние Олимпийские игры. Президент Картер, распространяясь каждый день о том, как важно наказать Советский Союз за то, что он не позволил агентам ЦРУ свободно действовать в Афганистане, на редкость молчалив, когда речь заходит о том, как США готовят Олимпийские игры в собственном доме.

Вот что пишет об этом в январском выпуске французского журнала «ВСД» чемпион мира по горным лыжам Ги Перийя, недавно возвратившийся из Лейк-Плэсида:

«У нас ежедневно ожидается только 56 тысяч зрителей, сказал мне один из директоров Олимпийского комитета Кертис Литл. Из них лишь 15 тысяч смогут устроиться в Лейк-Плэсиде. Остальные будут останавливаться в Бостоне и Монреале. Мы хотели разместить их поближе, но на комитет оказали давление и заставили сделать так, чтобы слишком большое количество посетителей не слонялось около Лейк-Плэсида и не будило завалившихся в зимнюю спячку местных медведей — гризли».

Но не только количество гостиничных комплексов шокирует знаменитого лыжника. Его беспокоит сама Олимпийская деревня, где будут жить 1800 участников. Их поместят — и это черное пятно на организаторах Игр — в будущей федеральной тюрьме. «Посетив эту странную «Олимпийскую деревню», — сказал чемпион мира, — я почувствовал себя счастливым от того, что не буду участвовать в зимних Играх этого года. Разбросанные на 25 га бетонные корпуса будущей тюрьмы окружены рвом и двумя рядами колючей проволоки высотой в четыре метра. Бронированные двери оснащены электромагнитными замками. В камере размером полтора метра на четыре будут размещаться двое спортсменов. Души и туалеты являются общими и расположены на этаже. Окна не открываются. Почему? Они сделаны из стекол, вмонтированных в стены; их невозможно даже разбить. Здесь после окончания Игр откроется тюрьма для малолетних преступников. Должен сообщить, что французские лыжники отказались от подобного «убежища».

Итак, трогательно заботясь о гризли, организаторы Олимпийских игр в Лейк-Плэсиде с ведома американских властей загоняют болельщиков подальше от мест соревнований, а самих спортсменов располагают в тюремных камерах.

Л. ЗАМОЙСКИЙ,
соб. корр. «ЛГ»

ПАРИЖ

МЕЖДУ ПРОЧИМ

КИТАЙСКИЕ АВАНСЫ ТАЙВАНЮ

В разделе «Перископ» журнала «Ньюсуик» помещено следующее сообщение:

Китайский руководитель Дэн Сяопин недавно прислал президенту Тайваня Цзян Цзинго миролюбивое послание, доставленное лично парламентарием из третьей страны. Оно связано с продолжающимися негласными попытками Китая убедить Тайвань обсудить какую-то формулу воссоединения с материком.

Дэн предложил, чтобы в случае согласия Тайвань подумал об установке памятника покойному генералиссимусу Чан Кайши, отцу Цзян Цзинго и заклятому врагу китайских коммунистов.

И еще один жест доброй воли в отношении Тайваня: китайцы решили включить 37 речей Чан Кайши в официальный курс истории, который будет прочитан в военном училище в Вампу (Чан Кайши возглавлял это училище в то время, когда бывший китайский премьер Чжоу Эньлай был в нем политическим комиссаром). Несмотря на все эти умасливания, тайваньцы отклонили предложения Пекина о переговорах.

ЗОНД-3

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ СТРАНИЦА

НАДОМНЫЙ ТРУД: второй тур полемики

«Ваш «полемический турнир» о надомном труде, начавшийся в «ЛГ» в прошлом году, мне понравился. Давно, давно надо было заинтересоваться этим вопросом! Столько полезных рабочих рук и умов пропадает без дела! Ставлю опыту рижан пятерку по вашей шкале баллов».

Это письмо ленинградки Н. Туманской мы взяли из почты «ЗОНД-3». Для тех, кто стал нашим подписчиком лишь с этого года, коротко расскажем суть опыта. На нескольких производствах местной промышленности Латвии пенсионерам, матерям, имеющим малолетних детей, — всем, кто по уважительным причинам не может работать в ритме и режиме предприятия, — обеспечивается рабочее место дома. Руководители и организаторы надомничества обратились в «Литературную газету» с просьбой обсудить на экспериментальной странице «ЗОНД» проблемы, которые встают на пути этой инициативы.

Статью рижан мы опубликовали 24 октября прошлого года. 19 декабря был проведен первый тур полемики между сторонниками опыта и их оппонентами.

Сегодня сторонники и противники надомничества продолжают спор. Мнения читателей также разделились: в них приводятся аргументы «за» и «против» надомного труда.

Итоги полемического турнира подведет экспертиза специалистов на завершающей странице «ЗОНД-2». Там же будет представлено мнение читательского жюри, в которое зачисляется каждый, кто выбрал оценку по нашей шкале баллов, опубликованной в «ЛГ» 24 октября 1979 г.

Итак, второй тур полемики о надомном труде.

НАШИ СОМНЕНИЯ НЕ РАССЕЯЛИСЬ

ПРЕТЕНЗИИ ОППОНЕНТОВ

Прошел первый тур полемики... В доводах сторонников расширения надомного труда по-прежнему все та же мысль: надомничество позволяет увеличить выпуск товаров, а средства достижения этой цели, как и прежде, отодвинуты на второй план. «Мы не говорили об экономической эффективности надомного труда», — пишут Х. Тене и В. Лукстыньш. Но можно ли не учитывать этого сегодня, когда во главу угла поставлена задача добиться высокой эффективности производства!

Спор между надомным и стационарным трудом очень наглядно решился в нашем цехе, организованном в поселке Скайсткалне. Здесь в здании, где расположен наш участок, выделено и помещение для надомников фабрики «Юрмала». Как известно, Х. Тене — заместитель директора этой фабрики. Так вот, стационарный участок приносит в год доход свыше одного миллиона рублей. Надомники же дают лишь сто пятьдесят тысяч. В восемь раз меньше!

Впрочем, мы понимаем заинтересованность наших коллег с фабрики «Юрмала» в расширении надомничества. Ведь по существующему положению предприятиям не планируют на надомников производительность труда. Таким образом предприятие может увеличивать объем выпуска товаров не за счет роста производительности труда, а за счет увеличения работников. Стоит ли объяснять, как это невыгодно государству в условиях дефицита рабочей силы.

Не надомники-одиночки, а люди, объединенные в производственные бригады, даже если это производство маленькое и удалено от основного предприятия, могут дать прибыль в три-четыре раза большую.

Сторонники надомничества уверяют, что матери с маленькими детьми и пенсионеры неизбежно, мол, потеряны для производства. Так ли уж неизбежно? Убежден, что если предприятие создаст нормальные условия труда и быта для своих работников, то никто не захочет оставаться дома. Я имею в виду не только хорошие садики-ясли, не только удобный транспорт, но и введение для тех, кто в этом заинтересован, неполного рабочего дня. Мы попробовали — бывшие надомницы охотно откликнулись на это. Оно и понятно — современная женщина не желает сидеть дома. Ей нужен коллектив, она хочет быть полноценным членом общества. Пожилые люди еще больше тянутся к коллективу. И ведь большинству, пожалуй, не под силу работать хотя бы и дома, выполняя нормы восьмичасового дня. Стало быть, надо дать возможность работать половину дня. Противники этого обычно выдвигают довод, что, дескать, возникают организационные трудности при переходе на неполный рабочий день. Думается, эти трудности преувеличены. Можно организовать двухсменные бригады, работающие по четыре часа, и тогда оборудование будет использовано на полную мощность.

Так что вряд ли можно считать, что надомничество — благо, и верить в его развитие. «Времянка» это, сиюминутный выход, вынужденная ситуация...

Главное, повторюсь еще раз, — прибыль, рентабельность, результирующие показатели производства. Их нельзя не учитывать при ответе на вопрос: перспективно ли развитие надомного труда!

С. ЛАЗАРЕВ,
директор фабрики художественной галантереи «Лиелупе»

■

На мой взгляд, в результате первого тура полемики позиции сторон сблизились. Если в своей заявочной статье от 24 октября авторы активно и со всех сторон прославляли надомный труд, то затем Х. Тене и В. Лукстыньш согласились: «нельзя сопоставлять организационные, экономические, технические, психологические, социальные» условия работы в стационаре и при надомничестве. Безусловно, на предприятиях большие преимущества хотя бы потому, что здесь имеются огромные возможности для технической вооруженности, различных форм организации и разделения труда, социального развития работников.

Мы в свою очередь также готовы подчеркнуть некоторые преимущества надомной работы, но они неотделимы от недостатков, как нос и губы на лице гоголевской невесты. И можно согласиться с организаторами опыта: надо выделить и юридически закрепить те категории работников, для которых достоинства надомного труда важнее, чем его слабые стороны. Это, во-первых, лица, возможности передвижения которых к месту работы ограничены (инвалиды, многодетные матери, жители отдаленных поселков), и, во-вторых, представители профессий, которым противопоказано детальное разделение труда и не нужна дорогостоящая техника коллективного пользования (художественные промыслы).

Вместе с тем некоторым людям надо предоставить возможность работать и другим способом: например, неполный рабочий день.

Для многих предприятий сферы обслуживания держать людей на работе 8 часов в день — неоправданное расточительство. Их присутствие вполне достаточно во время часов «пик». В небольших ателье, ремонтных мастерских, кафе и других предприятиях сферы быта наилучший выход, на наш взгляд, — бригадный подряд. Он позволяет соединить преимущества коллективной работы с развитием личной инициативы. Не экономическое и социальное значение этой инициативы в условиях планового хозяйства указывалось на ноябрьском (1979 года) Пленуме ЦК КПСС.

В экономике нет и не может быть рецептов на все случаи жизни, идет ли речь об оценочных показателях, системах оплаты или формах организации труда. Истина здесь всегда конкретна, в хозяйственное решение призвано учитывать все «за» и «против», причем не «вообще», а применительно к специфическим условиям жизни и работы каждой категории советских людей. Это еще раз подтвердилось в ходе дискуссии о надомном труде.

Л. БЛЯХМАН,
профессор Ленинградского университета

■

Меня ответ сторонников надомничества в первом туре полемики не удовлетворил. Если в результате каких-то особых причин определенное количество трудоспособных людей не может участвовать в общественном производстве и будет заниматься надомным трудом, то против этого никто возражать не станет (как известно, оренбургские платки, скажем, производятся надомниками). Однако Х. Тене и В. Лукстыньш считают, что надомничество необходимо расширить, создав для этого специализированные организации надомного труда, по их мнению, тем самым можно уменьшить дефицит рабочей силы. Вряд ли с этим можно согласиться. Они пишут: «Давно пора в больших многоэтажных домах, жилых массивах делать небольшие мастерские». В этом утверждении, простите, нет логики.

Не ясно, как можно уменьшить дефицит рабочей силы, перейдя на ручной надомный труд и мелкие мастерские с примитивной технологией и техникой. Напротив, только механизация и автоматизация труда на базе концентрации и специализации производства дадут экономию живого труда, уменьшат дефицит рабочей силы.

В настоящее время ставится задача реконструкции предприятий в ряде отраслей промышленности, укрупнение, а в отдельных случаях и ликвидация мелких предприятий, осуществляющих производство на базе примитивной техники и технологии. Это единственный путь поднять производительность труда и на этой основе уменьшить дефицит рабочей силы. В сущности, призыв к расширению надомного труда, организации его вокруг мелких мастерских воспринимается как рекомендация расширять мелкие предприятия. В «дворовую» мастерскую потянутся и те, кто сейчас занят на крупном предприятии, не будучи юридически закрепленными, они найдут способ устроиться на работу рядом с домом. И руководителям надомничества будет выгоднее брать таких людей на работу, ибо они лучше выполняют план, нежели те, кто именно по уважительным причинам может стать надомником. И, уж конечно, производительность труда в таких мелких мастерских будет низкая.

Е. РУСАНОВ,
доктор экономических наук, профессор

«ЗА» И «ПРОТИВ»

ДИСПУТ В ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ

«...Прочитала материалы первого тура полемики о надомном труде. Думаю, что для женщины это сомнительное благо. Я не экономист и не берусь судить о производственных выгодах, но в этом меня убеждают мои соседки-надомницы: одни из них вышивают узоры на постельном белье, другие вяжут. Ни о каком социалистическом соревновании они и понятия не имеют, жизнью фабрики, на которой работают, не живут, «гонят» план, не разгибая спины. Мужья им по хозяйству не помогают, поскольку считают, что их жены «сидят» дома. Этим женщинам можно только посочувствовать. Они почти не бывают на воздухе, не ходят в кино, не читают книг, газет. У них нет времени уделять внимание мужу, детям, себе. Они всю жизнь в халате» (В. Панфирова, Минская область).

«...Работаю в горьковском швейном объединении «Весна» швеей-надомницей четвертый год. Оцениваю надомничество по шкале экспертных оценок цифрой 5. Вот как складывается мой день. Утром ставлю кастрюлю на плиту, а сама — за машинку, потом заправляю суп, дети пришли из школы, покормлю. Дочь при мне делает уроки. Иной раз интересную передачу по телевизору смотрю и шью. В общем, все успеваю — в цирк, в театр ходим. Конечно, хотелось бы иметь более современную машину, хотелось бы, чтобы сырье и крой привозили и отвозили, а то ведь с узлами тяжело таскаться по автобусам. Эти минусы портят, конечно, настроение. Но остальное все нормально» (Н. М., гор. Горький).

«...Надомничество не сможет сократить дефицит трудовых ресурсов. Наоборот, из-за него некоторые оставят современно оборудованное поточное производство, которое и без того полностью не обеспечено сегодня рабочей силой. Я знаю одну молодую женщину со специальным средним образованием и хорошими профессиональными данными, которая до недавнего времени успешно справлялась с обязанностями работника технического контроля на предприятии. И нелегко это было (кто станет оспаривать), если она еще и мать пятилетнего ребенка. Но вот сейчас она стала надомницей и в этом качестве подрубает дома носовые платки. Я о чем думаю: не получится ли так, что много таких технически грамотных женщин, мастеров своего дела, возьмут по ее примеру и потянутся на... носовые платки?» (Е. Рандмаа, работник отдела информации и пропаганды проектно-конструкторского бюро Министерства легкой промышленности Эстонии, Таллин).

«...В свое время мне пришлось работать дома. Моя специальность — конструктор литейного цеха. Руководство позаботилось о том, чтобы мне на дом привезли кульман, и в успешно справлялась с планом. Однако из-за того, что надомный труд не узаконен, отдел кадров постоянно ставил моего заведующего отделом в затруднительное положение. В конце концов мне запретили работать дома. Ребенку уже исполнилось два года. Он по-прежнему часто болел. Я стала бюллетенить, отпрашиваться. Ситуация безвыходная: либо работать на дому, либо вообще бросить службу. Я думаю, что закон должен такое положение отрегулировать. Может, даже и закона издавать не надо, достаточно дать право решать этот вопрос руководству» (Р. Рахлина, Киев).

«...В проектных институтах женщин от 60 до 80 процентов. Потери рабочего времени происходят из-за отпусков без оплаты, невыходов на работу по справкам «ухода за ребенком». После декретного отпуска женщины во многих случаях берут отпуск без оплаты продолжительностью до года... Ребенок пошел в 1-й класс, и, если дома нет «молодой» бабушки, чтобы приучить малыша самого открывать и закрывать дверь и делать уроки как следует, у матери тоже возникает необходимость побыть дома. Во всех этих случаях разрешение работать на дому было бы выгодно и для сотрудника, и для производства. Речь, очевидно, может идти не только о конструкторах, но и о копировщицах, машинистках, чертежниках, техниках, редакторах, научно-технических переводчиках.

Нас беспокоит при рассмотрении этого вопроса вот что. Прежде всего — как учитывать труд? В отдельных случаях, где работу можно учесть в объемах, имеющих четкие расценки, вопрос решается просто — сдельной оплатой труда. Сложнее, когда сдельщину применить нельзя, но и тогда выход может быть найден путем выдачи какого-то определенного задания типа «За месяц нужно сделать не менее...» или «На эту работу отводится столько-то дней...». Собственно говоря, так мы обычно и поступаем при выполнении работы в стационарных условиях. При этом не возникает никаких сомнений, поскольку сотрудник присутствует на рабочем месте. Но ведь присутствие и продуктивный труд далеко не синонимы. Особенно в проектном и конструкторском деле» (А. Вихрев, директор института «Сантехпроект» Госстроя СССР).

«Голосую за надомничество обеими руками. Ставлю 5. Среди студентов — вот где надо распространять надомный труд» (Е. Касаткина, Казань).

«Моя оценка надомничеству — 1. Поддерживаю все, о чем говорил оппонент Е. Русанов в первом туре полемики» (Ю. Авдюничев, Череповец Вологодской области).

«...При надомничестве приходится вести дополнительную работу по обеспечению материалами и инструментом, действительно, нужно включать дополнительный транспорт, а бензин, как пишет С. Лазарев, чего-то стоит. Видимо, выигрыш в дополнительной рабочей силе и величину прибыли, создаваемой ею, надо сопоставить с затратами, связанными с обеспечением, организацией и оплатой труда рабочих на дому. К сожалению, Х. Тене и В. Лукстыньш таких расчетов не представили. Необходимо всякий раз при рассмотрении какого-либо варианта надомной работы определять ее экономическую эффективность. В то же время, правильно пишет Л. Бляхман («ЛГ» от 19 декабря), несомненна замкнутость социальных интересов личности, работающей на дому» (М. Слесарева, начальник сектора технико-экономических исследований ВНИИэлектронстандарт, Ленинград).

«Экономическая целесообразность надомных форм труда очевидна. Так, на создание одного рабочего места в производстве местной промышленности требуется капитальных вложений в среднем до 3 тысяч рублей. При расширении же надомных форм труда из этих затрат потребуется не более половины, направленной лишь на приобретение некоторого дешевого оборудования и транспортных средств» (С. Карапетян, заведующий отделом научно-производственного объединения, М. Бадалян, заведующий сектором НПО Министерства местной промышленности Армянской ССР, Ереван).

«...Конвейер — вот что может ликвидировать дефицит рабочей силы и товаров. Рассмотрение вопроса о надомном труде — это фактически поддержание идеи о разборке конвейера. Авторы идеи зовут нас обратно — в пещеру!» (А. Войтов, доцент кафедры политэкономии МИИТ, Москва).

«...Замечательное дело предложено рижанами. Давно всем очевидно, что назрел вопрос использования дополнительных рабочих рук в интересах государства и населения. Однако вопрос этот до тех пор останется вопросом, пока решением его не займутся компетентные и государственные органы, и в первую очередь Госкомтруд СССР» (И. Шаревский, начальник отдела научной организации труда и управления института «Оргтрансстрой», Москва).

НАША УВЕРЕННОСТЬ ОКРЕПЛА

ОТВЕТ ИНИЦИАТОРОВ

Опять наши оппоненты прибегают в споре к арбитру — рублю, опять против идеи надомничества выдвигается тягчайшее по сегодняшним дням обвинение: «не эффективно!» Что ж, придется повториться и нам: «Ваш подсчет эффективности неправомочен». Экономические показатели работы надомников нужно сравнивать не с работой стационара, а с нулем. Ведь выбор в большинстве случаев таков: или вообще ничего не получить, или же получить тот скромный доход, который дают надомники.

«Нужно улучшать условия труда и быта», — призывает наш оппонент С. Лазарев. Как будто существует альтернатива: или стройте побольше садиков, или развивайте надомный труд.

«Времянка, сиюминутный выход», — пишет он. Давайте посмотрим правде в глаза: как бы мы ни старались улучшить условия работы на предприятиях, все равно еще долгое время останется значительная часть трудоспособного населения, которая не может работать в стационарных условиях. По крайней мере в обозримом будущем. Так поможем же им (и тем самым производству) и дадим работу.

Критика надомничества в читательской почте, на наш взгляд, никак не затрагивает саму идею. Это всего лишь критика конкретной практики. Наверняка имеющийся в Латвии опыт надомного труда и наши предложения по его организации далеки от совершенства. Безусловно, нужно привлечь к этой проблеме широкий круг специалистов и выработать оптимальные решения для каждого производства, для каждого региона. Но это уже чисто организационная, а не «теоретическая» проблема «быть или не быть». Кстати, многие читатели, как видим, активно поддерживают наши идеи.

Предложение ввести сокращенный рабочий день мы принимаем. Но, во-первых, это далеко не везде возможно, да и тут без многих сложностей не обойтись. А во-вторых, почему же нужно рассматривать это предложение опять-таки как альтернативу надомничеству? Оба эти варианта — союзники, а не противники: цель общая — уменьшить дефицит кадров.

Наш оппонент Е. Русанов справедливо считает мелкие предприятия тормозом технического прогресса. Однако мастерские для надомников мы рассматриваем не как предприятия, а как место для работы в коллективе. На предприятиях ведь есть и мастера, и аппарат управления. А в мастерских в крупных домах надомники предоставлены самим себе. Здесь могут собраться несколько вязальщиц либо, например, чеканщиков — в квартире они бы мешали своим стуком соседям.

Мы не меньше наших оппонентов понимаем, что основой для уменьшения дефицита рабочей силы является повышение производительности труда за счет механизации, автоматизации производства. Да, это магистральный путь. И мы не утверждали, что надомничество — единственный способ решения этой проблемы трудовых ресурсов. Но все-таки это один из способов.

В прошлом своем выступлении мы говорили, что еще долго на предприятиях останутся участки, которые и автоматизировать нельзя, и механизировать нецелесообразно ввиду временного присутствия их в производстве.

Ведь даже могущественный конвейер может остановиться в беспомощности из-за того, что где-то подвел, например, столяр — нет тары. Надомники в подобных делах всегда выручат. И вместо того, чтобы держать каких-то рабочих на таких участках, их (участки) следует отдать «на откуп» надомникам. Это ли не путь для приобретения дополнительных рук!

Читательница Е. Рандмаа из Таллина опасается, что привлекательность надомничества заставит некоторых матерей оставить поточное производство и перейти к менее производительной работе на дому. Да, возможно, что расширение надомничества позволит уйти с предприятий некоторым работницам-матерям, которые пока что мирятся с неудобствами, отдают своих детей в садики, мечутся из конца в конец города, возят их в переполненном транспорте. И надо ли возражать, если надомничество даст таким женщинам какое-то облегчение! Ведь семье от этого только выиграет. Проиграет ли производство? Думаем, нет, не проиграет, хотя наши оппоненты придерживаются иного мнения. Дело в том, что они все время ведут сравнения с производительностью некоего среднего работника производства со средним надомником. А если бы они посмотрели и подсчитали, как работает некая «средняя» работница-мать, у которой дети в яслях или в детском садике, учли, сколько дней она вынуждена пропускать из-за болезни детей, какова в конечном счете ее производительность труда, то, нам представляется, сравнения наших оппонентов выглядели бы по-иному.

Эта же читательница, Е. Рандмаа, касается в своем письме специалистов с дипломами, которых вдруг «потянет на платки». Что ж, мы согласны с ней — нельзя предоставлять таким специалистам неквалифицированную работу. И мы призываем к тому, чтобы расширить надомничество с учетом предоставления самых разных вариантов работы, отвечающей способностям и образованию тех людей, которые по уважительным причинам не могут работать на предприятиях и в учреждениях. Экономисты, бухгалтеры, переводчики, редакторы, которые сейчас потеряны для производства, при правильной организации надомничества смогут принести пользу обществу.

Наша уверенность в необходимости расширения надомного труда в том, что это один из способов преодоления дефицита рабочей силы, усилилась буквально за последнее время. После публикации материалов «ЗОНД-3» нам присылают письма, звонят, подробно расспрашивают об организации опыта. К нам обращаются руководители предприятий из других республик. Нет сомнения, сфера общественного производства и определенная часть населения только выиграют от внедрения надомничества. Порукой этому — опыт нескольких предприятий Латвии, который прошел проверку временем, показал хорошие результаты, правда, мы считаем, что у нас использованы далеко не все возможности.

Х. ТЕНЕ,
заместитель директора фабрики художественных вязаных и галантерейных изделий «Юрмала»;

В. ЛУКСТЫНЬШ,
начальник отдела машиностроения и республиканской промышленности Госплана Латвийской ССР

У МАМЫ СРОЧНАЯ РАБОТА

Фото А. КОЧЕТОВА

АПЕЛЛЯЦИЯ К ЖЮРИ

КРИТИКА КРИТИКИ

По публикациям газеты создается впечатление, что число противников надомного труда превышает число сторонников, а доводы первых более весомы. Но так кажется на первый взгляд. При внимательном прочтении материалов можно заметить: оппоненты выдвигают неубедительные аргументы.

Например, Л. Бляхман («ЛГ» от 19 декабря 1979 г.) в надомном труде видит препятствие «всестороннему развитию личности». Почему же он не возражает против монотонного однообразия операций на конвейере тракторного или автомобильного завода, кропотливых операций по сборке часов? Труд же надомницы — вязальщицы, швеи считается отупляющим. Это нарушение единства оценок с целью ущемить надомный труд, принизить его с позиции общественной полезности.

Если бы надомный труд не имел целого ряда преимуществ, то не получил бы развития во многих странах мира. Например, Япония — там надомникам дается не только простая техническая работа. Они широко привлекаются в различные отрасли промышленности не только кустарного производства, но и в области оптики, электроники, электропромышленности. В Швейцарии крупные фирмы по производству часов широко используют надомный труд для изготовления и отдельных деталей, и целых узлов. Надомнику часто устанавливают (бесплатно) уникальное оборудование, а за труд платят несколько выше, чем за ту же работу, выполненную в цехе, — за высокое качество, не требующее контроля.

К сожалению, в нашей практике нередко труд надомников неправильно оплачивают, о чем свидетельствует опыт работы И. Сотникенс («ЛГ», № 51, 1979). Она осуществляет художественное вязание, а платят ей за простую вязку.

Противники надомного труда утверждают, что интерес к работе у подростков следует воспитывать на примере станка с программным управлением, цеха-автомата (Е. Русанов, «ЛГ» от 19 декабря 1979 г.). Формально это утверждение нам будто бы верное, но задумайтесь: как велика доля труда с применением этих средств?! Она настолько еще мала, что сразу становится очевидной неубедительность пожеланий противников надомничества!

Напомним о таком доводе оппонентов из числа читателей, как «борьба с шумом». Нередко дело даже вовсе не в шуме, а в отношении к домашнему труду, дополнительному заработку соседей. У некоторых это вызывает ярость. Если за стеной (а в панельных домах — в другом подъезде и этаже) тихонько стрекочет швейная или пишущая машинка, то порой борются с шумом не без «социальной» подкладки: мол, надо пресечь, чтобы не обогащались. И они часто добиваются прекращения работы на дому!.. Однако большинство из этих борцов с «шумом» молчат, когда некий хулиган включает радио на полную мощность, выставляет громкоговоритель за окно, а сам... уходит.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы надомничество было разрешено всем, кто в этом нуждается, а не только многодетным, больным и пенсионерам. Важно, чтобы каждый гражданин трудился на благо общества. Если это рабочий или инженер, то — в свободное время от основной работы, а если это надомник, то — весь рабочий день.

Г. ПЕТРОВ,
доктор географических и кандидат технических наук

КАЗАНЬ

Желающих принять участие в читательском жюри просим оценить инициативу рижан по пятибалльной шкале. Письма присылайте с пометкой «ЗОНД».

В ПЛЕНУ СЛУЧАЙНЫХ МЕТАФОР

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

М. ПОСТНИКОВ, профессор, доктор физико-математических наук, лауреат Ленинской премии

В «Литературной газете» (№ 43, 1979) были опубликованы полемические заметки профессора А. Китайгородского «Дело о разведе». В них говорилось о необходимости «развода» «чистой» математики с естествознанием и техникой.

В № 49 «ЛГ» разговор был продолжен (см. статью профессора М. Евграфова «А был ли брак?» и другие материалы). Публикуемая сегодня статья профессора М. Постникова затрагивает еще один аспект рассматриваемой проблемы.

НЕТ, ПО-ВИДИМОМУ, ни одной области человеческой деятельности, представления о которой у неспециалистов так далеки от действительности, как математика. Даже люди, считающие себя вполне интеллигентными, полагают, что математика является собранием скучнейших формул и длинных, утомительных вычислений, и в отличие, скажем, от музыки, изобразительного искусства и литературы культурный человек вполне может ее не знать и тем не менее оставаться «культурным». Тому есть много причин. Главнейшая же состоит в том, что преподавание математики в школе и — увы! — во многих втузах фактически остановилось на уровне XVII столетия и более чем трехсотлетнее развитие ее идей и методов остается для выпускников школ «terra incognita».

Мало кто из нематематиков знает, что современная математика является в первую очередь наукой о качественных сторонах явлений и что число — это всего лишь один из способов выражения качества, отнюдь не самый главный. (Отчетливо это было впервые понято около ста лет назад французским математиком Пуанкаре, роль которого в истории науки, как постепенно выясняется, сравнима с ролью Ньютона и Лейбница.)

Не обнаруживает такого понимания сути математики и профессор А. Китайгородский. Отправной пункт его статьи состоит в «проведении четкой и недвусмысленной линии раздела, даже не линии, а заградительной полосы между этими двумя совершенно разными областями науки» («чистой» и «прикладной» математикой). Вот здесь-то и лежит корень всего! Не самом деле нет двух математик — «чистой» и «прикладной», а есть одна-единая математика. И если профессор Штутгартского университета Роггенкамп, на которого ссылается А. Китайгородский, и утверждает нечто противоположное, то это доказывает лишь тот факт, что звание «профессор Штутгартского университета» столь же мало гарантирует от заблуждений, как любое другое звание.

Развернутый ответ на статью А. Китайгородского дан в статье профессора М. Евграфова. Я согласен почти со всеми его высказываниями. Но мне кажется полезным подробнее разъяснить, что же это такое — математика.

ЧТОБЫ понять, изучить и использовать какое-нибудь явление природы (или общества), имеется только один путь — создать в голове его модель (в широком смысле любое словесное описание — это уже модель). Не слишком простую — иначе можно не уловить существенных черт явления. Но и не слишком сложную — иначе модель нельзя будет исследовать. Опыт показал, что при изучении различных проблем могут возникать сходные модели и результаты, полученные в одной модели, могут быть применены в другой. Поэтому необходима наука, изучающая схемы моделей безотносительно к их конкретному воплощению. Это и есть математика. Сначала математика занималась простейшими моделями — числовыми. Теперь центр ее интересов переместился на модели более сложные — качественные.

Математики детально изучают имеющиеся схемы моделей и обобщают опыт их применения. Результатом являются некие рецепты, которые и выдаются практикам в виде математических методов исследования (например, чтобы найти объем, надо вычислить интеграл). Предметом преподавания в школе и во втузах и являются в основном эти рецепты. Их применение (скажем, определение оптимальной формы коробки) — это, конечно, не дело математиков, точно так же как шитье платья по выкройке — не работа модельера.

Однако многочисленность разнообразных схем моделей, накопленных в математике, не позволяет практику (скажем, инженеру) их все знать. Поэтому вторая задача математиков — помочь практике в создании моделей по еще не получившим широкой известности схемам. С этой целью в математике изучаются не только схемы реальных моделей, но и схемы схем, схемы схем схем и т. д. до бесконечности. На практике это выражается в приобретении опыта конструирования схем на примерах решения головоломных, чисто математических задач (это и есть то, что М. Евграфов называет «умением думать»). В результате очень часто математик, как фокусник из рукава, вытаскивает нужную схему и вместе с ней решение практической задачи.

Наконец, в математике нужно постоянно придумывать принципиально новые схемы моделей. Иногда — при редкой удаче — это удается сделать, так сказать, «из головы». Но, как правило, эти схемы приходится с большим трудом извлекать из реальных моделей. Каждый раз это — крупный успех, знаменующий скачок в развитии математики, открывающий новое поле работы. Поэтому для развития математики необходимо постоянное обращение к практике.

Конечно, все эти роды деятельности математике должны быть в идеале тесно взаимосвязаны. Однако ныне, в век специализации, каждому математику приходится выбирать (часто не по собственной воле) и заниматься либо приложением уже разработанных схем к проблемам практики, либо созданием и разработкой новых схем или их вариантов. Первое направление деятельности называется «прикладной математикой», а второе — «чистой». При этом работе как в «прикладной», так и в «чистой» математике может сильно отличаться от рутинного применения уже давно разработанных схем до создания принципиально новых схем. Поэтому и невозможно провести между этими двумя направлениями никакого водораздела.

Причины же того, почему различение «прикладной» и «чистой» математики столь живуче, лучше всего обсуждать в рамках общей проблемы об устойчивости человеческих заблуждений. Здесь этому не место.

Из сказанного видно, что «господин компьютер» не общие принципы взаимоотношений математики и других наук попросту никак не влияет и не имеет отношения к их браку (если этот термин здесь уместен, что очень сомнительно, поскольку математике является, скорее, не супругой, а хотя и деспотичной, но необходимой служанкой. Впрочем, любые метафоры такого рода, по самом деле, совсем не по существу, поскольку они подчеркивают лишь малосущественные аспекты обсуждаемого вопроса). Компьютеризация лишь сделала безнадежно устаревшими многие любовно лелеемые математиками схемы моделей и позволила разработать другие, более эффективные схемы. В истории математики так происходило уже много раз, и появление компьютеров лишь направило этот процесс по новому пути.

Что же касается конкретных замечаний А. Китайгородского, то многие из них попросту неверны. Прославленные «теоремы существования» вовсе не являются альфой и омегой математического творчества (и преподавания). Проблема плотнейшей упаковки шаров связана с труднейшими задачами теории чисел, которые имеют непосредственные выходы в практику. И никакая ЭВМ без участия программиста не может решить ни одной задачи. Даже той, которую успешно решил четвероклассник Витя Малеев в повести Н. Носова: сколько орехов у девочки, если у мальчика их вдвое больше, а всего орехов 120? Какая ЭВМ — даже самая мощная — может помочь Вите решить эту задачу? Другой вопрос, что с появлением ЭВМ старые схемы оказались ненужными и обучать им не надо. Но разве ради этого тривиального вывода писал свою статью профессор А. Китайгородский?

СОЗДАЕТСЯ впечатление, что профессор А. Китайгородский пытается намеками — не решаясь сказать это прямо — уподобить современных математиков средневековым схоластам, обсуждавшим проблемы типа «сколько ангелов может поместиться на кончике иглы». Но для схоластов эти дискуссии были — используя современную терминологию — операциональной игрой, в которой они оттачивали свой интеллект для решения более серьезных задач. Аналогично дело обстоит и в математике, многие проблемы которой часто выглядят со стороны бессодержательной игрой.

Профессор А. Китайгородский не жалеет также иронии, пытаясь дискредитировать внутреннюю систему ценностей математики («элегантность доказательств», «строгость логики» и т. п.), утверждая, что ничем другим математики не интересуются. Однако его критическая ирония сама не выдерживает критики.

Профессор М. Евграфов тоже вроде бы настойчиво подчеркивает тезис о «практической бесполезности» математики. Но он это делает, конечно, в полемическом задоре, поскольку ему в зубах навязли некомпетентные рассуждения о роли в математике критерия практики. На самом же деле он хочет подчеркнуть лишь тот бесспорный факт, что тысячи и тысячи придуманных и изученных математиками умозрительных схем отомрут и забудутся, прежде нем найдут реализацию хотя бы в одной модели. Однако их трупы послужат питательной средой для новых схем (имеющих техническое имя теорем), а опыт их существования поможет сформулировать более удачливым или — что фактически равносильно — более талантливым коллегам новые приемы формулирования схем, схем схем и т. д. Так в круговороте жизни и смерти происходит развитие математики.

Следует сказать, что та или иная конкретная наука вполне может существовать и даже процветать и без разработанных в математике моделей. Примером являются биология (в которую математические модели только начали проникать) и эстетика (где математика еще не используется). Тот факт, что разработанные в математике схемы моделей — так уж сложилось исторически — ориентированы в первую очередь только на «точные» науки естественнонаучного цикла, является основным дефектом современной математики. Одной из ее первоочередных задач должно быть осмысление «гуманитарных» моделей и создание их общей теории. Эта теория, по-видимому, будет совсем непохоже на привычные математические схемы и, во всяком случае, не будет иметь вид формального исчисления. Основные идеи этой будущей теории не должны заимствоваться из уже имеющихся в математике принципов, а должны возникать из конкретного анализа моделей гуманитарных наук.

Известное противопоставление «физиков» и «лириков» отражает существование двух дополнительных равноправных способов освоения фактов реального мира — рационалистического, выражающегося в системе наук, и эмоционального, выражающегося в системе искусств. Дополнительность (в смысле Нильса Бора) этих способов маскирует тот факт, что оба они пользуются моделями (хотя, конечно, и различного характера). Попытки исследования моделей искусства делаются ныне в рамках кибернетики (это так называемые «кибернетические теории искусства»), но их общим дефектом является стремление к дурно понятой «математизации». На самом же деле и здесь общие принципы должны не привноситься извне, а возникать на базе анализа конкретного материала той или иной области человеческой деятельности.

Строгий вкладов — Фото А. КОЧЕТОВА

ОХОТА ПО-НАУЧНОМУ, ИЛИ «ПОБОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ» ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Валерия ШУБИНА

ДО МИНУВШЕГО лета мои командировки были связаны с металлургическими предприятиями. Значит, приходилось бывать не всегда быстрой на вид, часто взмокшей и оглушенной. Приходилось вытряхивать из туфель шихту и госковать по воздуху, который пахнет хотя бы только бензином. Наверное, со стороны такая жизнь могла показаться трудной. И, жалеючи, мне предложили командировку в тихое место долгостольных берез, где в деревянных домиках работают культурные научные сотрудники, где из окон видем один лишь лес, разлученный с озерами покосными лугами. Мне нарисовали райский уголок поющих дроздов и благоухающей таволги, пообещали, что самым громким звуком будет печатный стук дятла, и вручили жалобу, переданную в редакцию из этого самого мира чистоты и покоя. Так в мои руки попал один из «трудов» Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников, разместившейся в лесном массиве «Лосиный остров» Мытищинского района столичной области. К сожалению, за последние три года количество этих «трудов» во много раз превзошло число научных работ по охотоведению, опубликованных этой организацией. «Как могло такое случиться?» — задала я тогда себе вопрос.

Самородок

История моего пребывания в лаборатории началась с обыкновенного интереса к людям, которые меня окружали. Уж очень необычными, яркими, сложными представлялись они мне на первый взгляд. Постоянное ли общение с природой, вольная ли жизнь или охотничьи страсти сотворили их такими, но только они отличались от тех научных сотрудников, каких мне приходилось наблюдать прежде.

Мои общие сведения о ситуации нуждались в проверке действительностью. Беседуя с людьми, все чаще и чаще я слышала имя — Гаврин Василий Федорович. Оно повторялось почти каждым моим собеседником. Одни говорили: «Вот это был директор!», другие: «Черноземный талант», третьи: «Самородок». О Гаврине рассказывали так много любопытного, что невозможно было не расспросить о его личности и судьбе.

Горячий, шумный, страстный, он умел так вести дело, что в работе люди проявляли лучшие свои качества. Авторитетный исследователь, большой знаток и любитель природы, охотник, Гаврин старался и народ вокруг себя собрать такой же. Противоречивые, трудные и даже скверные характеры не страшили директора, одаренных сотрудников он не пугался. Приглашенные им на работу одиннадцать лет назад, когда лаборатория только возникала, и составили небольшой, но сильный коллектив, основной целью которого стало изучение теоретических и практических аспектов научного охотоведения, заповедного дела, охраны животного мира. Человек принципиальный, независимый, Гаврин стремился, чтобы ведомственной лабораторией решались не только прикладные узкие вопросы в масштабе системы Главохоты, но и разрабатывались общие теоретические перспективные проблемы в целом для страны. Не случайно в ученом совете лаборатории были такие видные ученые, как академики В. Соколов, С. Шварц, — с ними поддерживался постоянный рабочий контакт.

Директор не боялся отстаивать свою точку зрения на любом уровне и признавал право на собственное мнение у своих подчиненных. Изданные тома «Охотоведения», где представлены научные работы всех ведущих работников лаборатории, подготовленное методическое пособие по проектированию заповедников и республиканских заказников, разработанная карта размещения действующих и проектируемых заповедников, работа по охране перелетных и редких птиц, изучение редких и исчезающих видов животных — все это свидетельствует о том, что исследовательское назначение лаборатории Гаврин понимал широко, считая охоту частью охраны природы.

Он знал душу полевого исследователя, которому после возвращения в коллектив больше всего нужны обыкновенный человеческий интерес и внимание. Он понимал, что руководит людьми особенными, неканцелярскими, теми, кто привык к воле и приобрел в постоянных отлучках нечто от быта «свободных художников».

«Огнестрельные» подробности

Директором стал В. Дежкин — человек в лаборатории не новый, заведующий отделом эколого-экономических исследований. В отличие от Гаврина, основным своим назначением он считал популяризацию отдельных вопросов охотоведения и большую часть сил тратил на то, чтобы писать для массового читателя об охотничьих хозяйствах и защите природы. Посвящать себя лаборатории целиком, как Гаврин, новый директор не мог, занимаясь изданием своих популярных работ, участвуя в различных обществах, совещаниях... Вскоре лаборатория сузила свои задачи и сосредоточилась на выполнении заказных кратковременных заданий, таких, как мечение диких северных оленей, отлов лосей на Камчатке, и т. д. Один за другим из нее ушли все доктора наук, изменился состав ученого совета, прекратился выпуск коллективных сборников «Охотоведение».

Новый директор не шумел, не горячился, старался быть обходительным, мягким. Ему претили гавринские «хождения в народ» и крепкие воспитательные беседы. Если сотрудник провинился, Дежкин предпочитал составить вещественный, бесстрастный и, главное, имеющий силу документа приказ о наказании. Если подчиненный, будь он хоть трижды добросовестным и способным, позволял себе расходиться с директором во мнении по какому-либо спорному вопросу, например, об экономике спортивного охотничьего хозяйства, то Дежкин старался закрыть тему, или сократить срок работ, или отстоять от темы, или переместить его по службе, или просто напросто уволить.

В подобных начинаниях Дежкина поддерживали его бывший заместитель В. Размахнин, а также куратор лаборатории, заместитель начальника Главохоты В. Фертиков. Видя такое, самые дипломатичные сотрудники остерегались враждовать с начальством. Самые же предусмотрительные действительно подавали заявления об уходе и, оберегая себя, свою науку, устраивались в других местах. Поэтому в их адрес не были сказаны слова, которые на заседании месткома услышала непримиримая И. Сапетина: «К вашей работоспособности и деловым качествам претензий нет. Однако вы обращались с жалобами в различные инстанции... Поэтому голосую за ваше сокращение». Тем не менее сотрудники продолжали критиковать директора на собраниях, жаловаться в Главохоту, просить помощи.

Чтобы оградить противников от таких действий, решили последовать старой заповеди: нападение — лучшая защита. А для нападения необходимо было знать все подробности жизни несогласных. И людей, которые раньше выручали друг друга в тяжелых условиях тайги, жили бок о бок под открытым небом, людей, которых связывали преодоленные трудности, единство судьбы и общие воспоминания, точно подменили. Ведь о силе и слабости каждого они знали больше, чем требуется для обыкновенных деловых отношений. И теперь кое-кто не считал зазорным поделиться сведениями с директором. Самые же оборотистые охотно отправлялись тайно собирать сведения о неугодных сотрудниках, уехавших в командировку. В трудах и скитаниях добывали слухи, сплетни, пересуды, наговоры, занимающие коллектив на собраниях, товарищеских судах, ученых советах. «В ближайшее время я представлю всю информацию о неблаговидной деятельности такого-то», «Мы можем доказать все, что хотим», — обещает руководитель на собраниях.

И эта по крохам накопленная информация, обернувшаяся кипами гроссбухов, была обрушена на меня. Бумаги, среди которых оказалось даже заявление бывшей жены, предоставлялись мне ученым секретарем лаборатории для того, чтобы я сделала вывод, какие плохие люди эти «возмутители спокойствия». Незапечатленные сведения преподносились устно сначала чересчур разговорчивой заведующей биостанцией, потом улыбчивым председателем месткома, наконец самим обходительным директором. Никогда еще не сталкивалась с таким детальным знанием обстоятельств чужой личной жизни. Слушая невольно и я становилась участницей ситуации, которую назвала бы ситуацией невиноватых виновных. Ведь несогласные были людьми с обычными слабостями и недостатками, и ничего не стоило свести критику на нет, позвящая посторонних во все их человеческие грехи.

Возможно, проверявших работу лаборатории контролеров сбивал с толку подобный метод борьбы: неважно, что я плох, важно, что противник хуже меня, а если не хуже, то я сделаю его хуже. Контролерам, например, сразу же сообщали о пьянстве неугодного сотрудника, хотя столь же красочно можно было изложить о возлияниях (с повреждением себе черепа) угодного. Раскрыв рты, контролеры слушали о неправильном обращении с оружием В. Абрамова, не подозревая о более захватывающих подробностях обращения Е. Канакова. Судите сами: первый получает взыскание за то, что во время командировки сдал неисправный карабин на хранение в краевое управление Главохоты, второй же благодетельствует без всяких неприятностей до сей поры, и ему никто не напоминает, как ночью после полевых работ он привез на территорию поселка мешки с лосиным мясом и как, неосторожно их в спешке домой задев спусковой крючок неразряженного карабина. Выстрел пришелся в стену возле двери одной из квартир. (Об этом мне сообщила живущая там со своей семьей сотрудница лаборатории Н. Мангушкина.)

Видимо, мой интерес к такого рода «огнестрельным» подробностям со стороны выглядел неуместным. И тогда обходительный директор подарил мне свои труды, трогательно надписав их, после чего, как выяснилось, позвонил в редакцию, чтобы навести обо мне справки, а также тщательно опросил сотрудников, с которыми я общалась, о характере моих вопросов. Среди опрошенных оказались и те, кто почему-то знал содержание моих телефонных разговоров и добросовестно передал их Дежкину. Допускаю, что отдельные мои мысли могли ему не понравиться.

После беседы с директором моя жизнь заметно изменилась. По нескольку раз в день ко мне стали приходить разные люди: из тех, кто писал жалобы, а также из тех, кто не писал, и предупреждать, чтобы я была осторожна, что за мной следят. Едва же я вернулась домой после безвыездного двухнедельного пребывания в лаборатории, как начались телефонные звонки и угрозы: дескать, хуже будет, если не откажешься от намерения писать статью. Была ли это самодеятельность по простоте душевной или действия по чьему-то наущению, но только мне не давали покоя месяца три. Однако настоящий «сюрприз» ждал меня в редакции. Придя туда, я узнала, что поступила жалоба, в которой меня обвиняли в предвзятости и симпатиях к директорским противникам. Кроме того, вскоре кто-то неназвавшийся позвонил в отдел кадров и сообщил, что после моего отъезда у кого-то еще и пропала меховая шапка... Почему на меня было потрачено столько энергии и цицеронской фантазии, выяснится позднее.

Сыщики поневоле

Итак, около двадцати научных сотрудников утверждали, что директор и куратор лаборатории недооценивают работу, связанную с охраной и восстановлением численности редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных. Критиковавшие обвиняли Дежкина и Фертикова не только в том, что они пренебрегают интересами дела, не выполняя решений правительства, которые обязывали Главохоту заняться укреплением экономики спортивно-охотничьих хозяйств, а также принять дополнительные меры по охране и воспроизводству редких и вымирающих видов животных, но и в том, что они участвуют в сомнительных махинациях с мясом диких животных. (У Фертикова есть даже выговор за организацию браконьерской охоты!)

Бывший егерь, а ныне кочегар лаборатории В. Жуков случайно увидел, как в гараже разгружали приехавшую из охотничьего хозяйства машину. Несмотря на то, что его предупредили: «Лучше молчи, может обернуться плохо», — он не где-нибудь, а на собрании сказал, что видел мешки с мясом, на которых было написано: «Фертикову», «Размахнину», «Дежкину». — и спросил: «Когда это прекратится?» Присутствовавший на собрании Фертиков заметил: «Свидетелей против меня все равно не будет. А тебе одному не поверят». После этого на Жукова как неуживчивого человека посыпались служебные взыскания, несмотря на его репутацию усердного работника.

В практику лаборатории к этому времени уже вошло, что научные сотрудники в период полевых исследований, переобувшись у егерей в работу, занимаются отстрелом животных, сдают туши и берут за них деньги. Для А. Максимука и Е. Канакова участие в товарных отстрелах стало системой. На осенний сезон 1979 года начальник экспедиции по сайгаку Максимук получил 4500 дорогостоящих патронов (по данным бухгалтерии), хотя поехал разрабатывать методы отлова с помощью сетей и холодного оружия.

А контролеры из Главохоты — подчиненные Фертикова — даже по очевидным злоупотреблениям продолжали делать заключения в пользу Дежкина.

В благодарность за поддержку и покровительство директор предоставляет Фертикову машину лаборатории для поездок на охоту и рыбную ловлю в Ивановскую и Ярославскую области. Очередные же контролеры, возглавляемые Н. Николаевым и А. Сицко, объявили вожжи своего начальника инспекторскими выездами. Проверяющих не смутили вопросы: «Почему служебное рвение куратора распалялось именно в выходные дни?», «Где результаты его многочисленных инспекций?», «Где заявки на командирование?», «Где приказы начальника управления?»...

— Если подобная проверка рассчитана на глухих и слепых, к тому же обделенных еще и даром речи, то, судя по случаю в гараже, среди ваших сотрудников таких мало, — заметила я Дежкину.

— А доказательства у вас есть? Для таких обвинений, как незаконное пользование мясом, нужны документы.

Пришлось позднее нам с коллегой — корреспондентом «ЛГ» Б. Ф. Плехановым заняться далекими от литературы делами и на некоторое время стать чуть ли не сыщиками. В результате на вопрос Дежкина, заданный в августе, могу положительно ответить сейчас. И даже привести содержание документа, присланного в редакцию из Главного управления МВД СССР:

«По сигналу, поступившему из «Литературной газеты», 4 ноября 1979 г. при выезде из г. Элиста сотрудниками милиции была задержана автомашина «ГАЗ-66» госзнак 10—31 ЮВ8, принадлежащая Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников Главохоты РСФСР. В кузове машины находилось 2045 кг мяса сайгака».

Как пояснили в Главном управлении МВД СССР, туши отправлены из госпромхоза «Калмыцкий», где начальником научной экспедиции по сайгаку является сотрудник лаборатории А. Максимук. Поводом послужило подписанное директором лаборатории В. Дежкиным и председателем месткома К. Зыковым письмо-распоряжение с просьбой отгрузить сотрудникам мясо. Оплата не гарантировалась. Все 123 туши были конфискованы калмыцкой милицией и сданы в магазин.

Как и следовало ожидать, не всех сотрудников лаборатории возмутило новое самоуправство дирекции. Сторонники Дежкина очень негодовали, что под праздник милиция лишила их вкусного жаркого. Обвиняли «прожитых правдоискателей».

Желательно спросить этих негодующих научных сотрудников: разве в обязанности лаборатории входит снабжение их мясом? Что-то не нашла такого пункта в статусе этого научного учреждения. А может быть, им неизвестно, что принуждение нижестоящей организации (госпромхоза «Калмыцкий») вышестоящей (лабораторией) расценивается как злоупотребление служебным положением? Желательно заодно и спросить, как понимать распоряжение на отгрузку мяса, если существует установленный Советом Министров Калмыцкой АССР порядок, запрещающий вывоз животноводческих продуктов без ведома властей? К тому же зачем 70—80 человекам свыше двух тонн мяса?

В ходе расследования выяснилось попутно, что незадолго до происшествия сама Главохота получила подобную же машину сайгачьих туш. Каково же многострадальной природе, если интерес ее защитников сосредоточен на «побочных продуктах научной деятельности», а самые главные ее ревнители разлагают коллектив незаконным снабжением?!

Не случайно «бедные» сотрудники лаборатории почувствовали себя обиженными. Такое чувство родилось оттого, что законы джунглей, по которым они начали жить в последнее время, стали нормой для лаборатории. А где произвол, там нет нравственности. Там утверждается реальность, похожая на фантасмагорию, и настает «день без числа», говоря словами героя «Записок сумасшедшего». И с одобрения себялюбивого человека уединенная лаборатория в тихом лесу начинает терять представление о своем назначении, о чести и нормах поведения.

Я понимаю, что устройство незаконных охот, получение мешков с мясными деликатесами порождают ощущение вседозволенности. Но это ощущение ложное, потому что общественное мнение терпит до поры до времени.

* * *

Три года — слишком малый срок для перерождения, но вполне достаточный для испытания методов руководства...

А коллектив был когда-то хороший. При Гаврине он был такой, что среди этих державных думающих сосен, среди тонких чистых берез и в голову не пришло бы тосковать по копоти металлургических заводов.

Август — декабрь 1979 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

РИСК НЕУДАЧИ

Хочу вновь поднять вопрос о практике подбора преподавательских кадров для высшей школы. За 32 года в вузе (из них более 15 лет — заведующим кафедрой) я убедился в его непреходящей актуальности.

На основании конкурсных документов и даже пробных лекций не удается сложить полного и всестороннего представления о будущем члене коллектива кафедры. Не все даже высококвалифицированные деятели науки имеют склонность и способность к педагогической работе. Таких примеров мне приходилось наблюдать немало.

По-моему, было бы полезным практиковать прикомандирование к кафедрам молодых специалистов и научных работников на стажировку после окончания аспирантуры или вуза. Это помогло бы им войти в поле деятельности кафедры. С другой стороны, появилась бы возможность полнее и всестороннее оценить их как будущих педагогов. К сожалению, в большинстве вузов должности стажеров отсутствуют. Практически прекратил существование институт лекционных ассистентов. Получается, что читать лекции преподаватель учится... читая лекции. Не велик ли риск неудачи?..

Г. ВАЛОВНЕВ, доктор технических наук, профессор

МОСКВА

Наш день начинается с новостей: дала ток новая электростанция; пущен цех крупного завода; сошел с конвейера комбайн, позавчера [illegible] открылся еще один детский сад... Таковы будни страны. За каждой доброй вестью — забота партии и государства о благе народа, мастерство и [illegible] труда, пытливая мысль конструкторов и ученых. Однако эти достижения были бы еще выше, если бы руководители и общественные организации всех без исключения предприятий и учреждений уделяли больше внимания укреплению трудовой дисциплины, обеспечению высокой организованности и ритмичности в работе.

«В общем, дисциплина и порядок нужны всегда, — указывал в своем выступлении на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — Нынче же, когда гигантски возросли масштабы хозяйствования, когда сеть экономических взаимосвязей становится все более сложной, густой и разветвленной, они нужны особенно. И не только слова о дисциплине. Не только призывы к порядку. А прежде всего — кропотливая, повседневная организаторская работа, четкая проверка исполнения, гибкая, продуманная кадровая политика».

Материалы, публикуемые сегодня, напоминают об ущербе, который наносит обществу пьянство.

«Уважаемая редакция! Сегодня я получил тяжелое известие: пьяный водитель самосвала убил моего друга и его семью.

Я тоже автомобилист, каждое лето езжу с семьей в отпуск. И я спрашиваю вас: до каких пор мы будем терпеть эту дикость — пьянство за рулем? Учишься водить машину — тебя предупреждают: будь осторожен со встречными и попутными, особенно в выходные дни. Среди водителей наверняка есть пьяные. Заходишь в придорожное кафе: пьют. Нагло, не скрываясь. В буфете, напротив поста ГАИ около Миллерова, даже стакана воды не возьмешь, зато алкоголя — сколько хочешь.

Я прошу: сделайте что-нибудь! Сделайте, что в ваших силах, чтобы горькая судьба моего друга не постигла вас, ваших друзей, мою семью, меня, просто наших с вами соотечественников — советских людей».

(Из письма инженера Г. ИОНЛЕВА, Московская область)

А. НИКИТИН, собственный корреспондент «ЛГ»

ПЬЯНЫЙ ЗА РУЛЕМ

Исследование аварии

«ВИЖУ впереди самосвал. Метров за десять он вильнул и прет на меня — прямо в лоб! Пьяный — надо к бровке... Только подумал: удар! Дверца — к черту. Стекло — в крошку. Руки в крови. И тянет, тянет меня вправо, к обочине. Тягу рулевую, должно быть, заклинило. А там откос — метра четыре, ручей и труба бетонная. Уперся обеими ногами в бугор из полу кабины, кручу изо всех сил влево. И затормозить не могу: ноги-то заняты... Метров тридцать на себе автобус тащил, кое-как остановился. Лег лицом на баранку: шок или не знаю что. Очнулся, спрашиваю: «Все нормально?» Народ мой кричит: «Смотрите, «Жигули»!» Неподалеку «Жигуленок», разбитый вдребезги, и самосвал этот самый. Стали людей вытаскивать. Там что-то страшное. Отправили мы раненых в больницу, пассажиров моих в другой автобус пересадили. Кричат из окон: «Спасибо, водитель!» Потом часы мне переслали с надписью: «Николаю Павловичу — от ленинградцев».

Шофер Н. Бородулин, который мне это рассказал, вез туристов из Ферапонтова в Кириллов. В «Жигулях» ехала на юг, в отпуск, семья Галковых. (Мне потом сказали: «О них вся Вытегра наша плачет». Оба врачами были в этом городке.)

Куда ехал водитель Кирилловского дорожно-строительного управления А. Платонов, сказать трудно. С утра он возил асфальт. Потом пересел к шоферу битумовоза Блинову. Они купили три бутылки «Вермута» и «Рябиновой». Одну из них выпили, и Платонов сел за руль, снова поехал за асфальтом. По дороге он подобрал известного забулдыгу — бывшего бульдозериста Паничева, тот ему взял еще одну бутылку. Возле Ферапонтова залетели в канаву. Вытащил их тракторист Разагатов. Видел, что шофер пьян, но сказал об этом не ему, а следователю, уже после аварии. В Ферапонтове Платонов и Паничев еще одного пьяницу подобрали — сторожа Коновалова. Тот купил еще одну бутылку, втроем распили ее в кабине. До катастрофы оставались минуты, в организме Платонова было 650 граммов плохого вина.

Когда-то он работал здесь же, в ДРСУ, был осужден на четыре года за пьяную аварию и сопротивление работнику ГАИ. Освободился, пришел сюда же.

Начальник ДРСУ тов. Еничев в беседе со мной не ссылался, как это обычно бывает, на дефицит шоферов, сказал честно: «Обойтись без него мы вполне могли. Просто пожалели. Мужик-то на возрасте. Неужели за ум не возьмется? Да ведь это наш общий долг — трудоустраивать людей, отбывших наказание...»

В марте нынешнего года ГАИ задерживает Платонова: пьян. ДРСУ пишет характеристику: чудо-богатырь, ангел во плоти, верните права. Вернули. Ладно. В мае механик отстраняет от работы: пьян. Пожурили, посадили за руль. Как это в библии: до семи ли раз прощать грешнику? Не до семи, но до семижды семи... А соседи говорят: вечно пьян, машину ставит на ночь у дома, гоняет на большой скорости, за ребятишек страшно.

Теперь Еничев просит: «Не ворошите вы эту историю, ведь только коллектив опомнился, мы тут такое пережили». Энергичный, способный руководитель. Коллектив, который дорогу чудесную здесь построил, — я-то помню, какие были хляби возле Кириллова. Может, и правда не надо? Приезжаю в областную ГАИ, говорят: «Уже после той истории мы еще у двух водителей ДРСУ права изъяли...»

Добренькие мы все. Гуманисты за чужой счет. Они Платонова жалели, теперь — себя, а — их. Кто пожалеет погибших?

ЧТО С НАМИ происходит, братцы? Пьяный за рулем? Ну и что? Отобрали у пьяного права и вернули? Ну и что?

Человек стрелял в толпе из ружья, махал ножом под носом у прохожих. У него отобрали оружие, охотничий билет, но не судили. Он же не убил никого, не ранил. Вы скажете: такого быть не может. Обязательно будут судить. За хулиганство, за опасность, которой он подвергал окружающих. А вывести на улицу 180 взбесившихся лошадиных сил — это менее опасно? В первый раз за это отберут права на несколько месяцев, на год. Во второй — на срок от двух до пяти лет. Многие говорят: законы против пьяных за рулем у нас чересчур мягкие.

В системе МВД СССР есть Всесоюзный научно-исследовательский институт безопасности дорожного движения (ВНИИБД). Начальник института В. Жулев, сотрудники Н. Волков и Н. Анисимова убедительно, опираясь на цифры, на статистику, доказали мне: беда не только в этом.

— Эффект приносит не столько ужесточение наказаний, сколько их неотвратимость. Надо, чтобы меры наказания — уголовные, экономические, административные, моральные — применялись неукоснительно. Их хватит, чтобы сделать жизнь пьяного за рулем невыносимой. А еще важнее не дать проступку дорасти до преступления. Профилактика — выделите это слово жирным шрифтом...

В сущности, не столько о карах надо вести речь, сколько о спасении. Нас — от пьяных за рулем, их — от самих себя. Разве инспектор, который отобрал бы права у Платонова за пять минут до катастрофы, не стал бы для него ангелом-хранителем? Во всяком случае, не провел бы тот остаток жизни в колонии строгого режима в постоянном сознании, что он убийца целой семьи...

СИЖУ в отделе кадров одной автобазы. Заведующая перебирает карточки. «Этот на учете у нарколога. Этот — четыре раза побывал в вытрезвителе» Шофер-алкоголик?! Шофер, который лечится без отрыва от производства? К этому тоже надо привыкать? Тогда давайте разрешим хирургу оперировать «под газом», летчику — садиться пьяным за штурвал самолета...

Видел в ГАИ слезное письмо с той же автобазы. Копия — в райком партии. Верните, мол, нашим грешникам права, а то план не выполним. Четкий машинописный текст, официальная печать. В переводе с бюрократического на русский просьба эта звучит так: чтобы нам справиться с планом, позвольте, граждане, задавить кое-кого из вас. Что задавят — сомнения нет. В ряде областей половина убитых и раненых в авариях — на совести пьяных водителей. С похмелья, что ли, писали эту бумагу?

ВНИИБД опросил несколько тысяч водителей, лишенных прав за нетрезвую езду. Был, в частности, вопрос: какие черты характера способствуют пьянству за рулем? Пишут: самоуверенность, распущенность, безответственность, подражание другим в пьянке и лихачестве. Знаете, этот автопортрет очень напоминает характеристику пресловутого «трудного подростка». А среди нарушителей преобладают не юнцы — мужики 26—40 лет. Откуда в них это затянувшееся ребячество? Опрос показал, что у большинства нарушителей невысокий уровень образования, хотя возможность достигнуть большего была: не в войну росли. Вот садится такой юноша, убоявшийся наук, за руль мощного автомобиля. На иной работе коллектив его бы обтесал, остепенил, а здесь он так и будет всю жизнь работать в одиночестве, сохраняя в себе черты недоросля.

Индивидуальный характер работы, свобода действий, присущая этой профессии, формируют у его товарищей прекрасные профессиональные качества: мужество, самостоятельность, инициативу, гордость собой и своим ремеслом. Ему же эта свобода не впрок. За ним, как за шкодливым пацаном, глаз да глаз нужен.

С. Зайчиков, заместитель начальника Главного управления ГАИ МВД СССР, напоминает, как выглядел шофер на заре автомобилизации:

— Кожаная куртка, очки, краги. Всегда чисто выбрит, трезв, немногословен, держится с особым достоинством. Окружен всеобщим уважением в народе: механик, специалист высокого класса, рабочий-интеллигент...

И сейчас на автобазах много таких людей. Вспомним шоферов — героев и лауреатов, самоотверженную работу водителей на уборке урожая, на великих стройках, на горных трассах Сибири или Памира. Но профессия стала едва ли не самой массовой в стране, она засорена случайными людьми. Коллектив, его сознательная часть, зачастую не может взять их под контроль, перевоспитать, подтянуть. Люди здесь разобщены не только характером работы, но и оплатой труда: индивидуальной сдельщиной, где «каждый за себя — один завгар за всех».

Есть Водители. И есть «шоферня». Есть Николай Бородулин, спасший двадцать четыре человека. Секунды, когда он «тащил автобус на себе» по краю откоса, можно назвать подвигом Водителя.

И есть Леонид Платонов. Он загубил пять жизней ради двух бутылок «Вермута». И пока это так, на автобазах необходим контроль. Жесткий, ежедневный, настойчивый.

НА АВТОБАЗЕ «Вологдапромстроя» мне показали интересный документ — журнал предрейсовых медицинских осмотров за три года. Читаешь — и видишь, как настойчиво, изо дня в день, здесь выжимают из коллектива дурные традиции, как сгибают пьяницам шею под ярмо закона. Осмотр каждый день, а записей в журнале все меньше, число «недопусков» сократилось по АТП вдвое. По числу пьяных аварий на сто машин коллектив на одном из последних мест по городу и области. Осмотры эти постепенно становятся просто проверкой здоровья водителей перед выездом.

Почему же не во всех гаражах заведены медосмотры? Министерство здравоохранения СССР издало приказ, по которому медики обслуживают только крупные автобазы. Но ведь пьяных безобразий больше как раз в мелких гаражах. Посмотрите, например, что в деревне делается. Половину аварий по своей вине трактористы совершают пьяными...

В 1978 году, писал журнал «Автомобильный транспорт», здравпункты отстранили от работы 165,8 тысячи водителей. Это сколько же человеческих жизней спасла «трубка Мохова — Шинкаренко»! От скольких пациентов избавила она больницы! Так стоит ли скупиться на медицинскую помощь в профилактике аварий?..

Тут, конечно, многое зависит от самих руководителей автобазы. Нет своего здравпункта, можно пригласить врача из ближайшей больницы в его свободное время, приплатить ему немного — окупится сторицей. Мне кажется, многие авторуководители не знают о мере своей ответственности за поведение подчиненных. Вот выпустили на линию пьяного шофера. В гущу людей на дорогах выстрелили живой бомбой. Она взорвалась. Руководство жалеет не убитых и покалеченных, а себя: «Ах, мы тут такое пережили: мне — строгий выговор, механика сняли...» Между прочим, кроме выговоров, есть и уголовная ответственность. Статья 211³ УК РСФСР: о выпуске машин с грубыми нарушениями правил эксплуатации. И разъяснение пленума Верховного суда СССР: допуск к рулю пьяного водителя относится к этим нарушениям.

В Читинской области свыше 60 процентов аварий совершают пьяные водители. В Бурятии и в некоторых областях — почти 50. Помнят ли тамошние прокуроры о существовании статьи 211³? Лежат ли комментарии к ней на рабочем столе автомобильных начальников? Не думаю. Осуждение по этой части статьи — факт редчайший.

Тысячи убитых и раненых на счету пьяных водителей сельского хозяйства, лесной промышленности. Многие тамошние нарушители на вопрос анкеты: «С кем пил?» — отвечают: «С руководителем». Этих начальников тоже жалеть будем?

В ОБЩЕМ контроль сверху абсолютно необходим. Но... не маловато ли его? Вот таксисты. Люди, как известно, во многих смыслах небезгрешные. Но чего не видел, так это пьяного таксиста за рулем. Один начальник таксопарка дал такое объяснение: «Контроль сбоку! Пассажир может позвонить в парк». Шоферы добавили: «У нас тут строго. Два «недопуска» — и будь здоров, забирай трудовую». Запомним мысль о «контроле сбоку». Она нам пригодится.

...Незадолго до аварии диспетчер потребовала от Платонова путевой лист, подписанный клиентом. Шофер много тогда прогуливал, ездил неведомо где. Он пригрозил диспетчеру: «Ты не возникай, а то худо будет. Ты знаешь, я в тюряге сидел». После аварии начальник упрекнул ее: «Что ты мне тогда ничего не сказала?» — «А я боялась».

В те дни Платонов возил асфальт в бригаду Г. Неязорова. Хороший коллектив, на бригадном подряде, бригадир — депутат местного Совета, трудяга, настоящий рабочий вожак. Кроме Платонова, асфальт сюда возили еще семь шоферов. Перебоев не было, и асфальтировщиков отлучки Платонова не особенно беспокоили. Водителей — тем более. Они на индивидуальной сдельщине, заработком не связаны.

Теперь представим себе: все — шоферы и дорожники — на одном подряде. Заработок — общий. Перед Платоновым не трусливая диспетчерша («контроль сверху»), а семнадцать здоровенных парней, обозленных необходимостью «обрабатывать» этого хануру («контроль сбоку»). Сказал бы он им про свое грозное прошлое? Ого... И, может быть, в итоге этой «милой» беседы вообще не стал бы трагическим тот день, в июне 1979 года...

Так почему шоферы не в бригаде? Не знаю — мне в ДРСУ ничего вразумительного не ответили.

Почему трест «Вологдапромстрой» не обеспечил работой, развалил две свои подрядные бригады шоферов? Ведь так хорошо все начиналось: дружная работа, прекрасные заработки и пьяниц в первые же дни из бригад повыставили.

Почему в Главмосавтотрансе и в Латвии на подряде — по 23 процента машин водителей-сдельщиков, а, скажем, в Таджикистане — всего от полутора до 3,5 процента? Ведь тамошние руководители тоже, поди, клянчат права для своих пьяниц. Бригадный подряд — это рост производительности труда на 15—20 процентов. Возьмите этот резерв и обойдитесь без алкоголиков!

В Главном управлении ГАИ МВД СССР мне сказали, что процент пьяных аварий на тысячу единиц транспорта по стране снижается. Это хорошо. Но и оставшийся процент — страшный, кровавый. За ним — боль, слезы, неутешное горе близких. Не должно быть такого процента! Нуль должен стоять на его месте в отчетах.

ИЗ ПИСЬМА — ПО СТРОЧКЕ

Наши законы в отношении пьяниц довольно гуманны. Правда, когда пьяный совершает преступление, закон к нему суров. Но разве пьянство само по себе — это не преступление?

Н. БОГДАНОВ
ПРИМОРСК Ленинградской обл.

Я посчитал, что в одной крупной области на лечение алкоголиков ежегодно должны тратиться миллионы рублей!

В. ЧЕЛЬЦОВ
МОСКВА

Ни для кого не секрет, что применяемые сегодня методы лечения алкоголизма недостаточно эффективны (а от пьянства мы ведь вообще не лечим). Необходимо разрабатывать и внедрять средства быстрого протрезвления и «опохмеления». Конечно, надобность в таких средствах исчезнет по мере успешного воспитания «культуры пития», но сейчас в них нужда острая.

И. СЫТИНСКИЙ
ЛЕНИНГРАД

У нас на заводе — на каждом шагу пивные ларьки, и поток туда не ослабевает на протяжении целого рабочего дня. А ведь рабочих рук не хватает.

С. П.
гор. ГОРЬКИЙ

На Большой Полянке, в доме 5—7 закрыли продовольственный магазин, где всегда можно было купить молоко, масло, сыр, крупы и т. д. Знаете, что теперь там? Специализированный винный магазин! С 11 утра там собираются десятки выпивох...

А. ВОЛОБРИНСКАЯ
МОСКВА

Думаю, нынешних алкоголиков уже не исправишь. Но необходимо бороться за здоровье молодежи, за тех детей, которые пока не пьют. Ведь они могут начать именно с самых опасных — дешевых крепленых вин. Разумно было бы совсем прекратить их производство.

П. ВАУЭР
ХАРЬКОВ

Уверен, что первым мероприятием борьбы с пьянством должно быть приведение в порядок пивных заведений. В них обслуживание должно быть поставлено на высокий культурный уровень, и тогда человек, находящийся в таком заведении, психологически не сможет напиться «до чертиков».

Б. ПРОЗОРОВ
МОСКВА

В некоторых странах запрещено показывать в вечерних передачах, которые смотрят подростки, курение и употребление алкоголя. Почему этого не можем сделать мы?

Ю. БИТЮЦКИЙ
ОДЕССА

ГЛАЗАМИ «КЛУБА ДС»

(ИЗ ЦИКЛА «НЕ ЛЕЗЬ В БУТЫЛКУ»)

Рисунок В. КАЗАНЕВСКОГО (КИЕВ)

Рисунок А. ПОМАЗНОВА

Александр ОСИПОВ

ХМЕЛЬНОЙ ПОЛДЕНЬ

Репортаж, начатый в магазине

ПРИЛАВОК винного магазина очередь в полдень штурмует особенно неистово.

— Шевелись, перерыв кончается... — поторапливают продавщицу покупатели...

Среди них — немало мужчин в рабочих комбинезонах и куртках. Этот люд к прилавку не подходит — отирается по углам. Знает: продавщица спиртное не отпустит. Выход один: передать деньги кому-нибудь в очереди. Такой хитрости не избежать. А сердобольные люди всегда найдутся.

Вот рабочий в спецовке вороватo сует пачку мятых рублевок осанистому покупателю и сразу отходит в сторону. Тот расплачивается, быстро передает водку просителю. Рабочий ловко рассовывает бутылки по карманам — и к выходу. Бегом пересекает оживленную улицу.

Во дворе жилого дома, который ремонтируют строители, собралась вся бригада. Дальше — путь в закусочную на улице Расковой. Еда на столе. Работница общепита в замызганном халате все понимает без слов. Услужливо приносит стаканы. Когда водка разлита, ловко подхватывает порожнюю посуду. Сотрапезники оживлены: обед удается на славу. Подгулявшая компания направляется к выходу. И здесь их останавливают сотрудники милиции...

— Так что заставляет вас пить в рабочее время? — в который раз спрашивает старший лейтенант С. Высокинский мастера специального хозрасчетного участка ремстройтреста Фрунзенского района Москвы В. Ланового и слесаря Е. Назарова. Те сидят молча.

— Василий Иванович, руководитель. Вдруг несчастный случай на производстве? Вам ведь отвечать! — пытается вразумить мастера работник милиции.

— Все пьют, — угрюмо бросает В. Лановой.

— Часто в вашей бригаде пьянствуют за обедом! — вопрос Е. Назарову.

— Раза два-три в неделю.

— Через день, выходит... А сегодня какой повод для выпивки? — продолжает старший лейтенант. Его собеседники, насупившись, молчат.

— Значит, сделаем так, — заключает С. Высокинский. — Вот вам бумага, ручки. Пишите объяснение.

Цитирую эти документы, сохраняя стиль:

«Я, Назаров Е. Ю., выпил во время работы, так как была холодная погода, был обед и для поднятия аппетита». «Я, Лановой В. И., выпил в рабочее время по причине окончания работы бригады на заданном стояке, которая кончила этот стояк раньше намеченного срока».

Быть может, не сегодня-завтра слесари-сантехники станут пировать по случаю каждого установленного водопроводного крана или унитаза. Но пока успехи хозрасчетного участка ремстройтреста более чем скромны. План трещит по швам. И не в расхлябанности ли, не в регулярных пьянках в рабочее время кроется одна из причин срыва производственных заданий!

Вернемся, однако, к объяснениям В. Ланового и Е. Назарова. Они ошеломляют своей обыденностью. «Собственно, о чем речь! — словно видится между строк. — Так было, есть и будет».

Но то, что не высказали рабочие ремстройтреста, простосердечно поведали нам маляры ремонтно-строительного управления треста «Тевмонтаж» Н. Гусев и А. Старых. «Отоварившись» в том же магазине спиртным, они пришли в Дом учащихся циркового училища, где ведут ремонт. Мы застали их в комнате, приспособленной под бытовку. На газете аккуратно разложена закуска.

— Не много ли пол-литра на двоих! — спрашивает майор милиции М. Дробышев.

Н. Гусев, человек немолодой, держится чинно, отвечает степенно. Всем своим видом дает понять, что приход непрошеных гостей все равно не испортит трапезы. Прежде чем разлить сорокаградусную по стаканам, он добродушно разглагольствует:

— Человека хлеб живит, а вино крепит. Вот я: пью в обед каждый день. Обычай дорогой, выпить по другой.

— Ясно, милые люди! — добавляет А. Старых, давая понять, что разговор окончен.

Впрочем, стоит ли благодушествовать? Минувшей весной Н. Гусева и А. Старых обсуждали в управлении за пьянку в рабочее время. Тогда ограничились предупреждением. Но урок не пошел им впрок. Трудятся они с прохладцей. Да и какая работа у подгулявшего человека!

— Две недели работают у нас маляры, — рассказывает заведующая Домом учащихся Л. Кузнецова. — То и дело застаем их за выпивкой. Хоть бы кто из строительного начальства к нам приехал, по[illegible]чили с [illegible]ом. А злостным убежденным пьяницам поручили работу в Доме учащихся, который населяет молодежь!

Хмельной полдень [illegible]шительно действует повсюду. При этом ничто так не потворствует пьяницам, как безнаказанность.

Ближайшая к экспериментальному комбинату «Спорт» столовая стала прибежищем для любителей спиртного. В обеденный перерыв [illegible] рабочие спокойно пьют здесь водку, купленную в соседнем магазине. Я видел, как многие выходят отсюда изрядно навеселе и спокойно направляются через проходную на комбинат. Вахтер без помех пропускает их на территорию комбината.

Несомненно, слесарям В. Матвееву, В. Стечу и А. Ларину, возвращавшимся после обеденного перерыва в подпитии, также удалось бы свободно миновать проходную. Если бы не работники милиции. Они вызвали начальника ремонтно-механического цеха М. Учителя. Тот принялся с ходу защищать захмелевших подчиненных. А те вели себя развязно, показывая, что, мол, все сойдет с рук, что каждый из них непременно выйдет сухим из воды. Уверенность эта, как показали дальнейшие события, держится на потворстве администрации.

— Бороться с пьяницами — дело милиции, — сказал нам главный инженер комбината Л. Фридман.

Но ведь недавнее постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве» напоминает: «При оценке деятельности руководителей подразделений исходить из того, что за состояние и укрепление трудовой дисциплины они отвечают так же, как и за выполнение плановых заданий».

Через два месяца после того, как в проходной были задержаны хмельные рабочие ремонтно-механического цеха, я позвонил Л. Фридману. Хотелось узнать, какой резонанс получил в коллективе этот досадный инцидент.

— Специального обсуждения мы не проводили, горит план, — объяснил главный инженер. — Но приказ, кажется, был. Обратитесь в отдел кадров.

— О случае с Матвеевым, Лариным, Стечем слышала, — дает справку заведующая отделом кадров Р. Прудникова. — Но никаких документов от начальника цеха к нам пока не поступало.

Вольготно пьяницам за спиной таких руководителей! Только какой прок от напившегося рабочего!

Хотелось бы, чтоб случай с рабочими ремонтно-механического цеха был исключением. Только это далеко не так. За одиннадцать месяцев прошлого года свыше тридцати работников комбината «Спорт» побывали в вытрезвителях. А сколько попадалось сотрудникам милиции в винном магазине в обеденный перерыв с водкой в кармане! Скольких задерживали с поличным во время возлияний! В списке — имена людей всяких возрастов и профессий. Даже должностей — от разнорабочего до начальника цеха.

Вообще кривая прогулов на комбинате неуклонно ползет вверх. В третьем квартале, например, 48 человек разбазарили 461 рабочий день. Это в шесть раз больше, чем в первом квартале.

Судя по документам, едва лишь треть побывавших в вытрезвителях держала публичный ответ в трудовом коллективе. Порой с предприятия в милицию шлют заведомые отписки о якобы принятых мерах.

За последнее время все большее значение приобрели комиссии по борьбе с пьянством. На многих московских предприятиях они стали важным средством общественного и правового воздействия. К сожалению, в ремонтно-строительном управлении треста «Тевмонтаж» и специальном хозрасчетном участке ремстройтреста Фрунзенского района эти комиссии влачат жалкое существование. Месяцами они не собираются на заседания. А ведь здесь немало любителей спиртного, нарушающих трудовую дисциплину.

...Снова полдень обычного рабочего дня. Тот же винный магазин, с которого мы начали рассказ. Мой спутник — работник милиции М. Дробышев — сегодня в штатском. К нему подходит парень в промасленной спецовке:

— Друг, возьми два пузырька, ребята ждут...

МАЛЕНЬКИЕ СЛУЖЕБНЫЕ ПОПОЙКИ

Картинка с натуры

В НАШИХ затянувшихся разговорах о беде, которую представляет собой пьянство, мы как-то часто забываем, с чего оно начинается.

По моим наблюдениям, на предприятиях и в учреждениях стал легальным обычай, которого совсем недавно еще не было: маленькие праздники в рабочее время в связи с днем рождения или с какой-нибудь другой хорошей датой кого-либо из сотрудников. Особенно это распространено в учреждениях, поскольку станков там нет и оторваться от дел всегда можно. За час до окончания работы собирается тесный кружок, который становится все теснее (в компании непременно оказывается и случайный человек — кто-либо из заранее неприглашенных сотрудников, который явился в кабинет по личному делу и был тут же награжден рюмкой или даже стаканом).

Конечно, плохо, что один час работы отдается безделью. Но опасность этих маленьких попоек гораздо больше, чем это можно себе представить. Прежде всего нарушается святость серьезного отношения к своим трудовым обязанностям. Вначале, несколько лет назад, запирали двери кабинетов, в которых поднимали тосты в честь маленького или большого юбилея. Тогда многие еще испытывали неловкость оттого, что пять или десять человек отрывались от дела и за рабочим столом разливали по стаканам. Теперь этого нет — компании стали гораздо крупнее, и кабинеты запираются уже не так тщательно.

Недавно в нашем коллективе отмечался юбилей одного из сотрудников. Он получил премию, и во время работы пригласил в комнату, в которой работает, сослуживцев и руководителей.

За устроенную им пьянку можно было бы спросить строго с него, но я его могу понять: такова традиция... Я могу понять и руководителей. Не прийти они не могли — было бы проявлением неуважения к ветерану. И запретить не могли — юбилеи, которые празднуются на работе, стали обычаем. Они справляются повсюду, и если бы руководители решились покончить с этой традицией, то многие могли бы подумать, что проявляется неуважение именно к сегодняшнему юбиляру.

И все-таки с пьянством на работе следует кончать. Прежде всего надо не бояться этого слова: в самом деле, разве это не пьянство, если вино разливают на рабочем месте в рабочее время!

Маленькие служебные попойки случаются часто. Чем крупнее коллектив, тем он дружнее, тем чаще празднуются юбилеи.

Я глубоко убежден, что многие начинают регулярно пить спиртные напитки именно этим безобидно-невинным способом. И кто поручится, что некоторые теперь уже созревшие алкоголики не начали свой бедственный путь именно на работе, в рабочее время, так сказать, с благими намерениями? И самое забавное: под тосты за хорошую работу...

В. БАРСУКОВ, инженер

УСЛОВИЯ ТВОРЧЕСТВА: ПСИХОЛОГИЯ И КЛИМАТ

ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА

Во всем мире все большее внимание привлекают к себе работники так называемого умственного труда, под которыми в первую очередь подразумеваются ученые, работники литературы и искусства, преподаватели вузов, инженеры... Как добиться, чтобы их труд был максимально продуктивным! О некоторых аспектах этой проблемы идет речь в публикуемых на этой странице материалах.

Физико - математическая школа новосибирского Академгородка. Лекцию школьникам читает директор Института теплофизики Сибирского отделения АН СССР, академик С. С. Кутателадзе.

Фото Т. БАЖЕНОВА

А. ПАВЛОВ

НАВАЖДЕНИЕ

ДАВНО известно: когда читаешь описание какой-либо болезни, непременно находишь ее у себя.

Тут, как-то попалась мне статья с перечислением симптомов недуга вовсе уж дикого-винного — «работомании». По мысли автора, «работомания» — это когда работа превращается в наваждение, в болезненную страсть, когда ничего, кроме работы, не замечаешь. Симптомы этой напасти такие: неодолимая жажда заниматься своей работой; склонность продолжать работу в свободное время, например, после окончания рабочего дня или во время отпуска; недостаточное внимание к семье и самому себе, связанное с тем, что ты одержим работой; постоянно грызущее тебя чувство вины перед близкими, обусловленное недостатком внимания, которое ты им уделяешь, и т. д. и т. п.

Господи, да ведь это же я! Это же обо мне! Честно сказать, я уже не помню, когда у меня было свободное время. Просто свободное. Вечно в голове у меня какой-то гул, что-то я все время обдумываю, решаю, вычисляю, прикидываю. Как ни странно, на работе, на службе заниматься этим некогда — в основном чертишь иди же считаешь. К тому же — всякие совещания, заседания... По-настоящему работать — думать! — можно лишь вечерами да в выходные. Или в отпуске, в командировке...

Началось это все у меня сразу после института. Помню, очень мне тогда захотелось, чтобы все меня ценным специалистом считали. Начал «вкалывать», что называется, на подную катушку. Но не век же такому быть. Думал: вот сделаю рывок, покажу себя, наберу высоту, а дальше легче будет, дальше от меня будут требовать лишь идей, за консультациями смиренно приходить, вся же черновая, техническая сторона — конкретные проработки по узлам и деталям, — естественно, на плечи других ляжет. Черта с два! Специалистом меня, конечно, признали, но от черновой работы никто не освободил. Да и сам я не очень-то своим коллегам доверяю. Всегда что-нибудь не так сделают. Получается, я сам себя наказываю: чем новее, чем оригинальнее придумываю конструкцию, тем больше возни с чертежами, с расчетами.

Отступать, однако, уже немыслимо. Назвался груздем — полезай в кузов. Надо поддерживать реноме. Тем более, что тебе без конца о нем напоминают. Скажем, замаячил на горизонте новый проект. Начальство тебя вызывает:

— Виктор Иванович, вся надежда на вас. Никто, кроме вас, с этим не справится.

Лестно, конечно, такое слышать. Ну и стараешься.

Каждый раз тешишь себя мыслью: вот этот проект одолеешь, а дальше начнется что-то новое, полегче будет... Но дальше то же самое продолжается...

Домашние уже привыкли: когда я дома — я хотя и есть, но меня как бы нет. «Где папа?» — «Папа работает. Не мешай».

Даже летом, в выходной, когда впору бы поваляться где-нибудь на берегу речки, по лесу с ребятами побродить, сидишь, как проклятый, обложившись литературой, либо же в библиотеку едешь.

Или взять лыжи. Хорошо, если раза два-три за зиму выберешься с сыном. А ведь лыжня под боком: вышел за калитку дачи — и дуй хоть десять, хоть двадцать километров.

Отчего так происходит? Я имею в виду — отчего у меня ни на что времени не хватает? Странно, что до сих пор я об этом как-то не задумывался... Просто считал такой порядок естественным... Теперь же, начиная раскидывать умом, я понимаю, отчего это так. С одной стороны, повторяю, мне очень хочется, чтобы меня считали хорошим специалистом. Так сказать, самолюбие подстегивает. Да и вообще я не настолько лишен чувства долга, чтобы делать все кое-как. А с другой стороны, я не настолько талантлив (увы, это надо признать), чтобы хорошая, по-настоящему хорошая, работа давалась мне легко.

Можно, конечно, изготовить проект и не так чтобы тап-ляп, однако и не затрачивая на него чересчур много сил — допустим, содрать большинство элементов с аналогичного позапрошлогоднего проекта или, скажем, пятилетней давности. И премию получишь. И семья тебя чаще будет видеть и слышать. Большинство так и поступает. Ты — нет. Что-то такое там у тебя внутри, чему и названия-то не отыскать (совесть?.. Слишком затасканное слово, да и неточное, однобокое). — что-то у тебя внутри не позволяет тебе это сделать. Этот внутренний голос тебе говорит: если копировать проекты, нарисованные пять лет назад, что же тогда называется техническим прогрессом? Да и то сказать, то, что делалось нашей конторой пять лет назад, уже тогда отставало от лучших образцов лет на десять. Что же — еще больше разрыв увеличивать? Вот и ломаешь голову, пыжишься изо всех сил. Потому как легко, с разбегу превысить мировой уровень тебе, естественно, не под силу. Не Эдисон. Не Кулибин. Начальство нервничает: хотя и считает тебя спецом, но вместе с тем — недотепой. Жена лицом темнеет...

Конечно, если рассуждать теоретически, есть выход из положения. Если бы все вокруг стали бы «маньяками» в том, что касается работы, то и «маньяком» быть, наверное, не потребовалось бы. Такой вот парадокс. Уходил бы домой ровно в пять, по звонку. Да и дома занимался бы с детишками, смотрел бы телевизор, а не ломал голову над устройством какого-нибудь там приемного бункера. Знал бы, что этот самый приемный бункер придумают Иванов, Петров или Сидоров — твои коллеги. И, между прочим, — в рабочее время.

Но это все теоретические рассуждения. Заставить Иванова, Петрова и Сидорова стать «маньяками», хотя бы временно (покуда контора не выйдет из прорыва), — невозможно. Утопия. Впрочем, официально, на бумаге, никакого прорыва и нет. Все благополучно.

Единственный выход из положения — самому с «маниейй расстаться. Работать, как все. Не выпендриваться.

И я начинаю работать, «как все». В общем-то, хитрость невелика. К тому же как-никак двадцатилетний опыт за плечами. Все ходы и выходы в нашей профессиональной премудрости мне известны. Как и предвидел я, сразу все становятся мною лояльны. Начальство мне руку жмет при встрече: ну вот, дескать, давно бы так. Вымпел передовика над моим кульманом красуется. О своих, домашних, я уж не говорю. Полное благоденствие в семье. Исполнение всех желаний. Все по четкому графику: раз в неделю — кино, раз в две недели — театр или там Дворец спорта... Ну, и дома, конечно, развлечения всякие, разговоры, чтение вслух...

И, что самое удивительное, сам я после этой перемены на так уж плохо себя чувствую. Никакого, что называется, душевного дискомфорта. Так эта статья на меня повлияла. Что за охота, в самом деле, быть идиотом!

И вдруг на пятый или шестой месяц этой великолепной жизни — срыв...

Как раз незадолго перед тем из зарубежной командировки наш завотделом вернулся. Естественно, сразу — всякие заседания, совещания. Как идут дела? Выясняется — хуже некуда. Начинаются персональные вызовы в кабинет к заву. Зав «озадачивает» своих подчиненных. Доходит и до меня очередь. Начальник обращается ко мне со своей традиционной фразой:

— Виктор Иванович, вся надежда на вас... Никто, кроме вас, не сумеет...

Я отвечаю ему этак бодро, по Райкину: «Бу-сделано!» И, естественно, принимаюсь за работу так, как уже привык за эти полгода: первым делом отыскиваю в архиве что-то подобное, появившееся на свет неважно в каком году...

Через несколько дней проект в общих чертах готов. Стою, любуюсь чертежной работой. «Сроки вам нужны? Нета! Пожалуйста! Вот вам сроки!»

Представляете себе картину? Конструктор, ударник труда — перед своим детищем, готовым вскорости воплотиться в металле.

И тут это вот самое и происходит. Эта самая чертовщина на Глядя на чертеж, я вдруг замечаю, что изображенный на нем агрегат сам собой преображается в какую-то гнусную физиономию. Есть у меня сосед по площадке, пьяница и хам. Так вот, что-то вроде его портрета... Физиономия начинает мне нагло подмигивать и при этом ухмыляется. Ярость охватывает меня, нет сил ее преодолеть...

Что произошло дальше, я не помню. Знаю лишь по рассказам коллег. Они говорят, будто я сорвал чертеж и в бешенстве стал его топтать. После сломал рейсшину и пытался повалить кульман. В общем, буйствовал. Меня отвезли в клинику.

...Спасибо, врач попался хороший, сам разобрался, что к чему, и мне объяснил. Долго я там не задержался.

Между прочим, выслушав мою исповедь, врач зацепился как раз за мою «работоманию». В ней усмотрел корень всего. В том, как я ее подавлял.

...Нет, не приспособлен я к этому... К тому, чтобы преступить чувство долга. Как у Пушкина говорится — «такова мой организм». Вернее, в данном случае — не такое. Не таков мой организм, не такова моя психика, чтобы пренебречь этим словом — «долг», чтобы наплевать на него и забыть.

Так что, видно, снова мне ходить в «маньяках». Но тут уж ничего не поделаешь — либо «маньяк», либо невротик. Я выбираю первое.

КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

СИМПТОМЫ «НЕДУГА»

Западногерманский невропатолог Г. Ментцель опубликовал недавно в журнале «Штерн» анкету, которая, по его мнению, призвана выявить людей (главным образом из числа тех, кто занимается умственным трудом), страдающих так называемой «работоманией». Вопросы в этой анкете такие:

1. Ощущаете ли вы после начала работы неодолимую потребность продолжать трудиться?
2. Свойственна ли вам тороплидрость в работе? Вызывает ли она состояние эйфории?
3. Работаете ли вы в свободное время и в отпуске?
4. Работаете ли вы главным образом по вечерам?
5. Часто ли вы думаете о своей работе на досуге?
6. Пытались ли вы хотя бы время от времени не работать?
7. Пытались ли вы придерживаться какой-то определенной системы в работе — например, работать только в определенные часы?
8. Делаете ли вы работу, которую мог бы делать человек более низкой квалификации?
9. Пренебрегаете ли вы своим питанием?
10. Испытываете ли вы ощущение вины от того, что, всецело отдаваясь работе, недостаточно внимания уделяете семье, а также пренебрегаете личными интересами?
11. Ощущаете ли вы стыд в связи с тем, что, помимо работы, в вас ни на что не находится времени?
12. Любите ли вы, чтобы другие люди выражали вам свое сочувствие в связи с тем, что вы так много работаете?
13. Чувствуете ли вы себя «неприкаянным», когда над вами не довлеют сроки и обязательства?
14. Прибегаете ли вы не всякого рода глубокомысленным объяснениям, чтобы «подвести базу» под вашу привычку чрезмерно много работать (например, некоторые говорят: «Если хочешь чего-то достичь в жизни, надо трудиться, не жалея сил», другие — «Надо жертвовать собой...» и т. д.)?
15. Проявляете ли вы нетерпимость по отношению к тем людям, чей стиль работы отличен от вашего?
16. Снизилась ли по сравнению с прошлым производительность вашего труда?
17. Произошли ли какие-либо изменения в вашей семейной жизни в связи с вашей одержимостью работой?
18. Часто ли вы меняете место работы или сферу деятельности (в поисках новых возможностей для проявления своей одержимости работой)?
19. Превратилась ли для вас работа в тяжкую привычку, которой вы не в силах противостоять?

Тот, кто ответит «да» хотя бы на пять вопросов анкеты, тот, по мнению Г. Ментцеля, рискует заболеть «работоманией». Ответивший положительно более чем на десять вопросов почти наверняка является «работоманом».

Способ лечения может быть только один — найти правильное соотношение между работой и досугом.

Г. Ментцель, адресуют свои анкеты непосредственно «больным», призывая их критически оценить свое поведение, и дают им рекомендации, как это поведение изменить. Уже одно это говорит, что в действительности под «больными» подразумеваются люди вполне здоровые: ни один настоящий больной не может критически отнестись к своему состоянию. Задавать ему такого рода вопросы бессмысленно. Так же как и давать подобные советы. Это, как говорится, азы психиатрии.

Наконец, авторы представления о «работомании» не принимают в расчет один из главных принципов современной медицины: всякая болезнь ставит человека — физически и психологически — в зависимое положение. Физическая зависимость представляет угрозу его жизни, психологическая — отрицательно влияет на его положение в обществе. Ни того, ни другого мы не наблюдаем у людей, увлеченных работой. Неумеренная работа нередко вызывает переутомление? Но в таких случаях достаточно переключиться на отдых или на другой вид деятельности, чтобы переутомление прошло. Что касается социальной ценности личности, то она определяется не в соответствии с концепцией «работомании», а прямо противоположным образом. Общественный престиж человеке (я имею в виду здорового человека) находится в прямой зависимости от его работоспособности. По крайней мере это полностью относится к социалистическому обществу (а обществе буржуазном понятие «ценность личности» вообще извращено до предела).

Кстати, этот же критерий — степень сохранения работоспособности — вречи во всем мире, а том числе и психиатры, рассматривают как меру здоровья данного человека, а никак не необорот.

Одним словом, я не могу рассматривать представление о «работомании» как о некоем психическом недуге всерьез. В условиях западного мире разговоры о такой «болезни» — это главным образом одна из «современных» разновидностей традиционного негативного отношение к труду, характерного для буржуазного образа мышления и образе жизни. В условиях нынешнего «потребительского общества» такое отношение получает, как говорится, дополнительный импульс.

Вместе с тем, если отвлечься от буржуазной действительности, некоторое рациональное зерно в представлении о «работомании» все же имеется. Я рассматриваю это представление как своего рода метафору, как гротеск, у которого, однако, есть некоторая реальная основа. Дело в том, что некоторые люди действительно не умеют рациональным образом организовать свой труд, разумно распределить время между работой и отдыхом, вовремя «отключиться». Дело не то что «не умеют». Сам характер работы подчас не позволяет им это сделать. Особенно это относится к людям умственного труде (Ясно, что и в анкетах, подобных анкете Г. Ментцеля, речь идет главным образом о них: ведь никто не берет с собой на уик-энд прокатный стан, а в отпуск — доменную печь.) Так вот, сама природа умственного труда нередко предрасполагает ко всякого рода «злоупотреблениям». Ученый, творчески мыслящий инженер сплошь и рядом не в состоянии «уложиться» в рамки какого-то определенного рабочего дня. Напротив, рабочий день может пройти у них впустую (разумеется, в творческом отношении; это не значит, что на своем рабочем месте они ничего не делают), а где-нибудь по дороге домой или, допустим, за ужином, а то и в театре, в кино их вдруг «осеняет» — приходит какая-то счастливая идея. И вот уже весь последующий вечер и ночь (а бывает — ряд вечеров и ночей) посвящаются «проработке» этой идеи, проверке, развитию и т. д. Если идея имеет непосредственное отношение к тому, чем человек занят в своем учреждении, тогда его рабочий день растягивается чуть ли не на сутки. Если же совпадения с «интересами производства» нет, тогда ему вообще приходится «разрываться» между двумя сферами деятельности, и это делает его рабочий режим особенно напряженным.

Я уже не говорю о теких профессиях, как писатель, журналист, художник, композитор, музыкант, для которых понятие «рабочий день» вообще в ряде случаев неприменимо. Все, что я сказал выше об ученом и инженере, относится к представителям этих профессий в еще большей степени.

Естественно, такого рода деятельность легко может быть отнесена к «работомании». И, естественно, никакого отношения к болезни она в действительности не имеет. Так было всегда — всегда человек, увлеченный творчеством, ломал все и всяческие распорядки и графики, предписывающие «размеренный» режим труде. Так нередко бывает и сейчас. Дело доходит до того, что, например, в больнице Академии наук, как мне говорили, пациенты почти поголовно обнаруживают стремление продолжать работу, даже находясь в стенах этого учреждение.

Можно ли утверждать, что такой «беспорядочный распорядок» работы приводит бесследно для здоровья? Разумеется, нет. (Кстати, во многих странах некоторые творческие профессии, например профессия журналиста, официально отнесены к категории вредных — со всеми полагающимися для такого рода профессий льготами.) Именно поэтому я и сказал, что проблеме существует. Но какие могут быть рекомендации по уменьшению вреде от «ненормированной» работы, сказать трудно. Конечно, на составляет труда в административном порядке воспрепятствовать продолжению работы неходящимся не излечении в той же больнице. Однако в других случаях, когда человек предоставлен самому себе, никакие административные меры, естественно, невозможны. По-видимому, тут необходим индивидуальный подход, индивидуальные рекомендации — и на основании медицинских знаний, и на основании сведений, которые нам должне предоставлять социология умственного труде (и которые она, к сожалению, дает нем пока в весьме скудном количестве).

А вообще человек, увлеченный работой, — неважно какой, умственной или физической, — делающий ее «не совесть», не меньше, чем кто-либо другой, вправе рассчитывать на всемерную помощь в деле сохранения своего здоровья (причем, такого сохранения, которое бы не повлекло за собой отказе от увлеченности). Ведь именно такой человек — наиболее ценный член общества. Я, разумеется, имею в виду наше, социалистическое общество.

Наконец, еще один момент, не который я хотел бы обратить внимание читателя. Все, что я сказал выше о специфика так называемого умственного труда, относится главным образом к традиционной форме этого труда — когда человек работает в одиночку. Конечно, для многих профессий — например, писателя, композиторе, художника — труд и сейчас сохраняет эту специфику. Вместе с тем в ряде других областей — допустим, в сфере научного, технического творчества — работа обретает все более ярко выраженный коллективный хврактер. И здесь чрезмерная нагрузке, которую подчас несут отдельные работники, свидетельствует не просто об их неумении организовать свой собственный рабочий режим, но и о существенных изъянах в организации труде всего данного коллектива. Резве не знакомы нам ситуации, когда неспособные и нерадивые работники выезжают, как говорится, «на чужом горбу» (задания-то коллектив так или иначе должен выполнять)?

В заключение я хотел бы сказать следующее. Увлеченность своим трудом — одно из тех драгоценных качеств, которые наше общество стремится воспитать в человеке. Важно только, чтобы это была именно увлеченность, а не механическая запрограммированность робота, за которой скрываются духовная бедность и узость, боязнь досуга (как результат неумения заполнить его), издержки организации труда соответствующего коллектива...

А. ПОРТНОВ, профессор, доктор медицинских наук

НЕТ ТАКОЙ БОЛЕЗНИ!

Действительно ли перечень «болезней века» пополнился еще одним недугом — «работоманией»? По просьбе корреспондента «ЛГ» Р. Тумановского на этот вопрос отвечает известный советский психиатр профессор А. Портнов.

АНКЕТА ЛГ

КАК ВАМ РАБОТАЕТСЯ?

В нашей стране сотни тысяч людей занимаются творческим трудом в области науки и техники. Создать для их работы оптимальные условия — значит во многом способствовать повышению ее эффективности.

Однако, чтобы составить более или менее ясное представление о том, что таков «оптимальные условия», необходимы специальные исследования.

В 1970 году группа социологов Института истории естествознания и техники Академии наук СССР, изучающая проблемы повышения производительности умственного труда, и редакция «Литературной газеты» провели анкету среди научных работников, преподавателей вузов, инженеров — читателей «ЛГ». Отчет о результатах опроса был в свое время опубликован в газете.

Сегодня, 10 лет спустя, представляется целесообразным повторить такой опрос, с тем чтобы посмотреть, что же изменилось за минувший срок. Публикуемая ниже анкета в точности воспроизводит текст, напечатанный в газете 10 лет назад. Заполненную анкету (подчеркнуть предлагаемый ответ или одновременно несколько ответов) следует вырезать и послать в редакцию «Литературной газеты». Отчет о результатах опроса будет опубликован после обработки анкет, поступивших в редакцию до 1 апреля с. г.

Мы просим вас ответить на такие вопросы:

1. ГДЕ ВАМ, КАК ТВОРЧЕСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ, ЛУЧШЕ ВСЕГО РАБОТАЕТСЯ?

1.1. В своем учреждении.
1.2. В библиотеке.
1.3. Дома.

2. КАКУЮ ОБСТАНОВКУ И, СООТВЕТСТВЕННО, КАКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ БЛАГОТВОРНЫМИ ДЛЯ РАБОТЫ?

2.1. Одиночество и полный покой.
2.2. Эпизодические контакты с коллегами.
2.3. Систематические контакты с коллегами.

3. ЧЕРЕЗ КАКИЕ КАНАЛЫ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ НАИБОЛЕЕ ЦЕННУЮ ДЛЯ ВАС ИНФОРМАЦИЮ?

3.1. Чтение общей литературы.
3.2. Чтение специальной литературы.
3.3. Реферативные журналы, экспресс-информация и другие издания ВИНИТИ, ИНИОН и т. д.
3.4. Научно-популярные издания.
3.5. Экспериментальные исследования.
3.4. Экспедиции, творческие командировки.
3.7. Творческие встречи, симпозиумы, конференции.
3.8. Случайные встречи и беседы с людьми.
3.9. Средства массовой информации (печать, радио, телевидение).

4. КАКИЕ СТИМУЛЫ ИМЕЮТ ДЛЯ ВАШЕЙ РАБОТЫ НАИБОЛЬШЕЕ ЗНАЧЕНИЕ?

4.1. Удовлетворение от самого процесса познания и творчества.
4.2. Мнение непосредственных руководителей.
4.3. Мнение коллег.
4.4. Мнение близких людей.
4.5. Признание широкой общественности (известность).
4.4. Материальные стимулы.

5. КАКИЕ ИЗМЕРИТЕЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАИБОЛЕЕ ПРИЕМЛЕМЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПРОДУКТИВНОСТИ ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА?

5.1. Количество публикаций.
5.2. Доля публикаций, получивших признание широкого читателя.
5.3. Доля публикаций, получивших признание специалистов.
5.4. Количество ссылок на ваши работы в работах других авторов.
5.5. Полученный экономический эффект.
5.6. Полученный социальный эффект (не измеряемый экономически).
5.7. Наличие учеников и последователей.

6. ЧТО В НАИБОЛЬШЕЙ МЕРЕ СНИЖАЕТ ПРОДУКТИВНОСТЬ ВАШЕЙ РАБОТЫ?

6.1. Отсутствие тишины, внешние раздражители.
6.2. Телефонные звонки.
6.3. Заседания и совещания, административные обязанности.
6.4. Перегрузка общественной работой.
6.5. Неинтересная тематика.
6.6. Многотемье.
6.7. Чрезмерно большой объем работы.
6.8. Обстановка и взаимоотношения в учреждении, в микроколлективе.
6.9. Нехватка вспомогательного и обслуживающего персонала.
6.10. Нехватка оборудования и материалов.
6.11. Незнание иностранных языков.

7. КАКИЕ СРЕДСТВА ОРГТЕХНИКИ ВАМ БОЛЕЕ ВСЕГО НЕОБХОДИМЫ?

7.1. Пишущая машинка.
7.2. Телефон.
7.3. Магнитофон (диктофон).
7.4. Множительный (копировальный) аппарат.
7.5. Настольная счетная машина.
7.6. Электронная вычислительная машина.

8. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАПОЛНЯЮЩЕМ АНКЕТУ.

8.1. Пол.
8.2. Возраст.
8.3. Образование, ученая степень, звание.
8.4. Профессия.
8.5. Должность.

Благодарим вас.

ВИРАЖИ КОНФРОНТАЦИИ

О «СЕРОМ КАРДИНАЛЕ» БЕЛОГО ДОМА

Геннадий ГЕРАСИМОВ, политический обозреватель АПН

ОН «ДАВНО уже уделял особое внимание Афганистану. С июля прошлого года он считал левый режим в Афганистане уязвимым перед мятежниками, и ему доставляло удовольствие намекать, не говоря этого прямо, что Соединенные Штаты, возможно, скрытно помогают этим мятежникам».

Так рассказывает еженедельник «Тайм» в номере от 14 января о Збигневе Бжезинском, помощнике президента по вопросам национальной безопасности, именуемом среди своих и в американской печати «Збигом». Западногерманский журнал «Штерн» отмечает вместе с другими, что «ни один министр, ни один советник не стоит так близко к Джимми, как Збиг». Его называют «серым кардиналом» Белого дома. Изгибы Збига видны в предшествующих колебаниях и зигзагах американской внешней политики и в ее нынешнем повороте к конфронтации.

ПОЛОЖЕНИЕ

Обозреватели долго и подробно обсуждали, кто же на деле определяет внешнюю политику Вашингтона: государственный секретарь Сайрус Вэнс, как это ему по должности и положено, или же Збиг. Авторы этих статей отмечали не только и не столько несходство характеров, сколько существенные различия в подходе к внешнеполитическим проблемам — прежде всего к отношениям с Советским Союзом. Например, бывший заместитель государственного секретаря Джордж Болл писал, что помощник президента «выступает с совершенно иных философских позиций», чем государственный секретарь. Указывалось, что в итоге американская внешняя политика часто напоминала Тяни-Толкая, затрудняющегося, будучи о двух головах, сообразить, куда двигаться.

На сегодня спор можно считать завершенным. Ричард Бэрт из «Нью-Йорк таймс» свидетельствует: «Как поклонники, так и критики энергичного профессора из Колумбийского университета считают, что он стал доминирующей силой в аппарате внешней политики». Вэнс, кстати, заявляет, что твердо решил уйти в отставку с окончанием срока полномочий нынешней администрации. Предсказывают, что в случае победы Картера на ноябрьских выборах он назначит Бжезинского государственным секретарем.

«Теперь Збигнев Бжезинский — в центре сцены», — констатирует обозреватель «Нью-Йорк таймс» Уильям Сафайр.

Поэтому объяснимо и оправданно особое внимание со стороны общественности и прессы к его взглядам и самой личности.

Сам Бжезинский говорит, что, наверное, является «приводным ремнем» от «тех, кто действительно пользуется властью и правит» И уточняет, что имеет в виду «тех, кто контролирует главные министерства, главные банки, главные корпорации».

Проще говоря, перед нами — ставленник монополий.

КАРЬЕРА

Наш герой родился в 1928 году в Варшаве в семье дипломата буржуазной Польши. В 1938 году отца назначили генеральным консулом в Канаде, где тот и остался, не желая возвращаться в новую Польшу.

Збигнев закончил Макгилский университет в Монреале и отправился в США добиваться места в Гарвардском университете. Однако именно это место досталось другому молодому профессору — Генри Киссинджеру, ставшему предшественником Бжезинского на посту помощника президента по вопросам национальной безопасности.

Бжезинский отправился в Колумбийский университет и в 1961 году стал директором только что созданного Института по изучению коммунизма.

В 1975 году этот институт был преобразован в более широкий Институт по исследованию международных перемен. Бжезинский говорил тогда мне, что «посчастливилось получить средства на расширение» его института.

Бжезинский писал книги, статьи, выступал регулярно с комментариями в еженедельнике «Ньюсуик» — словом, старался постоянно «быть на виду» не только в академическом, но и в политическом мире.

Старый знакомый Бжезинского профессор Стэнли Хоффман, который учился вместе с героем нашего очерка, вспоминает, что тот всегда ставил свои занятия наукой в подчиненное положение и был готов «проституировать талант ради получения власти».

— У него всегда была ясная точка зрения на этот счет, — говорит Хоффман. — Давным-давно он заявил мне, что меньше всего ему хотелось бы стать просто известным рассеянным профессором. Он сказал мне буквально следующее: «Ни в коем случае не следует допускать, чтобы вас заживо похоронили в университете».

Час Бжезинского пробил в 1973 году, когда группа американских финансистов и промышленников создала так называемую Трехстороннюю комиссию. В эту частную организацию было приглашено около двухсот представителей крупнейших международных корпораций, банков, ряд ученых, юристов. Возглавить комиссию и вести ее дела предложили энергичному специалисту по борьбе с коммунизмом Збигневу Бжезинскому.

Целью комиссии было «выявлять заранее возможные социальные кризисы и готовить программы мер по их преодолению» Это было нечто вроде самозваного «генерального штаба», занятого разработкой мер по торможению исторического процесса, защите и сохранению позиций международного капитала в наше время социальных преобразований и национально-освободительного движения.

Называлась комиссия «Трехсторонней» потому, что одной из ее главных идей было объединение сих трех сосредоточений капитализма в современном мире: Соединенных Штатов, Западной Европы и Японии.

Члены комиссии встречались приблизительно раз в 9 месяцев для обсуждения тех или иных международных проблем. Комиссия нанимала группы профессоров и экспертов для сочинения пухлых предварительных докладов на такие темы, как, скажем, «Навстречу обновленной мировой валютной системе».

При подборе состава комиссии встал вопрос о том, кто мог бы представлять в ней интересы американских южных штатов. Выбор пал на губернатора штата Джорджия Джимми Картера. Тот стал стараться, и Бжезинский публично похвалил его с трибуны на пленарном заседании в Киото в Японии в 1975 году. Сильные мира американского получили возможность присмотреться к малоизвестному губернатору. Картер получил возможность «выхода в свет» из своей «глубинки», его деятельность в международной комиссии сдувала с него провинциальную пыль, создавала репутацию знающего человека с широкими интересами, возможно даже достойного кресла президента.

Сейчас Картер — президент, Збигнев — его помощник, а члены Трехсторонней комиссии занимают также посты вице-президента, государственного секретаря, министра обороны — всего 13 членов комиссии получили высокие посты в администрации Картера. Не комиссия, а питомник руководящих деятелей или почти заговор...

Один из членов комиссии говорит:

— Если бы Картера не избрали, вы никогда бы уже и не услышали о Трехсторонней комиссии. Она бы, наверное, провалилась на самое дно океана, как все подобные начинания.

Это только наивным избирателям внушали, что власть в Вашингтоне «обновилась», поскольку появились новые лица. Лица-то частично новые, но власть имущие имели возможность к ним присмотреться, их одобрить и благословить.

В то же время Бжезинский прав, говоря, что «каждая администрация накладывает свой отпечаток на внешнюю политику». К сегодняшнему «отпечатку» он имеет самое прямое отношение. Поэтому важно знать, как он оценивает современный мир.

ВЗГЛЯДЫ

О ходе мыслей героя очерка можно судить по ответу Бжезинского на вопрос корреспондента о причинах, почему в разных странах так много действий направлено против Соединенных Штатов.

Бжезинский «глубокомысленно» ответил:

— Это можно свести к самым элементарным человеческим эмоциям: к обиде, стремлению превзойти, стремлению подорвать.

А как насчет империалистической, гегемонистской политики?

В 1976 году Бжезинский подготовил рукопись книги «Америка во враждебном мире». Основная глава была опубликована в летнем номере журнала «Форин полиси» за 1976 год.

В этом сочинении Бжезинский писал об изоляции Америки в мире и предостерегал американских политиков против претензий быть образцом «либеральной демократии», против морали во внешней политике.

Когда номер журнала с этой статьей рассылался подписчикам, шла предвыборная борьба за Белый дом, и Бжезинский готовил кандидату Картеру речи по внешней политике. Центральной в них была мысль о важности привнесения в американскую внешнюю политику темы «прав человека».

Таким образом, Бжезинский одновременно говорил противоположные вещи. Он почувствовал, что Америка истосковалась по моральным ценностям после потрясений «грязной» войны во Вьетнаме (которую, кстати сказать, Бжезинский в свое время активно поддерживал), после разоблачения грязных трюков ЦРУ и ФБР, наконец, после позора так называемого «Уотергейтского дела», подорвавшего уважение к центральной власти и к механизму американской демократии вообще. Американцам хотелось «очиститься», снова обрести веру в свою страну, и разглагольствования о «правах человека» оказались «яичком ко Христову дню».

Бжезинский приостанавливает публикацию книги. Она оказалась бы явно не ко времени и продемонстрировала бы, что рассуждения автора сугубо конъюнктурны и гораздо ближе к политическим расчетам, чем к поискам истины.

Этот эпизод иллюстрирует талант Бжезинского пускать псевдоинтеллектуальную пыль в глаза. Он хорошо владеет тем особым «концептуальным» языком, на котором изъясняются американские социологи и политологи.

Например, одно из его прилипчивых изобретений — фраза о «дуге кризиса». Народы Эфиопии, НДРИ, Ирана, Афганистана в разных условиях, каждый по-своему, вступили на путь национального возрождения. Обнаружив на карте, что эти страны друг от друга неподалеку, и, возможно, пожалев, что Никарагуа «не вписывается», Бжезинский смелым мазком создает «дугу кризиса». И вот уже на метафоре строится политика, вернее, ею оправдывается, хотя при чем тут не только «дуга», но и «кризис»? Для кого, скажем, «кризис» — падение шаха иранского?

Бжезинский играет терминами и придуманными им неологизмами, как дитя кубиками, выкладывая их этажами «теоретических» построений, на первый взгляд устойчивых, на поверку — эфемерных и хрупких. Например, его главное теоретическое достижение — разъяснение несведущему миру, что тот вступил в «технотронную эру». В книге «Между двумя эпохами» Бжезинский предложил собственную схему общественного развития, заявив, что нынешнее общество «трансформируется» в «технотронное» в ходе развития техники и особенно — электроники, дающей власть тем, кто управляет информацией. В таком обществе идеология сходит на нет, поскольку сознание людей будет полностью контролироваться с помощью новейших средств массовой информации.

В схеме Бжезинского оригинальны только название да некоторые детали. В целом же она повторяет другие схемы, придуманные другими учеными защитниками капитализма. Рецензентам, например, было нелегко обнаружить разницу между «технотронной эрой» и более ранним «фразоизобретением» — «постиндустриальным обществом». Журнал «Сайенс» не без ехидства заметил, что периодизация, предложенная Бжезинским, «не проливает особого света на проблему; в любом случае фраза не привилась». И действительно, «технотронная эра» уже канула в Лету, и ее не спас даже нынешний пост автора.

Подобные схемы сочиняются, чтобы подменить марксистскую теорию развития общества от капитализма к социализму и коммунизму. Дескать, впереди не социализм, а «технотронное» общество.

В рассуждениях Бжезинского о будущем есть и другая любопытная сторона. В той же книге «Между двумя эпохами» — несомненно, главном сочинении — автор предупреждает об угрозе демократии со стороны «элиты, которая не колеблясь будет добиваться своих политических целей, используя новейшую технику для оказания влияния на общественное поведение и для пристального наблюдения и контроля над людьми».

Американские критики Бжезинского считают, что здесь он выступает в роли провокатора: его самого такая «угроза» устраивает, ведь, ссылаясь на «угрозу демократии», Бжезинский требует принять меры защиты, фактически означающие отказ от буржуазной демократии.

Американский журналист Крейг Карпел в этой связи сравнив Бжезинского с «выколачивателем долгов при ростовщике» Бандюга приходит к задолжавшему лавочнику и сообщает, что знает людей, которые собираются перебить ему обе ноги. Лавочник бежит в полицию жаловаться. Полицейский спрашивает бандюгу:

— Ты угрожал этому человеку, что собираешься перебить ему ноги?

— Как раз наоборот, — отвечает верзила — Я только предупредил его, что кое-кто собирается это сделать.

«Угрозу демократии», о которой идет речь, Бжезинский приветствует уже с 1967 года как обоснование необходимости создания так называемого «докризисного управления», то есть сильной власти, заранее пресекающей все попытки ее [illegible].

Свои реакционные [illegible] Бжезинский [illegible] в статье «Революция и конт[illegible]», опубликованной в [illegible] «Нью рипаблик» в 19[illegible] году. Весной того года в [illegible] университете прошли студенческие волнения, и Бжезинский критиковал [illegible] университета за «[illegible] законность», мягкотелость и прочие грехи [illegible].

«Важно учитывать, — поучал воинственный Збиг, — что силу следует использовать не только для уничтожения видимой и явной революционной угрозы, но и для обеспечения того, чтобы революционные силы не смогли воспрянуть вновь под тем же руководством. Если это руководство невозможно ликвидировать физически, его по крайней мере можно выслать из страны или из той местности, где происходит революция».

Статья вызвала в свое время бурю протестов, и Бжезинский с тех пор стал осторожнее в своих высказываниях.

НАМЕРЕНИЯ

При всей противоречивости отдельных заявлений Бжезинского и при всей внешней экзотике изобретаемых им «теорий» мировоззрение у него весьма определенное. Обозреватель Джозеф Крафт пишет, что Бжезинским движет «подозрение, даже отвращение к Советскому Союзу... Он занимал последовательно антисоветские позиции». Это универсальная оценка политической позиции Бжезинского как сугубо антисоветской.

В 1975 году он позволил мне процитировать в «Литературной газете» следующее заявление: «Разрядка — это реальность. И у нее неизбежны взлеты и падения». Ныне в своей практической деятельности он специализируется по части «падений».

Возьмем, например, сферу торговли. В статье, опубликованной в журнале «Форин афферс» еще в 1974 году, Бжезинский пугал американских бизнесменов: ведя дела с Советским Союзом, они тем самым «одновременно укрепляют советскую политическую систему». Иными словами, он отрицал взаимовыгодный характер советско-американской торговли.

Чуть позже, в беседе со мною, он признавал, что торговля будет «естественным образом» возрастать, но предсказывал, что это будет происходить «не очень-то быстро». Теперь на торговых путях «неестественным образом», по раздражению и прихоти вырыт противоторговый ров — наверняка не без его активного участия.

Бжезинский мечтает рассорить народы Советского Союза. В одной из своих статей под названием «Политические выводы из советских национальных проблем» он возмущался тем, что «в ряде наших радиопередач на Советский Союз с национальными проблемами обращались исключительно сдержанно, а в американском правительстве почти [illegible] дискуссий и [illegible] действий [illegible].

[illegible] сотрудничество. [illegible] книге [illegible]. За более [illegible] концепцию роли А[illegible] в Европе» Бжезинский признавал, что «Запад не может [illegible] коммуни[illegible] в Восточной Европе путем прямой политической [illegible]». Но не мытьем, так катаньем — «покончить» надо. И он предлагает политику «эрозии», ослабления и подрыва социалистических стран с помощью пропаганды, стимулирования так называемых «эволюционных изменений».

Бжезинский, любящий блеснуть своей начитанностью, говорит: «В свете наших нынешних забот уместно помнить о Фашоде». Фашода в Судане в конце прошлого века стала местом конфронтации английских и французских колонизаторов в борьбе за долину Нила. Французам пришлось уйти. И вот под этот эпизод времен колониального дележа мира Бжезинский подгоняет мир сегодняшний. Как самый унылый консерватор, он на любые события в мире накладывает схему американо-советской конфронтации. Если Ангола, или Эфиопия, или Афганистан в своей борьбе за независимость обращаются за поддержкой к Советскому Союзу — значит, Америке бросают «геостратегический вызов». Вроде бы, с одной стороны, признавая неизбежность перемен, даже переименовывая соответствующим образом свой институт, Бжезинский так и не в силах сойти с проторенной идеологической дорожки узколобого антисоветизма, объявляющего «руку Москвы» источником всех перемен. В результате, например, вместо того, чтобы проанализировать характер претензий Ирана к США, американская администрация стремится восстановить там прежние позиции и для этого пугает Иран «угрозой с Севера» и предлагает помощь против этой «угрозы». Вместо того, чтобы оставить Афганистан в покое, Вашингтон бросается вооружать Пакистан и афганских мятежников, объявляя о возникновении в этой гористой стране, которая от Америки за тридевять земель, непосредственной угрозы для безопасности Соединенных Штатов.

Нелепо видеть Фашоду в Иране или в Афганистане, события там принципиально отличны от событий в Судане в 1898 году. И о Фашоде я не стал бы упоминать, если бы это была лишь игра ума. Но это еще и политика — политика подавления освободительного движения народов под предлогом противостояния выдуманному советскому «экспансионизму».

Не удивительно, что Бжезинского приводит в восторг политика нынешнего пекинского руководства. По возвращении из поездки в Китай в мае 1978 года он назвал пекинскую оценку международного положения «мастерским анализом». Известно, что сей анализ объявляет мировую войну неизбежной...

Печать сообщала, что Бже[illegible] Тайв[illegible] Кубы [illegible] Советского Союза в [illegible]. После [illegible] Бжезинский [illegible], что у США и Китая [illegible] совпадение [illegible]. У обеих сторон [illegible] общая антисоветская платформа. Вашингтон и Пекин стали быстро сближаться.

Рыба рыбака видит издалека. Как писал журнал «Форчун», за пределами Америки [illegible], кто в настоящее время находит во взглядах Бжезинского на мир много такого, что, с их точки зрения, следует приветствовать, это руководители Китая. Этот факт был подчеркнут решением заместителя премьера Дэн Сяопина провести первый вечер в Америке в доме Бжезинского. [illegible]: у гостя и хозяина [illegible] политический вкус. И когда вскоре Китай напал на Вьетнам, Бжезинский заявил, что «нет причин, по которым этот конфликт должен отражаться на двусторонних отношениях между Китаем и США».

Помимо антикоммунизма и антисоветизма Бжезинского, для полноты картины его мировоззрения следует упомянуть и его антирусизм.

В статье «Связь будущего с прошлым: размышления о политическом развитии СССР», опубликованной в сборнике, вышедшем уже после занятия Бжезинским своего нынешнего поста, автор объявляет советскую внешнюю политику продолжением политики царизма. Он последовательно выступает в этой статье с антирусских позиций, чем, между прочим, вызвал гнев русских эмигрантских газет в Париже и Нью-Йорке. Они отметили, что если бы завтра Россия перестала быть коммунистической, о чем эти издания мечтают уже 62 года, то и тогда Бжезинский был бы в стане врагов.

Эта слепая ненависть к России, виноватой уже в том, что она существует, ставит под сомнение способность Бжезинского давать объективные внешнеполитические рекомендации своему президенту. «Его первая моментальная реакция на события обычно окрашена в антисоветские тона», — цитирует журналистка Элизабет Дрю мнение одного сотрудника о своем шефе.

Добавим к этому почти каннибальскую браваду «аналитика», стоящего выше «эмоций». «С точки зрения аналитической, — заявляет Бжезинский, — в случае обмена ядерными ударами между Соединенными Штатами и Советским Союзом погибнет примерно 10 процентов человечества — это не было бы гибелью человечества». Думать о гибели, по его мнению, «эгоистично». И Бжезинский обещает не колебаться и «нажать кнопку», если — в свете его «анализа» — того потребуют обстоятельства.

Или вот такой эпизод, о котором сообщил журнал «Форчун». «Во время встречи Бжезинского с сотрудниками аппарата конгресса один из них сказал, что «небольшая война» была бы только на руку президенту, потому что это позволило бы ему продемонстрировать свою твердость. Бжезинский заявил, что он «вполне согласен» с ним».

ХАРАКТЕР

При встречах с Бжезинским — а у меня их было достаточно много, поскольку мы оба участвовали в регулярных заседаниях группы по изучению советско-американских отношений при нью-йоркском Совете международных отношений, — обращала на себя внимание его манера спорить, вернее, не столько спорить, сколько [illegible] игнорировать или просто [illegible] те [illegible] оппонента, которые не укладывались в [illegible] Бжезинским схемы. Сам же он сочинял [illegible].

Этот прием «кавалерийского налета» Бжезинский использовал и против моей статьи «Фальсификаторы будущего», опубликованной в свое время в журнале «Коммунист», разделавшись с ней одной фразой в книге «Между двумя эпохами». Когда я ему об этом напомнил, он, улыбнувшись, ответил, что если б он писал книгу сейчас, то пополемизировал бы поподробнее. Вряд ли. Это его прием — фразою-другою, не углубляясь в суть дела, отвести доводы оппонента как вроде бы даже и не заслуживающие критического разбора.

Такое интеллектуальное зазнайство, встречающееся в академической среде и в общем-то терпимое, становится опасным при смене амплуа, когда у зазнайки, страдающего к тому же отмечавшимся выше властолюбием, появляется власть...

Тем более, когда присутствует к тому же неуемное тщеславие. Еженедельник «Тайм» свидетельствует, что «Бжезинский скандально тщеславен». Сэлли Куинн, автор серии очерков о нашем персонаже в газете «Вашингтон пост», считает, что он «постоянно разрывается между желанием попасть в газетные заголовки и риском выставить себя в дурацком свете».

Люди, хорошо знающие Бжезинского, в один голос говорят о его импульсивности. Дэвид Батлер в журнале «Ньюсуик» приводит такое мнение специалиста в области внешней политики на Капитолии: «Его действия создают впечатление непредсказуемости. Это живая пушка, которая может начать стрелять в любой момент и в любом направлении. Он просто не внушает доверия». И Батлер от себя добавляет: «Импульсивность Бжезинского, которая дала повод сравнивать его с неуправляемой ракетой, бесспорна».

Однако в поведении «неуправляемого» Збига есть тем не менее неизменная направленность антисоветизма. Он может удариться в крайность и часто это делает, но всегда — только в «ястребиную» и никогда — в «голубиную».

* * *

Осенью прошлого года он составил для президента «совершенно секретный меморандум», о содержании которого, тем не менее, сообщил журналист Джек Андерсон. «Эту программу, — писал Андерсон, — едва ли можно было бы назвать чем-либо иным, кроме плана возрождения холодной войны».

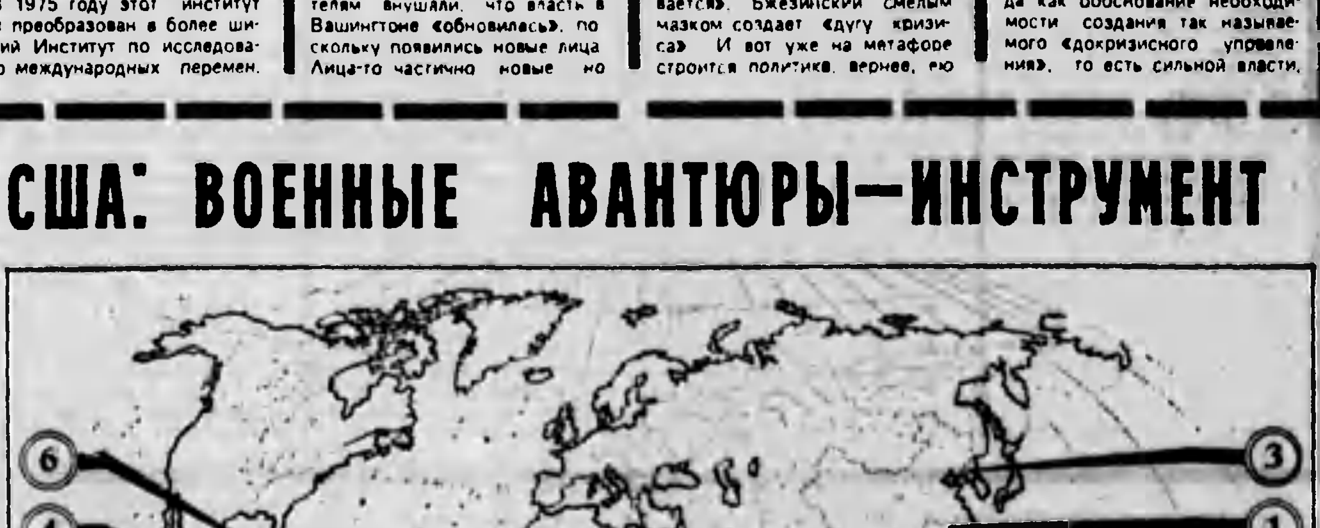
Андерсон приводит далее слова Вэнса, который в частном порядке посетовал, что план Бжезинского «сведет на нет 15 лет американской дипломатии».

Андерсон затем сообщил, что, несмотря на такое предостережение, «президент Картер начал и продолжает осуществление этой программы». Статья Андерсона была опубликована в «Вашингтон пост» 13 декабря — это лишний раз свидетельствует о том, что администрация взяла курс на ухудшение американо-советских отношений еще до событий в Афганистане. Они стали не причиной, а поводом для развертывания уже намеченного ранее наступления на разрядку.

Одна американка подарила мне значок: «Вышвырнем Бжезинского!» Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл заявил: «Народы всего земного шара, и в том числе США, не могут спать спокойно, пока Бжезинский остается на таком важном посту в Вашингтоне».

США: ВОЕННЫЕ АВАНТЮРЫ—ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

«Мы создали общество, главным занятием которого является насилие. Самую серьезную угрозу нашему государству представляет вовсе не какая-то внешняя сила, а наш внутренний милитаризм», — подчеркивает бывший американский сенатор У. Фулбрайт. По данным американского исследовательского института Брукингса, с 1 января 1946 года по 31 декабря 1975 года Соединенные Штаты 215 раз прибегали к использованию вооруженных сил для достижения политических целей — практически раз в два месяца. Сегодня мы публикуем карту, на которой указаны лишь самые значительные случаи вооруженного вмешательства США в дела других государств в послевоенный период.



1. Китай — 1945—1949 годы

110-тысячный американский экспедиционный корпус в Китае оккупировал главные стратегические пункты в стране. Авиация США оказывала непосредственную поддержку войскам Чан Кайши. Цель — сохранение гоминьдановского режима, подавление освободительной борьбы китайского народа.

2. Греция — 1946—1949 годы

Военная интервенция в поддержку реакционных монархических сил в гражданской войне. На военных самолетах США в Грецию были переброшены две английские дивизии. Официальная цель интервенции — «предотвращение захвата Греции коммунистами».

3. Корея — 1950 год

США приняли участие в военных действиях южнокорейского режима, пытавшегося осуществить захват КНДР. «Мы заинтересованы в том, чтобы уничтожить как можно больше китайцев и корейцев», — заявил командующий американскими войсками в Корее Мэттью Риджуэй. В ходе американской агрессии погибло более 1 300 000 корейцев.

4. Гватемала — 1954 год

Вооруженное вторжение в Гватемалу с целью свержения законного правительства президента Арбенса, проводившего независимую политику. В интервенции принимали участие американские летчики.

5. Ливан — 1958 год

Под прикрытием кораблей 6-го флота США с десантных транспортов на ливанское побережье вблизи Бейрута высажены части 2-й оперативной бригады морской пехоты. В Ливан были направлены части сухопутных сил из состава 7-й американской полевой армии, развернутой в ФРГ, подразделения ВВС США. Официальная версия причин высадки: «Ливану угрожала опасность коммунистического проникновения».

6. Куба — 1961 год

На южном побережье Кубы в районе залива Кочинос высадилась бригада американских наемников. В операции участвовали американские самолеты Б-26, пилотируемые американскими летчиками. Организуя вторжение, США рассчитывали на свержение народного правительства Ф. Кастро и восстановление в стране проамериканской диктатуры.

7. Доминиканская Республика — 1965 год

Вооруженные силы США в нарушение устава Организации американских государств высадились в Доминиканской Республике. Цель — «навести порядок по-американски» и поставить у власти угодное монополиям США правительство.

8. Вьетнам — 1965—1973 годы

Широкое военное вмешательство во Вьетнаме с целью подавления национально-освободительного движения в Индокитае. К 1973 году численность американских войск во Вьетнаме достигла 525 тысяч. Только в Южном Вьетнаме было убито и ранено около полутора миллионов мирных жителей.

9. Камбоджа — 1970 год

США ввели свои войска на территорию Камбоджи и в течение двух месяцев осуществляли боевые операции против камбоджийского народа. Цель — подготовить условия для установления в стране проамериканского режима.

10. Лаос — 1971 год

США вели активные боевые действия в Лаосе с целью помешать патриотическим силам страны укрепить свои связи с ДРВ. В Южный Лаос были введены крупные силы сайгонских войск, наступавших при поддержке американской авиации и артиллерии.

11. Ангола — 1975 год

США установили «воздушный мост» для снабжения оружием банд своего ставленника Х. Роберто. Государственный секретарь США Киссинджер распорядился ежегодно выделять по 14 миллионов долларов на военную помощь мятежникам из УНИТА. Американские военные инструкторы обучали банды мятежников. Цель — свержение народного правительства Анголы.

12. Персидский залив — 1980 год

США сосредоточили к январю нынешнего года на подступах к Персидскому заливу самую крупную армаду со времен второй мировой войны. В ее составе авианосцы, ракетные крейсеры — всего 25 боевых кораблей. Цель — шантажировать военной силой иранский и афганский народы, обеспечить интересы нефтяных монополий США, расширить военное присутствие в бассейне Индийского океана.

Составил Владимир БОГАЧЕВ, старший научный сотрудник Института США и Канады АН СССР

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

«ЗА СВОБОДУ, ПРОТИВ РАБСТВА»

Фото А. КАРЗАНОВА

Недавно в Москве побывал выдающийся пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз. Несмотря на насыщенную программу, он любезно нашел время встретиться с корреспондентом «ЛГ» и ответить на его вопросы.

Минувший год выдался для поэта особенно плодотворным: в разных странах вышли в свет несколько книг его стихов, в том числе в переводе на английский и французский языки в издании ЮНЕСКО. Мы представляем сегодня творчество Фаиза новыми стихами, которые он передал нашей газете для первого опубликования.

— Готовясь к этому интервью, я познакомился с вашей биографией. Узнал, что вы преподавали в колледже, во время второй мировой войны служили в армии и вышли в отставку в чине полковника, затем возглавляли редакции прогрессивных газет «Пакистан таймс» и «Имроз», были одним из лидеров профсоюзного движения и борьбы за гражданские права в Пакистане, за прогрессивные взгляды дважды подвергались в 30-х годах тюремному заключению. Не нашел я ответа лишь на два вопроса: когда вы начали творческую деятельность и что было сначала — поэзия или журналистика?

— Конечно, поэзия. Стихи начал писать еще в колледже — лет этак побольше пятидесяти назад. Помнится, в 1929 году наш студенческий журнал впервые опубликовал одно из моих стихотворений.

Ну, в журналистикой я занялся гораздо позже — только после выхода в отставку из армии, примерно году в сорок седьмом. Журналистская деятельность моя, правда, длилась не очень долго. В 1959 году пришедший к власти в Пакистане военный режим конфисковал обе газеты — и «Пакистан таймс», и «Имроз», которые я редактировал. И хотя я и сейчас пишу статьи для газет и журналов, все же, должен признаться, не считаю журналистику своим главным занятием.

— Советский читатель любит вашу проникновенную лирику. Но помнит и ваши слова: «Поэт не только наблюдатель, но и борец, и борьба — его долг»...

— И здесь нет никакого противоречия! Ведь лирика обращена к эмоциям — только очень сильные и глубокие чувства могут поднять человека на борьбу. И прежде всего любовь, потому что ненависть толкает людей лишь на разрушение. Только тот, кем движет любовь к своей земле, к людям, живущим на ней, и к грядущим поколениям, способен осознанно, ясно видя цель, бороться за жизнь — против смерти, за свободу — против рабства, за добро — против зла, за справедливость — против корысти.

Некоторые принципиально не читают лирику — ну, мол, это собственные переживания поэта, что мне до них. Таков можно сказать лишь о позе-наблюдателе, который просто описывает то, что видит, оставляя читателя равнодушным. А поэт-борец зажигает людей своим гневом и радостью, своей болью и надеждой, потому что всегда остается в гуще происходящего с его народом, в его стране, вообще в мире.

Хочу подчеркнуть, что говорю сейчас не только от своего имени: у нас в Пакистане многие литераторы стремятся отстаивать своим творчеством социальную справедливость, демократию, свободу слова, право на лучшую жизнь. Пожалуй, эти проблемы можно назвать общими для поэтов и писателей большинства стран Азии и Африки.

— Чем, по вашему мнению, может помочь афро-азиатским писателям журнал «Лотос», главным редактором которого вы не так давно стали?

— Прежде всего правдиво рассказывать о всех сторонах жизни — политической, экономической, социальной, эмоциональной — азиатского и африканского континентов, способствовать взаимному обогащению их литератур.

Есть и ряд теоретических вопросов, которым журнал уделяет большое внимание. Например, языковая проблема. Ведь, скажем, в Африке столетия колониального господства лишили многие народы их собственного языка. Продолжать ли африканским литераторам писать на французском, английском, португальском? Или снова открывать для себя родной язык? С другой стороны, есть государства, где люди говорят на трех, четырех, а то и пяти разных языках. Какой из них выбрать в качестве средства общения? Остро стоит и вопрос об устной литературе, которую просто необходимо сейчас перевести в письменную форму, чтобы сделать фольклор одной страны доступным другим.

— А каковы планы журнала?

— Собственно литературный раздел «Лотоса», на мой взгляд, можно значительно улучшить. Как известно, до сих пор мы перепечатывали стихи, короткие рассказы, пьесы из других журналов — то, что люди уже прочитали. Я не отвергаю и такого пути. Ведь, к примеру, интересное произведение, напечатанное в Японии, может так и остаться неизвестным в Нигерии. Наш журнал, выходящий на трех языках, может и должен в таком случае послужить связующим звеном между литераторами. Но основная часть публикуемых в журнале произведений, по моему твердому убеждению, должна быть написана специально для него.

Сейчас мы прилагаем немалые усилия, чтобы расширить сферу влияния журнала, охватить как можно больше читателей. Расширение читательской аудитории поможет нам лучше выполнить нашу главную задачу — крепить солидарность со всеми народами, борющимися за освобождение от иностранной и внутренней тирании, против империализма и неоколониализма, расизма и сионизма. Тогда мы сможем и более активно выступать за ликвидацию ядерной угрозы человечеству, за международную разрядку и мирное сосуществование, за установление прочного мира на нашей планете.

— Очевидно, главный редактор «Лотоса» очень загружен. Не мешает ли это поэту Фаизу?

— Судите сами: примерно полгода назад одновременно в Лахоре и Дели издан мой очередной сборник стихов на урду. Недавно ЮНЕСКО выпустило два сборника моих стихов на английском и французском языках. Вышли в свет книги в переводе на венгерский и арабский. Переводятся на русский язык стихи, отобранные специально для «Библиотечки «Огонек». Месяцев через шесть надеюсь закончить новую книгу стихов. Прибавьте теоретические статьи — да я же никогда не писал столько за один год!

— Ну и, конечно, плюс ваша энергичная общественная деятельность, отмеченная международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами». Какие главные задачи по вашему мнению, стоят сейчас перед движением сторонников мира?

— Основные задачи остаются неизменными: настойчиво устранять угрозу войны, добиваться ликвидации опасных очагов возникновения конфликтов, таких, как на Ближнем Востоке, в Родезии и ЮАР.

В эти дни особую тревогу вызывает положение на Среднем Востоке. Вся ответственность за возникший кризис, в частности в связи с событиями в Иране, лежит на американской стороне. Попытки же США найти выход из положения при помощи шантажа или даже применения силы создают угрозу того, что конфликт приобретет более широкие масштабы. Это было бы весьма опасным развитием событий. США должны наконец осознать, что они не могут более диктовать свою волю другим народам. Они обязаны проявлять больше терпения и благоразумия.

Есть и новое грозное явление — гонка ядерных вооружений. Сейчас главное — направить усилия на сокращение, а затем и полное запрещение средств массового уничтожения. Примером в этом отношении может служить последовательная позиция СССР, настойчиво отстаивающего священное право человека на самое жизнь.

Борцам за мир предстоит много потрудиться и для того, чтобы ликвидировать коренные причины постоянной опасности возникновения новой войны. Хочу подчеркнуть: такая опасность будет сохраняться до тех пор, пока существуют колониализм и другие формы империализма, пока в мире не воцарится всеобщая свобода и социальная справедливость. Долг писателей — отдавать свой талант служению идеалам гуманизма, добра и мира, вдохновлять тех, кто верит в эти идеалы, на великую битву против темных сил зла, насилия, агрессии и войны.

Беседу вел
Александр ОБУХОВ

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ НОВОЙ КНИГИ: Фаиз Ахмад ФАИЗ

О родина моя!

Сколько крови нужно,
моя родина,
чтобы расцвел тоскливый твой ландшафт!
Сколько плача,
чтобы не плакало твое сердце!
Сколько слез,
чтобы оросить твою вечную засуху!
Сколько мечтаний погибло в твоих дворцах,
сколько обещаний обернулось безнадежностью,
сколько надежд на твоих дорогах обратилось в прах!

«Что отдано беззаветной любви, того больше нет.
О том, что случилось со мной, скажи: так случилось.
Не дай бог, чтоб постигла тебя беда.
Кровь ран утри полой — что было, то было».

Мы — рабы верности, но пусть, любимая,
узнаешь ты любовь превыше нашей,
Да пребудет вечным твое пиршество,
где мы — минутные гости, и дело не в нас.

Париж

День окончен,
улицы и перекрестки
вдруг подравнялись линиями
желтолицых огней.
Из чаши для подаяния каждого фонаря
льется моросящий свет
на неугомонный город.
Вдали — как задник декорации —
дымка сумерек
и силуэты ушедшего величия.
А на переднем плане
к тени двери
прислонилась чья-то тень —
тянется к другой тени за призраком надежды,
привычным
полушепотом
выдавая равнодушное одиночество.
А какой-то чужестранец
все эти огни,
все тени эти
урывает, уносит
в бессонницу своих ночей.

Листы судьбы

Приходит ночь — и боли бьют фонтаны,
приходит утро — снова саднят раны,
приходит полдень — истекаю кровью.
День гаснет — страх крадется к изголовью.
О господи, своей рукой ужели
весь этот путь без отдыха и цели,
круговорот лихих ночей и дней
ты вывел на листах судьбы моей!
Ты отлучил от радости меня!
Приму ль твой суд, во всем судьбу виня,
иль откажусь и в горе видеть счастье
и обойдусь без твоего участья!..

Перевела с урду
Римма КАЗАКОВА

---

25 января в Москве между Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) и Японской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами (ЯАКС) подписана программа культурного и научного обменов на 1980 год. В этом документе стороны обязались выступать против каких-либо действий, наносящих вред делу дальнейшего укрепления дружбы между советским и японским народами.

Программа предусматривает проведение в текущем году мероприятий, направленных на укрепление отношений дружбы и сотрудничества между СССР и Японией. В частности, состоится вторая конференция «круглого стола» представителей советской и японской общественности на тему «Роль и задачи общественности в движении за упрочение дружбы между советским и японским народами». Первая такая встреча, проведенная в минувшем году в Токио, по единодушному мнению ее участников, была плодотворной и полезной. Состоятся и другие двусторонние встречи, в частности, в Советском Союзе — симпозиум по проблемам обеспечения безопасности в Азии и семинар по проблемам книгоиздательского дела, в Японии — симпозиумы по проблемам литературоведения и по проблемам профессиональной ориентации.

Программа намечает также широкий обмен культурными и научными делегациями, кинофильмами, фотовыставками, художественными выставками, книгами и периодическими изданиями.

Прибывший в Москву в связи с подписанием программы президент ЯАКС, видный ученый, просветитель, литератор, награжденный за плодотворную общественную деятельность орденом Дружбы народов, Сигэеси Мацумаэ в беседе с корреспондентом «ЛГ» заявил:

— Наша ассоциация, существующая вот уже около 15 лет, прилагает большие усилия для расширения контактов, укрепления добрососедских отношений между Японией и СССР и их народами. Это огромная и нелегкая работа, но мы полны решимости ее продолжать, поскольку считаем крайне необходимой. Ведь основная цель, которую мы ставим перед собой, — вносить вклад в упрочение международного мира и дружбы — отвечает интересам народов всех стран. И надо ли говорить, какую огромную роль в сближении народов, расширении их взаимопонимания играет культурное сотрудничество, в частности в области литературы, отстаивающей высокие идеалы подлинного гуманизма.

Подписанная в Москве важная и полезная программа свидетельствует, что у наших двух стран имеются широкие возможности и хорошие перспективы для укрепления японо-советского культурного и научного сотрудничества. В этой связи должен подчеркнуть, что привносить в эту область какие-либо своекорыстные политические мотивы было бы весьма пагубно. Поэтому я отвергаю американскую идею использовать такую форму культурного сотрудничества, как спорт, в качестве инструмента политики. Как президент Международной федерации дзюдо и член Международного олимпийского комитета я выступаю против попытки организовать бойкот Олимпийских игр в Москве и думаю, что Национальный олимпийский комитет Японии придерживается той же точки зрения.

Сигэёси МАЦУМАЭ:

«РАСШИРЯТЬ СОТРУДНИЧЕСТВО — ЗНАЧИТ УКРЕПЛЯТЬ МИР»

ИХ КУМИРЫ

Сальвадор Дали — «avida dollars»

«САМОЕ фантастическое событие года», «апофеоз гения» — так французская пресса оценивала большую ретроспективную выставку испанского художника Сальвадора Дали, открыть которую планировалось 18 декабря прошлого года в Национальном центре искусств и культуры имени Жоржа Помпиду в Париже. Самая дорогостоящая за время существования Центра выставка была организована в честь 75-летия художника.

Прославленный мэтр сюрреализма, кумир снобов всего мира, «божественный Дали» прибыл на вернисаж в манто из меха пантеры. Но пышного открытия не получилось, а вышел, если воспользоваться выражением яйновника торжества, «жуткий афронт». Дело в том, что обслуживающий персонал Центра объявил забастовку, требуя повышения заработной платы. Художник не смог попасть на собственную выставку, а кто-то из забастовщиков, сообщила газета «Фигаро», даже швырнул ему в лицо пачку листовок. Дали пришлось сделать хорошую мину при плохой игре: он послал забастовщикам воздушный поцелуй и, оскорбившись, улетел в Нью-Йорк.

Ретроспектива Сальвадора Дали тем не менее открылась и продлится до апреля нынешнего года. Перед посетителями предстанут 188 картин, 219 рисунков, 4 скульптуры, 38 сюрреалистических объектов и 7 гравюр, а также 2000 различных документов. «Во всем размахе будет показана исключительная масштабность Дали, — пишет в еженедельнике «Экспресс» критик Ж.-Л. Феррье, — художника, писателя, драматурга, поэта, скульптора и кинематографиста одновременно». К выставке были приурочены выпуск большой монографии о Дали и переиздание книги Андре Бретона «Сюрреализм и живопись».

«Дали-парад» явно призван оживить интерес к агонизирующему искусству модернизма и, по мнению западногерманского журнала «Штерн», дать ответ на вопрос: кем же является Сальвадор Дали — «верховным жрецом современного искусства или обманщиком в эстетике, пророком или шарлатаном»?

«Лишь в отдельных случаях я опускаюсь до положения простого гражданина, — заявил мэтр в беседе с Урсулой Харбрехт, корреспонденткой журнала «Штерн». — Я построенную униформу Дали». У него не вызывает ни малейшего сомнения, что он, говоря его собственными словами, «величайший художник нашего века» и «самый умный человек на свете».

Разумеется, «гениальный» Сальвадор Дали стал далеко не сразу. Сын провинциального нотариуса, родившийся в испанском городке Фигерас, с младенческих лет грезил о славе и богатстве. Первым этапом его честолюбия, как он пишет, было принятое в семь лет решение стать Наполеоном. Но раньше часто любил проснулась «нежная жестокость», пятилетний герострат столкнул сверстника с моста. В автобиографической книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали» он сообщает, что в 1920 году, стремясь любыми средствами привлечь к себе внимание, нарочно бросился с лестницы. Через четыре дня он повторил свой «опыт»: после этого вся школа смотрела на Дали, затаив дыхание. «Всегда я буду помнить один октябрьский вечер, — рассказывает он. — В небе, охваченном пожаром заката, вырисовывались величественные облака, которые представлялись мне крадущимися леопардами, Наполеоном или парусниками без мачт. Сверху мое лицо освещалось тысячами отблесков апофеоза. Я спускался по лестнице, ступенька за ступенькой, в мертвой тишине, и на меня, прервав свои игры, заворожено глядели мои товарищи. Я бы не поменялся своим местом ни с одним богом на свете». С тех пор эксцентричность, желание удивить и поразить выступают как основа стиля жизни и социального поведения Дали. «Даже самая посредственная популярность очаровывает меня», — признается он.

Учась в Мадридской академии искусств, Дали подражал всем без разбора — кубистам, реалистам, импрессионистам, религиозным художникам, но прежде всего стремился к одному — выделиться, заставить говорить о себе.

В 1927 году Дали впервые приезжает в Париж, где открывает для себя сюрреализм, который тогда являлся последним криком художественной моды. Основой эстетической программы сюрреализма были ненависть к разуму и стремление свести творчество к силам подсознания, бесконтрольному воображению, «абсолютной» свободной игре ассоциаций. Поэт Андре Бретон, лидер сюрреалистического движения, призывал искать «магическую, конвульсивную красоту». Подобная эстетическая платформа оказалась для Дали поистине «золотой жилой».

1930 год стал для Дали переломным: он сумел проникнуть в парижское высшее общество. Виконт и виконтесса де Ноай пригласили художника в свой родовой замок. Он предложил им нарисовать картину за 29 000 франков. И вот сбывается мечта: приходит чек на розовой бумаге. «Мне казалось, — пишет Дали, — что сама его форма, нежный цвет, изящный шрифт, написанные от руки цифры, подпись — все способствовало некоему волшебному действу, прославляющему культ денег. Страшной силы динамит скрывался в этих знаках».

Дали быстро превратился в главного рекламного зазывалу сюрреалистов, который без устали разыгрывал спектакли цирка одного клоуна. В Лондоне он читал лекцию, облачившись в скафандр, прогуливался по улицам, водя на веревочке муравьеда; однажды он прикатил в Парижский университет в «ролле-ройсе», салон которого засыпал цветной капустой. «На опыте я убедился, — заявляет он, — что люди очень признательны, когда их считают за дураков».

Но всемирная известность пришла к Дали только после того, как он нашел основной принцип своего искусства — разработал «параноидально-критический метод».

Буржуазная критика более полувека совершенно серьезно обсуждает «проблему», действительно ли Дали безумен или он просто дурачит своих поклонников, нацепив маску законченного параноика. Она усматривает в безумии, которое Дали вполне сознательно культивирует, высшее проявление «творческой свободы» художника, якобы не желающего подчиниться законам полностью стандартизированного, бездушно - механистического мира. Однако сам Дали разъясняет все гораздо проще. «Единственная разница между безумцем и мною, — утверждает он, — состоит в том, что я не дурак. Свою паранойю я превратил в позитивный элемент творчества».

В «Дневнике гения», вышедшем в 1964 году, Дали писал, что с 1930 года «практикует «параноидально - критический метод» с полным успехом, хотя и теперь не знает, в чем он заключается». Это суждение — всего-навсего кокетливый парадокс. Дали активно, даже агрессивно пропагандирует свою эстетику, политику и идеологию, являясь автором 22 книг, названном «Сон, вызванный полетом пчелы вокруг плода граната, за секунду до пробуждения» (1944), сведено несоединимое: плод граната, обнаженная женщина, рыба, из пасти которой вылетают два разъяренных тигра, винтовка со штыком и парящий в небе на ниточках-ножках слон. И опять-таки возникает ощущение гнетуще-болезненного ночного кошмара.

Искусство Сальвадора Дали абсолютно последовательно в своем субъективизме. Его соотечественник, философ Хосе Ортега-и-Гассет, исследуя процесс дегуманизации современного буржуазного искусства, метко подметил, что «художник ослеп для внешнего мира и повернул свой зрачок вовнутрь, в сторону внутренних субъективистских пейзажей».

Будучи принципиальным врагом реализма, Дали ставит задачей «дематериализовать действительность». «Я величайший художник разложения», — хвастливо прокламирует он.

Эстетика Дали характеризуется одной чертой: он отвергает почти все современное искусство. Анри Матисса он презрительно называет «художником водорослей», Марка Шагала — «сумасшедшим». Пикассо, к сожалению, «нарисовал слишком много» и был «человечен». Дали признает лишь великих старых мастеров Веласкеса. Причем он пытается подражать их виртуозному владению живописной техникой, но полностью игнорирует гуманистическое содержание их творчества. Картины Дали нарисованы в холодной, «инквизиторской» (его любимое словцо) манере. Они, по замыслу художника, не должны быть понятны и призваны вызывать у зрителей только апокалипсический ужас и страх.

«Я шут, гистрион, — не устает повторять Дали. — Заметив, что мои идеи производят эффект, я их индустриализирую».

Уже полвека Дали — «суперзвезда» буржуазного художественного рынка. «Он коммерциализировал свое искусство, как никто другой, — пишет журнал «Штерн». — Его имя стоит на рубашках, галотуках, украшениях для женщин и бутылках с коньяком». В истории мирового искусства, пожалуй, не найти второго художника, который бы так принципиально сводил творчество к обогащению и был бы столь меркантилен. «Золото меня слепит, а банкиры суть великие жрецы религии Дали! — восклицает он. — Золото — ключ не только к экономике, но и к гуманизму».

Не случайно Дали нарисовал громадную картину «Апофеоз доллара». И так же не случайно из его имени Salvador Dali Бретон создал злую латинскую анаграмму «avida dollars», что означает «жадный до долларов».

Культ золотого тельца представляет собой лишь одну грань социально-политических взглядов Дали, которые реакционны в самом полном значении этого слова. Хотя Дали не раз декларировал, что политика кажется ему анекдотичной, он четок и неизменен в своих политических симпатиях. Он был очарован «величием нацизма» и «сюрреалистической фигурой» Гитлера: «Я видел в Гитлере настоящего мазохиста, одержимого одной мыслью — развязать войну, чтобы потом героически ее проиграть». Обожал Дали и «непобедимого каудильо» Франко.

Дали объявляет себя сторонником наследственной монозонии и разделения общества на касты, высшей из которых считает аристократию. Он выступает за «иерархию против коллективизма», за «великую инквизицию во всем — в жизни и в искусстве», убежден, что историей движут «высшие люди, гении». Свобода, с его точки зрения, «плоха для всех», демократия ни на что не пригодна, взамен нее для простого люда овекомендуются покорность и безоговорочный конформизм. Дали «стоит на коленях перед сильными» (это его собственные слова), но презирает слабых и ненавидит бедных.

В одной из своих книг Дали умильно вспоминает следующий омерзительный эпизод. Безногий слепой калека на коляске стучал палкой по тротуару, прося помочь ему перебраться на ту сторону улицы. «Я — рассказывает Дали, — подошел к слепому сзади и резким ударом ноги изо всех сил отшвырнул коляску». Сделал он это лишь потому, что «любит, когда несчастны другие».

«Яростный антилиберал», Дали прославляет войну, объявляя ее «солью земли». Вполне закономерно, что многие его картины изображают руины и разложение, гибель и смерть.

Однажды Дали по десятибалльной системе оценил различные качества своей личности художника-сюрреалиста. В графах «доброта» и «справедливость» зияли нули, а за «гениальность» он выставил себе 9. Правда, за «извращенность» Дали поставил себе 10 баллов. Удивительно верная самооценка!

Буржуазная критика и искусствоведение более полувека пытаются разрешить «тайну» Сальвадора Дали, которого художественный обозреватель еженедельника «Экспресс» даже окрестил «сфинксом новых времен». Однако сам «сфинкс» бессчетное количество раз с присущей ему циничной откровенностью подчеркивал, что в его успехе нет загадок. «Я люблю рекламу, — говорит он, — но еще больше реклама любит меня». Сальвадор Дали не просто развлекает капиталистическое общество, он настойчиво требует, чтобы его считали не представителем «чистого искусства», а защитником устоев буржуазной цивилизации.

«Красота будет съедобной, или ее не будет совсем», — заявил Дали в 1974 году. Этот афоризм очень точно характеризует подход к искусству, свойственный тому миру, который позволяет Дали «постоянно развлекаться и умирать от удовлетворения». Но, не претендуя на пророчество, можно утверждать, что у «параноидального» искусства Сальвадора Дали нет будущего — оно отомрет вместе с тем обществом, порождением которого является. «Искусством, — писал Ван-Гог, — может быть лишь то, что духовно здорово».

Л. ТОКАРЕВ

Рисунок В. СКРЫЛЕВА

Источник вдохновения Дали нашел в психоанализе Фрейда, с которым лично встречался в 1938 году. Фрейд считал творчество сублимацией, замещением глубинных инстинктов человека — смерти, агрессивности и любви, которые контролем разума и общества загнаны в подсознание. Недаром американский критик И.-Г. Байард писал, что «Дали — художественное выражение фрейдовской цивилизации и ее бессодержательности». Все свое творчество Дали и рассматривает как «борьбу за завоевание иррационального». За внешней оболочкой привычных вещей, будничной реальности он ищет «самые безумные образы», связывая их в своих картинах по принципу абсурдных ассоциаций, смысл которых не поддается логической расшифровке.

Вот два образчика творчества Дали. В картине «Возвышенный момент» (1938) на фоне отвлеченного пейзажа собран своего рода натюрморт из яичницы-глазуньи, разломанной телефонной трубки, лезвия для бритья и улитки. И тем самым создается впечатление какой-то жуткой галлюцинации, всплывшей из тайников больного сознания. На холсте, претенциозно

ЮБИЛЕЙ ПРЕМЧАНДА

31 июля 1980 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося индийского писателя Премчанда (1880—1936), творчество и деятельность которого сыграли огромную роль в развитии современной реалистической литературы хинди и урду, в сплочении прогрессивных индийских писателей. В нашей стране создана юбилейная комиссия по празднованию 100-летия Премчанда, которую возглавил заместитель председателя Советского комитета защиты мира писатель А. АНАНЬЕВ. В беседе с корреспондентом «ЛГ» он рассказал:

— Всемирный Совет Мира принял решение широко отметить юбилей Премчанда. В марте 1980 года, в частности, в Дели проводится посвященная этой знаменательной дате международная конференция на тему «Роль интеллигенции в защите национальных культур».

Премчанда в Индии часто называют индийским Горьким. В своих романах и рассказах он привлек внимание к бедственному положению трудящихся масс Индии, прежде всего беднейшего крестьянства. В творчестве писателя, и сегодня пользующегося огромной любовью и популярностью среди соотечественников, отразился процесс пробуждения индийского народа, его борьба против колониализма и эксплуатации, за социальную справедливость, за политическую независимость родины. Решительно отстаивал Премчанд гуманистические идеалы в литературе и в жизни, боролся за литературу, служащую целям общественного прогресса. Значительный вклад внес писатель в распространение правды о первой в мире стране социализма, в укрепление индийско-советской дружбы, в популяризацию русской классики и советской литературы.

Имя Премчанда хорошо известно в Советском Союзе. Многотысячными тиражами издаются у нас его произведения, изучается наследие писателя, в университетах читаются лекции о его творчестве. Юбилей Премчанда будет широко отмечаться в нашей стране. В состав юбилейной комиссии вошли известные деятели науки и культуры. Комиссия разработала большую программу юбилейных мероприятий, включающую проведение научных конференций и собраний общественности, издание новых переводов произведений Премчанда, научных работ, передачи по радио и другие.

Празднование 100-летия со дня рождения Премчанда в Советском Союзе, безусловно, будет способствовать дальнейшему укреплению дружбы и взаимопонимания между народами наших стран.

Игорь ЧЕРВЯКОВ

СЕБЕ ДОРОЖЕ...

СРОДУ такого не было, чтобы Санька Крюков, уходя с родной птицефабрики, не зачерпнул в карман какой-никакой безделицы. Как говорится, для дома, для семьи.

В тот раз Крюкова занесло в инкубатор. На полках ровными рядами грелись яйца. Санькино внимание привлекла надпись над двумя крупными продолговатыми яйцами: *«Осторожно! Руками не трогать!»*

— Не иначе, индюшачьи! — присвистнул Крюков и сунул добычу в карманы пиджака.

Утром на птицефабрику вызвали участкового инспектора милиции. Директор фабрики рвал на себе волосы, умоляя злоумышленника вернуть исчезнувшие яйца.

— Это же крокодильи! — причитал директор. — Вы мне всю перспективу насмарку!

«Ага, тебе признайся, потом себе дороже станет!» — решил Крюков, опасливо сторонясь участкового. Яйца, однако, припрятал на чердаке под крышей, а вскоре и забыл о них.

Через месяц Крюков стал примечать, что у него исчезают голуби. Жило их на чердаке видимо-невидимо, и Санька отлавливал их для продажи. Крюков залез по приставной лестнице на чердак, заглянул внутрь и от неожиданности вздрогнул: прямо на него бросились два крокодила, скаля облепленные голубиным пухом пасти. Санька ткнул одного из них в зубы черенком лопаты. Хрясь! — дерево разлетелось пополам.

«Не соврал директор, — отметил про себя Крюков. — Под железом тепло, вот и вылупились, зеленые уроды!»

Сначала Крюков задумал пристрелить крокодилов из ружья, но на выстрелы сбежались бы соседи.

«Донесут участковому — себе дороже станет, — смекнул Крюков. — Лучше откормлю и продам сапожнику Митяю. Крокодил, он похлеще шевра ценится».

Вскоре голуби кончились. Голодные животные так колотили хвостами по потолку, что лампочка мигала под абажуром. Санька пробовал кормить их вареной картошкой и комбикормом — крокодилы отказывались.

— Во твари, — удивлялся Крюков, — мясо им подавай!

Теперь он безбожно тащил с фабрики кур и кормил ими чердачных постояльцев.

— За курятину я, может, и сам в вашу шкуру влез бы и всю жизнь не вылазил! — приговаривал Санька, швыряя кур во мрак чердака.

Крокодилы ели молча и молча росли. Скоро им перестало хватать ворованного, и Крюкову пришлось досрочно зарезать поросенка, кроликов, а потом и корову. Ночами он сидел на берегу пруда и заливисто квакал: приманивал лягушек. Лягушками одаривал прожорливых стервецов. Грела мысль о большой деньге.

Жена ушла от Крюкова со швейной машинкой на руках. Тот продал телевизор и шифоньер. Когда кончились деньги, вырученные от продажи двухгодичного запаса дров, Крюков упоил своих крокодилов самогоном и долго ползал по их безжизненным телам с ученической линейкой в руках. До намеченной шестиметровой длины было, ох, как далеко. Тогда Крюков отволок крокодилов к дальнему озеру и привязал тросом к здоровенной коряге.

— Пусть сами себе жратву ищут, — решил Санька. — У-у, гады ползучие!..

Поздней осенью Крюков решил, что крокодилы созрели, и направился на их поиски. Он долго плутал по раскисшей от долгих дождей низине, выбился из сил и присел на пенек закурить. Он сделал одну или две затяжки, как вдруг неведомая сила ударила его сзади по спине, и Крюков почувствовал, что проваливается в большую и теплую яму.

— Кроко-о-о-ди-и-ил, — удовлетворенно понял Санька, ощупывая ногами размеры внутренней полости животного. — Здорово вымахал на дармовом корме, сукин сын! Теперь попался, голубчик!

Санька сделал движение, чтобы освободиться, но не тут-то было! Мощные челюсти крепко обхватили его тело.

— Ты, ты что ж это... хозяина хватать? — задергался Крюков. — А ну пусти! Фу, кому говорят!

Но крокодил молча делал свое дело. Огромные осенние звезды над головой Саньки Крюкова стали редеть числом. Вот их осталось только пять. Потом четыре. Затем три. Две. Одна... Санька испугался и хотел было позвать на помощь, но тут же вспомнил, что со спасителями придется делиться шкурой, которая дороже шевровой, и простонал сквозь зубы:

— Такое спасение — себе дороже!

Он остался в кромешной темноте и самонадеянно решил: «Ну, ты еще мной подавишься, ненасытная морда!»

НОВИНКИ «КЛУБА ДС»

Пародия и эпиграмма настолько близкие родственницы, что неопытные и полуопытные читатели (и даже пародисты!) просто иногда путают одну с другой. Опытные же критики, прочитав пародию, укладывают ее в прокрустово ложе определения пародии и, если что не так, говорят: «Это не пародия. Это эпиграмма, написанная от первого лица. Как минимум — это смесь пародии с эпиграммой!» И предлагают отсечь или растянуть. Для «соответствия».

И тут-то администрация по обыкновению задумалась. А почему это, собственно, плохо? Нужно ли укладывать, отсекать и растягивать? Селекционеры специально скрещивают две добротные породы растений или животных для оживления обеих и получения третьей, не менее интересной и добротной породы. Так появились на свет бельфлер-китайки, зубробизоны, овцебыки, кентавры и даже тянитолкай! Пусть же в стойлах и оранжереях «Клуба ДС» тоже появится новая сатирическая порода! Новый жанр!

Если это будет смесью эпиграммы с пародией — пусть назовется эпиродией. Если это будет смесью пародии с эпиграммой — пусть назовется парограммой. При этом чистокровные эпиграмма и пародия, безусловно, не пострадают и будут продолжать свою благополучную жизнь еще и в качестве счастливых родителей, родивших удачных детей.

В связи с вышеизложенным администрация предлагает читателю несколько новорожденных эпиродий и парограмм.

ЭПИГРАММЫ ПАРОДИИ

Павел ХМАРА

Говорят, кусают человека
комарихи, а не комары.
...капельки моей остывшей крови
пролетят во мраке...
Пролетят мои шальные гены
в тишь да гладь [illegible]
Владимир САВЕЛЬЕВ

Комарихи

Налетят, как пьянь к автопоилке,
в ста местах просверлят вам сосуд
и из вас, как пиво из бутылки,
вашу кровь бессовестно сосут!
Может, это надо им — не знаю,
мне до них и дела вовсе нет!
Что я им: столовая! Пивная!
Как-никак, я все-таки поэт!
Кровь поэта в чреве комарином!
С бурей ген, закрученных хитро,
с протромбином! С гамма-глобулином!
А они ее — в свое нутро!
Есть баранья кровь и кровь коровья!
Пей-соси без нормы и без счет...
Комарих лечить от малокровья
и прозаик тоже подойдет!
Нет, им хоть умри, но дай поэта!
Кровь мою сосут они в сто жал!
Чтоб в их горле проклятом ее это
лейкоцит какой-нибудь застрял!
Женский пол! Слывет везде как слабый!
Только он, конечно, не такое:
даже у простых козявок бабы
много кровожадней мужиков.

Михаил ВЛАДИМОВ

...И, сложные фигуры начертав,
Зубря тригонометрию,
Я верю,
Я говорил себе:
А не черти ли
Ее, тригонометрию, зубрю!
Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

Зубр тригонометрии

Триго(го-го!)нометрию
Под гогот
Беспечный мой
Зубрил я десятый класс.
А я — шпаргалил,
Знал о ней немного
И... для стихов себя
Тем самым спас!
Люблю я плюс,
А минус мне не нужен!
А интеграл мне просто не чета!
И ни в зарю,
Ни в полдник
И ни в ужин
Не смыслю в начертанке ни черта!
«А вдруг все это
Передастся сыну! —
В душе живет тревога у жены. —
И опрокинет уксус он на синус!
Сдаст в чистку... пифагоровы штаны!!»

ЭПИДИИ ПАРОГРАММЫ

Алексей ПЬЯНОВ

Подходящее жилье

Прекрасен тот дом без прикрас,
и новая песенка льется.
Я в Пушкинском Доме живу,
поэтому так и поется.
Алексей ЗАУРИХ

Я жил в слободской тишине,
Где вербы и грядки с капустой.
Не пелось в провинции мне,
Писалось не очень-то густо.

Наивный! Тогда я грешил
На старую добрую лиру,
Пока наконец не решил,
Что все упиралось в квартиру.

И вот — словно сон наяву:
Мне в центр удалось перебраться,
Я в Пушкинском Доме живу...
Здесь так комфортабельно, братцы!

Творятся со мной чудеса.
Равняться здесь есть на кого мне...
Сегодня с утра дописал
«Полтаву» и «Домик в Коломне».

В обед порезался слегка —
Закончена «Гаврилиада».
И, коль не отсохнет рука,
На днях за «Онегина» сяду!

ЭТКО КЛУБА ДС

Данил РУДЫЙ

ЛЫЖНАЯ ГОНКА

ДИРЕКТОРУ ФАБРИКИ «СПОРТИНВЕНТАРЬ» ОТ МАТЮШИНА ГРИГОРИЯ ФИЛИППОВИЧА, ПРЕБЫВАЮЩЕГО ПО АДРЕСУ: ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕС, 7-й КИЛОМЕТР, БЕЗЫМЯННАЯ ПОЛЯНА

Уважаемый товарищ Директор!

Пишу вам с дистанции лыжной гонки на 50 километров в надежде, что вы окажете мне скорую помощь. Несколько слов о том, почему мне пришлось прервать гонку и сойти с лыжни.

«Сначала все складывалось хорошо. Стартовал я удачно, шел в головной группе и оставил позади самых опасных соперников. Вероятно, это притупило мою бдительность, и расплата не заставила себя ждать. Километра за два до второго дыхания я сделал неосторожное движение, и у меня произошел перелом левой лыжи. Я был вынужден остановиться, поскольку скольжение на одной лыже на тренировках не отрабатывалось. Все основные и второстепенные соискатели медалей ушли вперед, не оказав мне первой помощи. Я их за это не осуждаю, так как ни у кого, по моим наблюдениям, не было при себе запасной лыжи. А если кто и припрятал, так ведь ему самому запас не помешает. Таким образом, я остался наедине с природой. У меня уже опустились руки, но я вспомнил совет тренера никогда не падать духом и не сгибаться под роком спортивного невезения.

Поэтому прошу вас как можно быстрее заменить мне лыжу.

С физкульт-приветом кандидат в мастера Г. МАТЮШИН

ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕС, 7-й КИЛОМЕТР, БЕЗЫМЯННАЯ ПОЛЯНА, МАТЮШИНУ Г. Ф.

Уважаемый Григорий Филиппович!

Приносим вам свои глубокие извинения за досадный инцидент в вашей спортивной карьере. Проверкой установлено, что брак допущен по вине Затонского леспромхоза, который поставляет нам не ту древесину. Туда отправлено отношение с просьбой наказать работников леспромхоза. Вместе с тем ваше письмо послужило толчком к дальнейшему совершенствованию выпускаемой продукции. В результате разработанных конкретных мер вместе с письмом высылаем вам авиапочтой улучшенную лыжу на левую ногу, которая не нуждается в смазке. Если выйдет из строя правая лыжа устаревшего образца, напишите нам, и мы тотчас же вышлем новую.

Начальник сбыта П. ЗАНОЗИН

НАЧАЛЬНИКУ СБЫТА П. ЗАНОЗИНУ ОТ МАТЮШИНА Г. Ф., ПОСЕЛОК КЕДРАЧИ, ЛИНИЯ ФИНИША

Дорогой товарищ Занозин!

От имени спортобщества и от себя лично благодарю вас за проявленную оперативность и чуткость к моим нуждам. Бандероль прибыла своевременно. И хотя вы прислали лыжи с ботинком 46-го размера, а у меня 42-й — и не на левую ногу, а на правую, улучшенная модель оказалась как раз впору. Прочность, надежность, скольжение и внешний вид — выше всяких похвал и мировых стандартов. Только благодаря высокому качеству изделия мне удалось продолжить гонку и даже занять одно из высоких призовых мест.

Мастер спорта МАТЮШИН Г. Ф.

Леонид МЕДВЕДОВСКИЙ (РИГА)

НЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В ОТСТАЮЩУЮ столовую был брошен на усиление новый директор. В первый же день он созвал общее собрание.

— Друзья! — начал директор, упершись кулаками в стол. — Не знаю и не хочу знать, как вы работали раньше. Знаю только, что так больше работать мы не будем... В вашей специфике я еще полностью не разобрался, но думаю — это несложно. Не боги горшки обжигают, и не короли в них варят, освоюсь со временем... Что мне бросилось в глаза с первого знакомства? Кустарщина, братцы, убогое рукоделие, недостойное нашего индустриального века, века НТР. Где прогресс в процессе приготовления блюд? Где лозунг — больше продукции в единицу времени? Украинский борщ вы варите целых три часа, словно это чугун какой-нибудь...

— Но так записано в технологии, — робко возразила молоденькая повариха.

— Про технологию вы мне не рассказывайте! Сам работал на заводе — знаю. Нет такой технологии, которая не поддавалась бы корректировке. В интересах плана, естественно. Когда нужно — можно! К чему я все это говорю? Столовая наша в центре, люди спешат, людям некогда. Ни смаковать, ни жаловаться. Быстро и горячо — вот что им необходимо. Так пойдем же навстречу потребителю!

Оратор выждал паузу в предвидении аплодисментов. И они были. Не очень стройные и не слишком густые, но — были. Директор устало поднял руку.

— Это первое. На второе выдвигаю вопрос о строжайшем режиме экономии. Каждый грамм продукции должен быть на учете. Мобилизовав наши внутренние резервы, подтянув тылы, мы сможем один день в месяц работать на сэкономленном сырье...

Кладовщик нагнулся к шеф-повару:

— Будет он нас учить дело делать! Да мы давно так работаем. И не день в месяц, а целую неделю...

Шеф-повар стыдливо потупился.

ЧИТАЛКА КЛУБА ДС

«ПЕГАС — НЕ РОСКОШЬ»

На днях, разговаривая по телефону с поэтом-пародистом Александром Ивановым, администрация «Клуба ДС» узнала, что он уезжает на целый месяц в Ленинград, и попросила оставить чего-нибудь узелок на память. Александр Иванов обещал и вскоре пошел, увидел и подарил администрации свое фото 12×17 см, на котором он загадочно улыбался. Смысл этой улыбки стал понятен администрации только после того, как она обнаружила, что к фотокарточке аккуратно подшита книжка стихотворных пародий, выпущенная в Москве издательством «Советский писатель» в количестве (увы!) 20 000 экземпляров и при непосредственном участии редактора В. Фогельсона и художника В. Алешина.

Администрация срочно взяла дома творческий отпуск, уехала из кухни в отдаленный район дивана и принялась читать. При этом сразу бросилось в глаза, что книга называется «Пегас — не роскошь» и что она поделена на две равные части. В первой из них — «Старые знакомые» — собраны действительно знакомые пародии на поэтов хороших и разных, большинство из которых (пародий) впервые были напечатаны на 16-й странице и только потом пошли по рукам книжных издательств. Во второй части — «По первому следу» — Александр Иванов оставил глубокий след на творчестве других поэтов, к стихам которых он ранее не привлекался, но жизнь все-таки заставила. Эти пародии автор также все до копейки отдавал в портфель «Клуба ДС» и с тем же результатом... Потому что, как администрация ни старается быть беспристрастной, она не может, да и не хочет скрывать, что любит до смешного талантливые пародии Сан Саныча Иванова и даже где-то его самого.

Что же все-таки помогает Александру Иванову в его творчестве? Конечно, прежде всего высокий рост. Александр Иванов буквально на голову выше других пародистов, что позволяет ему заглядывать во все уголки книжных шкафов и доставать любых поэтов.

И в заключение хотелось бы отметить, что известный душелюб и людовед Евг. Сазонов, прочитав книгу, сказал:

Хоть я оратор
не речистый,
Сказать сегодня
нужно мне,
Что Саша —
самый пародистый
Из всех поэтов
на земле.

Администрация горячо присоединяется.

И. ДВИНСКИЙ, дежурный поЧитатель «Клуба ДС»

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **ПРАКТИКА — ТЕОРИИ**

Корректность неевклидовой геометрии еще раз доказал прораб У. Котяра. Противоположные стены возводимого им 16-этажного дома пересеклись уже на уровне 9-го этажа.

● **НОВЫЙ РЕКОРД КАТКА**

Новый рекорд для обычных асфальтовых катков установил сегодня рабочий Н. Катков. Со скоростью 60 км/час пронесся он на тяжелой машине по улицам строящегося микрорайона. Секрет успеха прост — сегодня в СМУ-3 была получка.

● **ЭТО ИНТЕРЕСНО**

Во время проведения ревизии на складе промышленных товаров № 7 на голове заведующего Н. Пыжикова внезапно загорелась шапка.

● **ОБЪЯВЛЕНИЕ**

Сажусь не в свои сани.

НЕ ПРИКЛАДАЯ РУК

Анатолий ЭИРАМДЖАН

ЛИЧНЫЙ ВОПРОС

ОСЬКИН приоткрыл дверь кабинета директора и, проглотив слюну, спросил:

— К вам можно?

— Если по работе — нет! — поднял руку директор. Он недавно был переведен на свою должность из другого места и заниматься надоедливыми подробностями нового производства не любил. — Я сегодня только по личным принимаю.

— По личному я, — неискренне сказал Оськин, проскользнул в кабинет и бесшумно закрыл за собой дверь.

— Тогда проходи, — директор поудобней устроился в кресле и жестом предложил сесть Оськину. — Что у тебя?

— Не знаю, как и начать, — пробормотал Оськин, усаживаясь перед директором и почему-то начав передвигать чернильный прибор на столе... — Все же личное это...

— Так что же у тебя? — нетерпеливо заерзал директор. — Говори, не тяни.

— Влюбился я, вот что! — решившись, одним духом выпалил Оськин.

— Так-так-так! — оживился директор. — Ты ведь женат, верно?

— Да, — грустно кивнул Оськин.

— А влюбился, конечно, не в жену, верно?

— Верно, — Оськин еще ниже опустил голову.

— Плохо! — с чувством сказал директор и отодвинул от Оськина чернильный прибор.

— Знаю, — еле слышно прошептал Оськин.

— Так в кого же ты влюбился? — прищурившись, спросил директор. — Не у нас ли она работает?

— У нас, — прошептал Оськин.

— Очень плохо! — Директор достал сигареты, закурил.

— Знаю, — Оськин сидел, опустив голову.

— Кури! — пожалел его директор и пододвинул пачку «Столичных».

— Спасибо, я не курю, — благодарно поднял на него глаза Оськин.

— Пьешь, небось?

— И не пью.

— А еще влюбляешься! — поморщился директор.

— Единственный мой грех! — прижав руки к груди, поклялся Оськин.

— Самый тяжкий! — выпустив кольцо дыма, сказал директор. — Лучше б уж пил, курил...

Оськин молчал, обхватив голову руками.

— А кто она, — спросил директор, — если не секрет?

— Конструктор второй категории Голенищева! — одним духом выпалил Оськин.

— Так! — хмыкнул директор. — Вкус у тебя неплохой...

— Она лучшая из всех женщин нашего института! — запальчиво выкрикнул Оськин.

— Это ты загнул, — мягко возразил директор. — Но в пятерку лучших, несомненно, входит.

— Спасибо, — польщенно потупился Оськин.

— Но ведь она замужем?! — спохватился директор.

— Да, — опять опустил голову Оськин.

— Плохо! — директор закурил еще одну сигарету.

— Но мы любим друг друга! — прижав руки к груди, драматическим голосом выкрикнул Оськин.

— Не кричи! — покосился на дверь директор. — Чего раскричался?! — И, убедившись, что Оськин больше кричать не будет, спросил: — А с чего решил, что и она любит?

— Знаю... Уже давно...

— Понятно, — директор жадно затянулся. — А чего ты ко мне пришел?! — спросил вдруг он.

— Поделиться, — сказал Оськин. — Трудно мне под такой нагрузкой. Как под высоким напряжением. Потому я пришел к вам.

— Это ты правильно, — сказал директор. — Только немного поздновато. Надо было сразу, когда вы друг другу только нравиться начинали. Тогда можно было бы принять меры. А теперь что?! Хочешь, уволю ее, Голенищеву твою, а? Как не справившуюся с обязанностями конструктора второй категории.

— Нет! Только не это! — взмолился Оськин. — Лучше увольте меня!

— Тебя не могу, — покачал головой директор. — Ты ведущий инженер. А ее можно было бы... Что же мне с вами делать? Должен ведь я принять какое-то решение.

— Расстаться, хотя бы на время, нам, конечно, нужно, — задумчиво, как бы про себя проговорил Оськин.

— Это верно, — обрадовался директор. — Разлука для любви, что ветер для костра: маленький затухает, а большой разгорается ярче!

— Это афоризм Ларошфуко? — спросил Оськин.

— Нет, мой, — сказал директор. — Так как же вам разлуку устроить? Без увольнений...

— А пошлите меня в командировку, — предложил Оськин.

— Хорошая мысль! — оживился директор. — Куда хочешь?

— А вот час назад пришла телеграмма с Котякинского завода, просят завтра быть на испытании нашего агрегата... Вот туда и пошлите... А то без нас черт-те что в акте напишут...

— В самом деле! — потер руки директор. — Это ты хорошо придумал. Приятное с полезным. Пиши докладную.

— Уже написал! — Оськин достал из внутреннего кармана пиджака лист бумаги и протянул директору. — С завтрашнего дня на пять дней, включая время нахождения в пути...

— А пяти дней тебе хватит? — задумался директор.

— На испытания? Вполне.

— Нет, на костер этот — задует или нет...

— Хватит! — беспечно махнул рукой Оськин. — Вот написал, и уже вроде полегчало...

В приемной Оськина ждал начальник лаборатории.

— Ну как?! — вскинулся он. — Неужто опять отказал?

— Да нет, разрешил, — зашептал Оськин, воровато озираясь на секретаршу. — Но не дай бог, Валька Голенищева узнает, что я про нее нагородил... Или ее муж... Что тогда будет?

— Ничего не будет, — похлопал Оськина по плечу начальник лаборатории. — Скажем, что для пользы дела. Поймет.

— Добро!

И Оськин побежал в бухгалтерию оформлять командировку.

ЧУДАКИ

И. АДИЕВ

ФРАЗЫ

- *Так крепко держал слово, что оно задохнулось.*
- *Если каждый уйдет в себя, в автобусе будет свободнее.*
- *Время идет вперед, как бы футболисты его ни тянули.*
- *Так долго шел на поводу, что начал ржать.*

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

А. ПОМАЗКОВ

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва, Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок 200-23-63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А—10706 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 104 ИНДЕКС 50067